

Илона Эндрюс

Магия побеждает

Ilona Andrews

MAGIC STRIKES

Copyright © 2009 by Andrew Gordon and Ilona Gordon

© Трофимова К., перевод на русский язык, 2020

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет за собой уголовную, административную и гражданскую ответственность.

«Потрясающий цикл фантастических романов. Интригующая сюжетная линия, наполненная ироническим повествованием, с первых страниц затягивает в удивительный мир мифических существ».

«Как жить в техногенном мире – мы знаем. Как в магическом – очень хорошо представляем. А вот как жить в мире, в котором магия приходит волнами, хаотично, и исчезает так же непредсказуемо? А как в этом мире работать на страже порядка?»

Анастасии и Хелен

Иногда работать было сложнее, чем обычно.

Я постучала рукой по лестнице.

– Видите? Она очень крепкая, миссис Максуини. Вы можете спускаться.

Миссис Максуини, сидевшая на телефонном столбе, посмотрела на меня сверху вниз, явно сомневаясь, стоит ли доверять не только стремянке, но и мне.

Тонкой как тростинка миссис Максуини, наверное, было уже за семьдесят. Ветер трепал белые пряди ее волос, задирач ночную сорочку, демонстрируя мне такие виды, которые лучше бы не показывать вообще.

– Миссис Максуини, спуститесь, пожалуйста.

Она выгнула спину и глубоко вздохнула. *Нет, только не сейчас.* Я уселась на землю и зажала уши руками.

Вопль острым ножом прорезал тишину ночи, выбив окна жилых домов, и, сорвавшись на визг, врезался в стекла. Ниже по улице в унисон завывали собаки, лай сливался с адским звуком в неестественной гармонии. Вопль усиливался, нарастая как лавина до тех пор, пока не осталось ничего, кроме него – сложного, многогранного хора: одинокого воя волка, горестного клика птицы, душераздирающего плача ребенка.

Она вопила и вопила так, будто сердце вырывали у нее из груди, и моя душа впала в отчаяние.

И тут магический прилив отступил. Мгновение назад он переполнял мир, насыщая силой голос миссис Максуини, а теперь пропал без предупреждения, подобно нарисованной на песке линии, которую смыл прибой. Техника вновь вступила в свои права. Синий фонарь вырубился: колдолампа погасла, когда заряженный магией воздух лишился силы. Зато в одном из жилых домов загудело электричество.

Мы называем это резонансом после Большого Сдвига. Да, магия уже затапливала Землю, отключая все сложное и технологичное. В такое время двигатели машин глохли, автоматическое оружие заклинивало, а небоскребы шатались.

Маги начинали стрелять во врагов ледяными болтами, высотки чуть ли не схлопывались, а охранные заклинания моего дома вспыхивали с новой силой, защищая мое жилище от непрошенных гостей.

А затем, прямо как сейчас, магия исчезла, оставив после себя монстров. Никто не может предсказать, когда она вернется, и никто не в силах предотвратить новый прилив.

Нам остается только одно – как-то пытаться справиться с безумной пляской магии и технологий. Вот почему я носила с собой саблю. Она-то всегда была наготове.

Последние отголоски истошного вопля отскочили от кирпичных стен и стихли. Миссис Максуини посмотрела на меня грустными глазами. Я встала и помахала ей.

– Сейчас вернусь, – сказала я и побежала к пока еще темному входу в подъезд, где находилась ее квартира.

Пятеро членов семьи миссис Максуини сидели в сумрачной прихожей.

– Итак, – обратилась я к мужчине с темными глазами и редкими каштановыми волосами, – почему вы не можете прийти и помочь мне?

Роберт Максуини покачал головой:

– Мама думает, мы не знаем, что она банши. Мисс Дэниелс, вы поможете ей спуститься или нет? Вы же рыцарь ордена. Помогите, Христа ради!

Ну, во-первых, никаким рыцарем я не была. Просто получала заказы от ордена. Во-вторых, переговоры – не самая сильная моя сторона. Я умела убивать. Быстро, проливая много крови. Но мне не часто приходилось уговаривать пожилых банши слезть с

телефонного столба.

– У вас есть какие-нибудь идеи?

– Я не... то есть она всегда скрывала это от нас, – вздохнула жена Роберта, Мелинда. – Мы, конечно, однажды слышали ее крик. Но она всегда была очень осторожна. Это на нее не похоже.

Пожилая афроамериканка в длинном широком балахоне заглянула в квартиру: дверь была не закрыта.

– А девушка уже успокоила Марджи?

– Я этим сейчас занимаюсь, – ответила я.

– Передайте Марджи, что лучше бы ей не пропускать бинго завтра вечером.

– Спасибо, – кивнула я и направилась на улицу – обратно к столбу.

Часть меня сочувствовала миссис Максуини. Три правоохранительных органа, которые регулировали жизнь в Соединенных Штатах после Большого Сдвига: армейское Подразделение сверхъестественной обороны, полицейский Отдел паранормальной активности и мой знаменитый работодатель, орден рыцарей милосердной помощи, – все они классифицировали банши как безвредных существ.

Никто не смог связать вопли созданий со смертями или стихийными бедствиями. Но молва обвиняла банши во всевозможных грехах. Говорили, они криками сводили людей с ума и убивали детей одним взглядом.

Многим не понравилось бы жить рядом с банши, и я могла понять, почему миссис Максуини прилагала все усилия, чтобы скрыть, кто она такая. Она не хотела, чтобы друзья и соседи избегали ее или ее родных.

К сожалению, неважно, насколько хорошо вы прячетесь, рано или поздно ваш страшный секрет найдет вас и цапнет как следует, после чего вы обнаружите, что сидите на телефонном столбе без малейшего понятия о том, как туда попали. А народ будет делать вид, что не слышал ваш пронзительный визг. Или разбежится в разные стороны.

Да уж. Кому, как не мне, об этом знать. В том, что касалось скрытия личности, я была мастером. Я сожгла все бинты, пропитанные собственной кровью, чтобы никто не смог опознать меня по магии, текущей в моих венах. Я прятала свою силу.

И я старалась не заводить друзей, в основном мне это удавалось.

Ведь если бы открылся мой секрет, я бы не сидела на телефонном столбе. Я была бы мертва, как и многие мои знакомые.

Я вернулась к миссис Максуини и посмотрела на нее.

– Ладно. Считаю до трех, а потом вы должны спуститься.

Она замотала головой.

– Послушайте, выставляете себя на посмешище! Семья беспокоится о вас, а завтра вечером вы играете в бинго. Вы же не хотите пропустить бинго?

Она закусила губу.

– Мы сделаем это вместе. – Я поднялась на несколько ступенек вверх. – На счет три. Раз, два, три!

Я сделала шаг вниз и замерла, наблюдая за миссис Максуини. Она повторяла за мной все мои движения.

Спасибо тебе, кто бы там ни был наверху.

– Продолжаем. Раз, два, три, шаг!

Очередной шаг мы тоже сделали вместе, а дальше она справилась сама.

Я спрыгнула на землю.

– Вот и все.

Миссис Максуйни помедлила. *О нет.*

Замешкавшись, она взглянула на меня своими донельзя печальными глазами и спросила:

– Вы никому не расскажете?

Я покосилась на окна жилого дома. Банши вопила достаточно громко, чтобы разбудить мертвых и заставить тех вызвать полицию. Но после Большого Сдвига люди объединились. Нельзя полагаться исключительно на магию или технологию, лучше – на семью и соседей. Они, как и я, готовы хранить секрет миссис Максуйни, как бы странно это ни звучало.

– Я – могила, – пообещала я.

Двумя минутами позже женщина направлялась к себе, а я боролась со стремянкой, пытаюсь сложить ее, а затем дотащить до подъезда и спрятать в углу (лестницу мне на время предоставил управляющий дома).

Мой день начался в пять часов с безумца, который бежал по коридору аналитического отдела ордена и орал, что дракон с кошачьей башкой ворвался в школу «Новая надежда» и вот-вот начнет жрать детей.

Дракон оказался обычным *татцельвурмом*, или, попросту говоря, червем на ножках, но, к сожалению, я не смогла победить его, не отрезав ему голову. Вот так меня прямо с утра здорово забрызгало кровью.

Потом нужно было помочь Мауро вытащить двухголового пресноводного змея из искусственного пруда, который образовался в руинах знаменитого офисного небоскреба (дело было в Бакхеде). В общем, день не задался.

Уже перевалило за полночь. Я была грязной, уставшей, голодной, измазанной четырьмя разными видами крови, и мне безумно хотелось вернуться домой. Плюс ко всему от моих ботинок воняло: змеюку вырвало недоеденной кошкой на мои несчастные ноги!

Наконец я смогла впихнуть стремянку на место и поплелась к парковке. Там меня ждал мул. Женского пола. Маригольд была привязана к металлическому столбику, который поставили специально для животных. Не доходя десяти футов, я заметила, что кто-то начал рисовать зеленой краской у нее на крупе свастику. Рядом на земле валялась палка, вероятно послужившая кисточкой. Еще я обнаружила несколько капель крови и нечто напоминающее сломанный зуб.

Я присмотрелась. Точно, зуб.

– Кажется, у кого-то было приключение?

Маригольд промолчала, но я по своему опыту догадалась, что подходить к ней сзади будет не самой лучшей идеей.

Она лягалась, как настоящая ослица. По крайней мере, упрямство у нее было ослиное. Если бы не знак ордена с другой стороны крупа, ее могли бы уже украсть. К счастью, у рыцарей имелась довольно неприятная привычка при помощи магии отслеживать воров и падать на них, будто тонна кирпичей.

Я отвязала Маригольд, села верхом, и мы смело отправились в дорогу. Как правило, магия и технологии сменяют друг друга по крайней мере один раз в сорок восемь часов или даже чаще. Но два месяца назад нас поразила жуткая Вспышка и накрыла такая сильная волна, что Атланту затопило как цунами. Реальность сместилась куда-то в сторону, три дня подряд по улицам бродили демоны и боги, а монстры, жившие в людском мире, с трудом сдерживали себя.

Вспышку я встретила на поле битвы, помогая горстке оборотней истреблять орду демонических тварей.

То было поистине невероятное событие. После него мне снились даже не кошмары, но яркие пьянящие сны: сюрреалистические видения из крови, сверкающих клинков и смерти.

Но Вспышка угасла, оставив технологии твердо править Землей.

Два месяца автомобили заводились без сбоев, электричество рассеивало мрак, а кондиционеры сделали август восхитительным. Вдобавок мы смотрели телевизор. Вечером в понедельник в программе значился «Терминатор 2», показавший главное: все могло быть гораздо хуже.

В среду около полудня магия снова поглотила мир, и Атланта погрузилась в ад.

Не думаю, что она застала людей врасплох, но к нам никогда не поступало столько просьб о помощи с тех пор, как я попала в орден. В отличие от гильдии наемников, в которой я работала раньше, рыцари не отказывали никому – независимо от потенциальной платежеспособности своих клиентов. Они брали только то, что вы могли отдать, а зачастую и вовсе ничего. Мы утопали в мольбах. Мне удалось выкроить четыре часа на сон в среду вечером и снова приняться за дело.

Технически сейчас наступила пятница, и непреходящие фантазии о горячем душе, еде и мягких простынях измучили меня. Не так давно я сама испекла яблочный пирог, которым мечтала полакомиться за ужином.

«Кейт?» – далеким, но четким эхом прозвучал в моей голове строгий женский голос.

Ага, Максин на связи!

Но я даже не вздрогнула. После сорокавосьмичасового марафона принимать телепатические послания от секретаря ордена стало абсолютно банальным. Обычная рутина. Грустно, но это правда.

– Прости, дорогая, но пирогу придется подождать.

Что там еще случилось? Специально Максин не читала мысли, но, если я на чем-то концентрировалась, она не могла не уловить намек.

– У меня – зеленая семерка, вызов от гражданского.

Ясно. Мертвый оборотень. Перевертыши и то, что с ними связано, – моя ответственность. Они не доверяли посторонним, а я оказалась единственной из сотрудников, заслужившей статус «Друг Стаи». Удовольствие весьма сомнительное, если честно. В основном это означало, что оборотни могут переброситься со мной парой слов прежде, чем решат разделать меня подчистую.

В общем, ребята подняли паранойю на новый уровень.

– Это где?

– Угол Понс де Леон и Дэд Кэт.

Двадцать минут на Маригольд. Похоже, Стая знает об этой смерти. Теперь оборотни будут рычать и требовать правосудия. Тьфу.

Я развернула свое средство передвижения и направилась на север.

– О'кей, еду.

Маригольд тащилась по улице медленно, но упорно и вроде бы неутомимо. Мимо проползали неровные силуэты некогда великолепных, а ныне разрушающихся зданий.

Будто магия охватила Атланту, но ее потушили, прежде чем огонь, объявивший город, смог

выжечь его дотла.

Крошечные точки электричества рассеивали тьму. Запах дыма от углей вместе с ароматом жарящегося мяса доносился из квартиры на Александер де Понс. Кто-то в полночь готовил ужин. Улицы опустели. Горожане, обладающие хоть каким-то чувством самосохранения, понимали, что сейчас лучше сидеть дома.

Пронзительный вой, от которого по спине побежали мурашки, прокатился над Атлантой. Это наверняка волчица.

Я буквально воочию увидела, как хищник стоит на бетонном выступе рухнувшей высотки. Лунный свет освещает густой мех, голова поднята, мохнатая шея вытянута, волчица поет безупречную песню, окрашенную тоской и обещанием кровавой охоты.

Из переулка показался какой-то силуэт, следом за ним – еще один.

Истощенные и безволосые существа смахивали на тени. Они передвигались на четвереньках, рывками. Нестройной походкой они переходили улицу передо мной и внезапно резко остановились.

Раньше они были людьми, но оба мертвы уже более десяти лет. На теле не осталось ни капли жира. И никакой плоти вообще – только стальные мышцы под отвердевшей кожей. Два вампира на охоте. И не на своей территории.

– Ваши документы, – потребовала я.

Большинство погонщиков знали меня в лицо, как и других членов ордена в Атланте.

Упырь, стоявший поближе, разинул пасть.

Раздался искаженный голос погонщика.

– Подмастерье Родригес, подмастерье Салво.

– Ваш хозяин?

– Ровена.

Из всех повелителей мертвых я менее всего ненавидела Ровену.

– Что-то вы от «Казино» далеко забрались.

– Мы...

Второй кровопийца открыл рот, обнажая светящиеся клыки, которые зияли в черной пасти.

– Он облажался, и мы заблудились в Уоррене.

– Я сверялся с картой, – возразил упырь.

Его приятель ткнул когтистым пальцем в небо.

– Карта бесполезна, если ты не умеешь ориентироваться по этому дерьму. Луна не всходит на севере, придурок.

Два идиота. Было бы смешно, если бы я не чувствовала исходящую от них жажду крови. Если туповатые подмастерья на мгновение потеряют контроль, то их подопечные тотчас набросятся на меня.

– Прочь, – сказала я, слегка подтолкнув Маригольд.

Упыри взмыли вверх. Наверное, погонщики ссорились где-то в глубинах «Казино».

Вирус *Immortuus* отбирал у своих жертв личности. Бесчувственные твари следовали только жажде крови, нападали, подчиняясь инстинктам. Пустота вампирского разума сделала его идеальным сосудом для некромантов, повелителей мертвых. Последние в

основном служили Племени.

Ну а что такое Племя? Отчасти исследовательский институт, отчасти корпорация, где многое перемешано с древним культом и ритуалами, вызывающими у живых людей рвотные позывы. Так или иначе члены организации посвятили себя изучению нежити.

У них были общины в мегаполисах, как, впрочем, и у ордена. Здесь, в Атланте, их логовом стало «Казино». Надо сказать, что положение у некоторых членов Племени в Атланте, в общем-то, довольно высокое.

Только Стая могла сравниться с ними в мощи.

Некогда Племя возглавлял таинственный легендарный герой, который в настоящее время называл себя Роландом. Он обладал огромной силой. А еще был тем персонажем, ради убийства которого я тренировалась всю свою жизнь.

Маригольд обогнула выбоину в асфальте, свернула на Дэд Кэт, и я обнаружила кое-что прямо под уличным фонарем.

Копов и свидетелей было не видать. Призрачный лунный свет падал на тела семи оборотней.

Но никто из них не был мертвым.

Кроме того, я заметила двоих перевертышей в зверином обличье. Они выскользнули из расширяющегося зева улицы Дэд Кэт и теперь крались к своим поверженным собратьям.

Как правило, такие оборотни являются искаженными копиями животных, и эти тоже не стали исключением – неуклюжие звери повыше и помассивней немецкого дога. Помимо них еще пара оборотней – уже в человеческом облике – упаковывали в мешок для трупов нечто отдаленно смахивающее на тело.

Трое других обходили место преступления по периметру, чтобы не подпустить зевак. Будто кто-то настолько глуп, чтобы любоваться таким зрелищем!

При моем появлении оборотни замерли. На меня уставились семь пар светящихся глаз: четыре зеленых и три желтых. Судя по пламени в их взглядах, перевертыши были на взводе и могли сорваться в любую секунду.

Один из оборотней погиб, и ребята жаждали крови.

Спокойным тоном я начала разговор:

– Вы никогда не думали предлагать свои услуги в качестве елочной гирлянды? Вы бы сколотили целое состояние.

Один из оборотней бросился ко мне. Он казался огромным из-за бугрящихся мускулов. Сам – подтянутый, возраст – слегка за сорок.

С таким же выражением лица, как у него, оборотни обычно представляются посторонним: вежливая, но жесткая физиономия. Просто скала Гибралтара.

– Добрый вечер, мэм. Это частное расследование стаи. Вынужден попросить вас идти дальше.

Мэм... ого.

Я сунула руку за ворот рубашки и вытащила пропуск – прямоугольник, закатанный в прозрачный пластик.

Сняла его и вручила оборотню. Взглянув на мое удостоверение личности, дополненное квадратиком зачарованного серебра, он выкрикнул:

– Орден!

На противоположной стороне улицы из темноты показался человеческий силуэт. В одно мгновение на стене здания, словно лужа чернил, лежала только глубокая ночная тень, а

затем – раз! – и там стоял он. Высокий – шесть футов два дюйма, фигура профессионального боксера, а кожа – цвета горького шоколада. Обычно он носил черный плащ, но сегодня ограничился черными же джинсами и футболкой. С каждым его движением на груди и руках перекачивались мускулы. При взгляде на его лицо в голову приходили мысли о лютых драках. Выглядел он так, будто сломал себе однажды все кости, чтобы выжить, – и ему это даже понравилось.

Да, он и впрямь любил свою работу. Он приблизился ко мне.

– Привет, Джим, – дружелюбно поздоровалась я. – Странно встретить тебя здесь.

Говоривший до этого со мной оборотень отошел.

Джим хлопнул Маригольд по загривку.

– Долгая у тебя выдалась ночь? – спросил он мелодичным и спокойным голосом.

Джим пением никогда не занимался, но все знали, что если он решит сделать это, женщины будут падать к его ногам.

– Угадал, – ответила я.

Он был моим партнером еще в те времена, когда я вкалывала исключительно на гильдию наемников. Для некоторых заданий требовался напарник, поэтому мы с Джимом работали вместе. Удивительно, но мы неплохо ладили друг с другом.

К тому же оборотень являлся альфой в клане котов и был начальником службы безопасности Стаи. Я видела его в бою и предпочла бы встретиться с бешеными гадюками, чем драться с ним.

– Тебе пора домой, Кейт.

Изумрудный огонек мигнул в его глазах и исчез, его звериная сторона на мгновение вырвалась на свободу.

– Что здесь произошло?

Волк слева коротко твякнул. Женщина-оборотень подбежала к нему и подняла что-то с тротуара. Краем глаза я успела заметить, что это такое, прежде чем она сунула улику в сумку. Человеческая рука, отрубленная по локоть, все еще в рукаве. Только что уровень опасности мигом взлетел от зеленой семерки к зеленой десятке.

Убийца-перевертыш. Как правило, во время несчастных случаев конечности не разбросаны в разные стороны.

– Кейт, тебе не следует лезть в дело Стаи. – Джим пристально посмотрел на меня. – Ты знаешь закон.

Точно. Он гласил, что оборотни являются свободной независимой группой, схожей с племенами коренных североамериканских индейцев. Стая имела свой властный орган самоуправления. Перевертыши создали собственные законы и имели право применять их, только если дело касалось оборотней.

Если оборотни не принимали мою помощь в данном расследовании, я мало что могла поделать.

– Как агент ордена, я предлагаю вам свое содействие.

– Стая благодарна ордену за предложение, но сейчас мы отказываемся от него. Уходи, Кейт, – проговорил Джим. – Ты выглядишь измотанной.

Перевожу: брысь, маленький человечиска. Большим, могучим оборотням не нужны твои навыки наемника.

– Вы уладили все с копами?

Джим кивнул.

Я вздохнула, развернула Маригольд и направилась домой. Кто-то умер. И меня не будет в числе тех, кто расследует дело. Если бы там находился кто-то другой, а не Джим, я бы постаралась увидеть тело.

Но если альфа говорил нет, возражать было бессмысленно. Продолжи я настаивать, это только усугубило бы разногласия между орденом и Стаей. Ладно, Джим никогда не работает спустя рукава, поэтому его команда будет компетентна и эффективна.

Однако я беспокоилась.

Я собиралась позвонить паранормальщикам утром и узнать, поступали ли к ним какие-нибудь отчеты.

Даже если бы копы не сказали мне, что в них содержится, я хотя бы узнала, написал ли Джим их вообще. Не то чтобы я не доверяла оборотню, но проверить никогда не помешает.

Через час я оставила Маригольд в небольшой конюшне около парковки и поднялась в свою квартиру. Я унаследовала ее от Грега, моего опекуна, который служил рыцарем-прорицателем в ордене. Он умер шесть месяцев назад. Я так сильно по нему скучала, что иногда даже испытывала физическую боль.

При виде входной двери моя тревога только возросла. Странно. Я ввалилась внутрь, заперлась, стащила изгвазданные ботинки и швырнула их в угол. Потом с обувью разберусь. Расстегнула кожаный ремень, удерживающий на спине Погибель, мою саблю. Вытащила клинок из ножен и приставила к кровати.

Яблочный пирог манил меня. Я потащилась на кухню, открыла холодильник, и мой взгляд уперся в пустую тарелку.

Это я его съела? Не помню такого. И если бы это сделала я, то я бы не оставила пустое блюдо в холодильнике.

На входной двери нет никаких следов взлома. Я быстро осмотрела квартиру. Ничего не пропало. Вещи на своих местах. Библиотека Грега с его книгами и артефактами выглядела как обычно.

Должно быть, я все же прикончила яблочный пирог. Учитывая безумие последних сорока восьми часов, наверное, я просто забыла. Ну и отстой. Бормоча себе под нос ругательства, я вымыла тарелку и поставила ее на специальное место под плитой. И так, у меня нет пирога, но никто не может запретить мне помыться. Я разделась на ходу, заползла под душ и погрузилась в мир горячей воды и мыла с розмарином.

Едва я замотала волосы полотенцем, как зазвонил телефон.

Пинком распахнув дверь, я уставилась на аппарат, брошенный на прикроватный ночной столик. Ни к чему хорошему звонки не приводили. Всегда на другом конце либо кто-то мертв, либо умирает – или убивает невинную жертву.

Дзинь-дзинь.

Дзинь-дзинь-дзинь.

Дзинь?

Я вздохнула и взяла трубку.

– Кейт Дэниелс.

– Привет, – раздался знакомый бархатный голос. – Надеюсь, я тебя не разбудил.

Сайман. Самый последний тип на Земле, с кем бы я хотела сейчас поговорить.

Он обладал энциклопедическими знаниями о магии. И он являлся оборотнем – в некотором роде, а точнее, был метаморфом. Иными словами, мог превращаться в кого

только душе угодно.

Я выполняла для него кое-какую работенку, еще когда числилась в штате гильдии наемников. Сайман находил меня забавной и потому предложил мне скидку на свои услуги эксперта в области магии. К сожалению, наша последняя встреча с ним произошла во время очередного сдвига на вершине небоскреба, где метаморф танцевал голым на свежавывающем снегу. С такой эрекцией, которую мне не доводилось видеть у нормальных людей. Вдобавок он не хотел отпускать меня. Мне пришлось спрыгнуть на карниз, чтобы убежать от него.

Я отвечала вежливо. Кейт Дэниелс – магистр дипломатии.

– Я не хочу говорить с тобой. И вообще я не собираюсь с тобой общаться.

– Как печально! Но у меня есть кое-что принадлежащее тебе. И я хотел бы вернуть тебе этот объект.

Что, ради всего святого?

– Пришли по почте.

– Я бы с радостью. Но он вряд ли влезет в конверт.

Он? Он уже не внушает доверия.

– Объект отказывается говорить, но, думаю, я смогу тебе его описать: примерно восемнадцать-девятнадцать лет, темные, короткие волосы, угрюмый взгляд, большие карие глаза. Милый, прям как щеночек. Его *tapetum lucidum* любопытно реагирует на свет... кстати, этот особый отзеркаливающий слой расположен на оболочке глаз животных. В общем, судя по реакции *tapetum lucidum* на свет, я понял, что поймал не простого взломщика, а самого натурального оборотня. Он был с тобой во время нашего randevu, помнишь, Кейт? И мне правда очень жаль.

Дерек. Мой приятель-оборотень. Волчонок-вундеркинд. Какого черта он делает в квартире Саймана?

– Дай ему телефон, пожалуйста, – бесстрастно попросила я. – Дерек, ответь мне, чтобы я знала, что он не блефует. Ты ранен?

– Нет, – прорычал парень. – Я справлюсь. Не приходи сюда. Здесь не безопасно.

– Как же замечательно, что он заботится о твоём благополучии, сидя в клетке, – перебил его метаморф. – У тебя такие интересные друзья, Кейт.

– Сайман?

– Да?

– Если ты причинишь ему боль, я приведу в твою квартирку двадцать оборотней. Перевертыши почуют твой запах и мигом озвереют.

– Не волнуйся. У меня нет никакого желания навлекать на свою голову гнев Стаи. Твой друг невредим и изолирован. Однако я передам его соответствующим органам, если ты сама не забереешь его до рассвета.

– Я скоро приду.

В голосе Саймана прозвучала легкая насмешка:

– С нетерпением жду тебя, Кейт.

Я пришла к нему в три утра.

Сайман занимал апартаменты на пятнадцатом этаже единственной высотки, уцелевшей в Бакхеде.

Магия, можно сказать, люто ненавидела небоскребы, да и вообще все крупное и

технологичное. Она прогрызала сооружения до бетонных оснований и металлических каркасов, запросто продиравливая пятиэтажные дома.

Полуразрушенные здания виднелись то тут, то там – они встречались на протяжении всего Мидтауна и напоминали ветхие обелиски давно забытой цивилизации.

Раньше здание называли «Ленокс пойнт», теперь переименовали в «Чемпион хайтс». Его перестраивали бесчисленное количество раз, а еще оно было защищено паутиной заклинаний, которые обманывали магию, вынуждая ее «думать», что это – обычная гранитная скала.

Во время магического прилива некоторые части «Чемпион хайтс» действительно смахивали на валуны. Но сейчас наступил относительно спокойный момент, и здание вновь выглядело как обычная высотка.

Я приехала в Бакхед на своей «Субару» по прозвищу «Бетси». Она ненасытно пожирала бензин, но я хотела сэкономить время. Магический прилив только что спал: учитывая слабость волны, технологии будут править миром как минимум еще несколько часов.

Я припарковала мою помятую девочку рядом с шеренгой идеальных автомобилей. Они наверняка стоили целое состояние (можно даже не упоминать сумму моих годовых гонораров) и поднялась по бетонным ступенькам, чтобы войти в вестибюль, бронированный стальными пластинами и с пуленепробиваемыми стеклами.

Я зацепилась ногой за край ступени и чуть не упала. Отлично. Сайман пугающе умен и наблюдателен, что является опасной комбинацией для его потенциального противника. Мне нужно быть наготове. Но я так устала, что в глаза стоило бы вставить спички, чтобы они не закрывались. Если я срочно не возьму себя в руки, Дерек встретит рассвет, дрейфуя в океане боли.

Когда оборотень достигает половой зрелости, он может либо отдаться инстинктам, либо следовать Кодексу. Первое означает, что перевертыш подчиняется зверю и лихо скатывается по неровному холму убийств, людоедства и безумия. Правда, однажды он натывается на острые зубы, лезвия и множество серебряных пуль, поджидающих его внизу. Кодекс же подразумевает дисциплину, спартанские условия и железную волю. Единственный способ для оборотня функционировать в человеческом обществе – подчиниться этому образу жизни.

Следование Кодексу также подразумевает присоединение к группе, в которой иерархия была абсолютной, где альфы обременены властью и серьезной ответственностью.

Стая Атланты, возможно, самая многочисленная в стране. Только «Ледяная ярость» Аляски конкурировала с ней по цифрам. Но местные оборотни привлекали гораздо больше внимания. Принципы Стаи основаны на верности, подчинении командам и чести. Ее члены никогда не забывали, что общество воспринимало их как зверей, и потому делали все возможное, чтобы создать имидж скромных и законопослушных горожан. Наказание за несанкционированную преступную деятельность было мгновенным и жестоким.

То, что Сайман поймал Дерека на взломе и проникновении в свое жилище, не предвещало ничего хорошего для волчонка. У метаморфа были связи, если бы он захотел, то мог разразиться жуткий скандал. В общем, репутация Стаи могла сильно пострадать. Альфы, входящие в Совет, ждут не дождутся повода совершить убийство. Прямо сейчас не самое подходящее время злить их. Я должна вывести Дерека из логова быстро, тихо и без лишней суеты.

Я добралась до вестибюля и постучала по металлической решетке. Охранник направил на меня «АК-47»: пропускной пункт был укреплен и находился в самом центре помещения. Гранитный пол так и блестел.

Я назвала мужчине свое имя, и он сразу же впустил меня. Ожидаемо. Как мило со стороны Саймана! Лифт довез меня до пятнадцатого этажа и выплюнул в роскошный коридор, покрытый мягким ковром, который, наверно, был толще, чем мой матрас. Я подошла к нужной мне квартире, замок щелкнул, стоило мне протянуть руку, чтобы нажать на кнопку звонка.

Дверь распахнулась, и я увидела хозяина. Он выглядел непритязательно: лысый, слегка загорелый и худощавый мужчина среднего роста, одетый в белый спортивный костюм. Лицо его было, можно сказать, даже красивым, но лишенным какого-либо выражения. Смотреть на него – то же самое, что заглянуть в непрозрачную, слегка отражающую поверхность: Сайман любил подражать манерам своих собеседников, зная, что их это нервировало.

Однако его глаза были ласковыми и выразительными: темные, с проблеском хитроумного интеллекта. Сейчас они прямо искрились от удовольствия. *Наслаждайся, пока можешь, Сайман. Я взяла с собой Погибель.*

– Кейт, как приятно снова тебя видеть.

Не могу сказать того же.

– Где Дерек?

– Прошу!

Я вошла в квартиру: тщательно продуманную однотонную среду, где главенствовала ультрасовременная мебель и белые плюшевые подушки. Сплошные изгибы и кривые линии... Даже клетка, в которой скрючился Дерек, сочеталась со сверкающей сталью и стеклом кофейного столика и дизайнерским светильником.

Дерек тут же уставился на меня. Он не шевелился, молчал и не отводил от меня взгляда.

Я приблизилась к клетке и посмотрела на парня. Целый и невредимый.

– Ты не ранен?

– Нет. Не нужно было приходить. Я сам справлюсь.

Кажется, я что-то упустила. В любой момент волчонок мог выскочить, сломать двухдюймовые прутья из сплава серебра и чего-то еще, несмотря на то, что драгоценный металл являлся ядом для оборотней, и героически врезать Сайману, который упрятал его за решетку.

В любую минуту. В любую секунду.

Я вздохнула. *Боже, избавь меня от храбрости юных идиотов.*

– Кейт, прошу, сядь. Хочешь выпить? – Сайман перебрался в бар.

– Воды, пожалуйста.

Я вытащила Погибель из ножен на спине. Клинок поймал свет электрической лампы: бледное матовое лезвие было длинным и тонким. Сайман посмотрел на меня из-за барной стойки.

Ты встречался с моей саблей, парень? За такое можно и умереть.

Я положила Погибель на кофейный столик, села на диван и принялась рассматривать Дерек. Девятнадцатилетний вундеркинд был еще немного неловким, с длинными ногами и стройным телом, которое обещало прекрасно оформиться в будущем. Каштановые волосы с оттенком хрома стали темнее, как всегда, они были коротко подстрижены. Лицо, хоть и мрачное сейчас, имело ту мечтательную красоту юности, которая заставляет девчонок-подростков и наверняка их матерей таять в присутствии Дерек.

Когда я впервые его увидела, он был хорош. А теперь он и вовсе обещал превратиться в героя-любownika. Глаза представляли особую угрозу для женского пола: огромные, темные, обрамленные такими длинными ресницами, что они даже отбрасывали тени на щеки.

Удивительно, что он вообще выходил в свет. Никогда не могла понять, почему копы его до сих пор не арестовали за эпидемию обмороков среди девиц от восемнадцати и младше.

А Сайман готов поиметь все, что движется. Я боялась, что найду Дерека – с его-то внешностью – прикованным к кровати или еще хуже того.

– После нашего разговора я вспомнил, где видел нашего юного друга.

Сайман принес два хрустальных бокала: бледно-золотое вино для себя и воду со льдом для меня. Я проверила свой бокал. Никакого белого порошка, никаких шипучих таблеток или других явных признаков препаратов. Пить или не пить? Вот в чем вопрос.

Я сделала глоток. Если бы он рискнул что-то добавить, то я бы все равно могла убить его, прежде чем вырубилась бы. Сайман попробовал вино и вручил мне сложенную газету. До Большого Сдвига печатная пресса была вымирающим видом, но магические волны уничтожили интернет, и периодика вновь вернулась во всей своей былой славе.

Я развернула газету и уставилась на довольно-таки зловещее изображение. На переднем плане имелось здание красного кирпича с разрушенной стеной. Труп дракона, от которого практически ничего не осталось, кроме скелета с кусками гниющего мяса на костях, разлагался позади – среди тел убитых женщин.

Заголовок гласил: «УБИЙЦА, СТАЛКЕР ИЗ РЕД-ПОЙНТА, ОТПРАВЛЕН НА ТОТ СВЕТ ЦАРЕМ ЗВЕРЕЙ».

Никаких упоминаний обо мне. Все, как мне нравится.

Вторая фотография располагалась ниже и иллюстрировала статью. Ясно, врач Стаи Дулитл уносил Дерека с поля боя. Сталкер сломал последнему ноги и держал парня на цепи, чтобы кости не зажили.

– Это он был тем мальчиком, которого из-за тебя преследовал Сталкер, – произнес Сайман. – Я полагаю, он поклялся кровью защищать тебя.

У Саймана – отличные источники, и он неплохо платит за информацию, но члены Стаи не общались с посторонними. Как, черт возьми, он раскопал этот лакомый кусочек?

– Клятва уже не действует.

Кэрран, Царь Зверей Атланты, вожак Стаи и по совместительству Верховный Урод, освободил Дерека, буквально держа его в своих когтях, от кровной клятвы, едва дело Сталкера было окончено.

– У магии есть интересное свойство, Кейт. Как только связь сформирована, она затрагивает обе стороны.

Я знала теорию взаимной магии Ньюмана так же хорошо, как и остальные. Сайман напрашивался на комплимент. Но я была рада разочаровать его.

– Если ты думаешь, что я пришла из-за остаточного магического принуждения от старой кровавой клятвы, то ты ошибаешься. Он – не мой любовник, не тайный родственник и даже не обладает невероятной ценностью для Стаи. Я здесь потому, что он друг. Поменяйся мы местами, ты был бы уже давно мертв, а он использовал твой кофейный столик как монтировку, чтобы вытащить меня из клетки.

Я посмотрела на метаморфа своим наилучшим вариантом тяжелого взора наемницы:

– У меня мало друзей, Сайман. И если с ним что-то случится, я приму это очень близко к сердцу.

– Ты мне угрожаешь? – Удивление было едва заметным в его голосе.

– Просто обозначаю границы. Если ты сделаешь больно ему, ты тоже пострадаешь, не успеешь и глазом моргнуть. Подумай о последствиях.

Сайман серьезно кивнул:

– Будь уверена, Кейт, я учту вашу эмоциональную привязанность.

И я не сомневалась, что так и будет. Он работал с информацией, продавая ее по высокой

цене. Собирал свой товар по крупицам, складывая воедино картину из кусочков пазла отдельных разговоров, и он никогда ничего не забывал.

Сайман поставил бокал и переплел свои длинные пальцы.

– Однако твой дружок ворвался в квартиру и попытался украсть мою собственность. Чувствую себя обязанным отметить, что, хоть я и уважаю вашу способность к насилию, уверен, вы не убьете меня без повода. А я не собираюсь вам его давать и потому одержу верх в наших переговорах.

Верно. Если поднимется шумиха, Дереку придется иметь дело с Кэрраном. Царь Зверей – высокомерный, властный сукин сын, который правил Стаей стальной лапищей и трехдюймовыми когтями. Мы с Кэрраном сочетались так же хорошо, как глицерин с азотной кислотой: сведи нас вместе, немного потряси и урони на землю, после чего мы взорвемся. Однако, несмотря на многочисленные недостатки вожака, чтобы посчитать которые, мне пришлось бы задействовать еще пальцы ног и рук Саймана, у Кэррана не было любимчиков. Дерек будет наказан – и весьма сурово.

Я снова сделала глоток воды.

– Запомню. Чисто из любопытства, что он пытался украсть?

Сайман с грацией опытного мага вытащил прямо из воздуха два маленьких прямоугольника бумаги. Сейчас на пике были технологии, поэтому он, безо всякого сомнения, продемонстрировал мне обычную ловкость рук. Я мысленно взяла себе на заметку, что никогда не надо играть с ним в карты.

– Вот что он хотел. – Метаморф протянул мне бумаги.

Не дотрагиваясь, я посмотрела на них. На кроваво-красном пергаменте золотыми буквами значилось: «ПОЛУНОЧНЫЕ ИГРЫ».

– Что за игрища?

– Сверхъестественный турнир по приглашениям.

Ого.

– Я так понимаю, незаконный.

– Абсолютно. Кроме того, я подозреваю, что Царь Зверей категорически запретил присутствовать и участвовать в турнире членам Стаи.

Во-первых, Дерек ворвался в апартаменты Саймана. Во-вторых, не просто так, а с явным намерением совершить кражу. В-третьих, он пытался взять билеты на нелегальный гладиаторский турнир, что является прямым нарушением Кодекса. Кэрран может живьем содрать с Дерек шкуру – и вовсе не фигурально.

Есть ли еще что-то, что могло усугубить ситуацию?

– Хорошо. Как мы можем решить вопрос?

– Я готов отпустить парня и забыть, что он вообще здесь был, – ответил Сайман. – При условии, что ты сопроводишь меня на турнир.

Вот и напросилась.

– Нет! – воскликнул Дерек.

Я изучала сверкающий хрусталь бокала в попытках потянуть время. На стекле оказался выгравирован герб: пламя, окруженное змеем. Свет электрической лампы горел на пламенном узор, хрустальные чешуйки вспыхивали огненными цветами.

– Прекрасно, не так ли?

– Ридель. Это австрийская компания, Кейт. Мои бокалы изготовили вручную. Очень ограниченная серия. Таких всего два.

– Зачем я тебе *там*?

– На то имеются две причины: мне нужно твое профессиональное мнение, ты – эксперт в драках.

Я выгнула бровь.

– Я бы хотел, чтобы ты оценила одну из команд на Играх.

Сайман позволил себе улыбнуться.

Ладно. Это я могу.

– А вторая?

Метаморф долго смотрел на свой бокал и вдруг треснул его о стол. С чистым звяканьем стекло разлетелось вдребезги, хлынув на пол брызгами сверкающих хрустальных осколков.

В клетке зарычал Дерек.

Я подавила желание закатить глаза из-за театрального жеста и кивнула на крошево осколков.

– Если собираешься меня порезать, то не повезло. Бутылка больше подходит для подобных вещей.

Восторг заискрился в глазах Саймана.

– Нет, на самом деле я планировал продемонстрировать философскую точку зрения. Стекло, которое ты сейчас держишь, – единственное в своем роде. Высшая роскошь – другого образца в мире уже не найдешь.

Плоть вокруг его запястья распухла. Теперь она растекалась, как расплавленный воск. Мой желудок сделал кульбит и попытался уползти куда-то в сторону. Мы снова вернулись к прежнему. Сайман накапливал магию, как батарейка, но я думала, что технологии сейчас были настолько мощными, что метаморф не сумеет преобразоваться.

Я его опять недооценила.

Плечи Саймана расширились. Шея, грудь и бедра стали толще, растягивая толстовку. На предплечьях четко обозначились мышцы. Кости под кожей черепа завибрировали, отчего меня чуть не вырвало водой.

На меня смотрело другое, новое лицо: привлекательное, сильное, чувственное, с квадратной челюстью и прикрытыми зелеными глазами под рыжеватыми бровями. Густые светлые волосы блестящей волной упали на новые массивные плечи.

– Для смертных я и есть высшая роскошь, – произнес он.

Облик мужчины разрушился, истончился, оплавился, искривился, но глаза не изменились. Я смотрела в них, используя в качестве якоря. Даже когда уголки век опустились, радужка потемнела, а бархатистая опушка ресниц их обняла, я еще могла сказать, что передо мной – Сайман.

– Я предлагаю тебе нечто гораздо большее, чем секс, – сказала потрясающе красивая испанка. – Я предлагаю исполнение желаний. Все, что ты хочешь. Любой, кого ты хочешь. Воплотить фантазию в жизнь. Я могу дать тебе то, что недоступно, Кейт.

Его лицо снова трансформировалось. Дерек. Довольно-таки сносное факсимиле, неплохое, чтобы обмануть меня при скудном освещении. Однако тело пока еще оставалось женским. Сайман устал. Наверно, выпил галлон протеинового коктейля в ожидании моего приезда, чтобы устроить сногсшибательное шоу.

– Я могу дать тебе друга. – Сайман-Дерек усмехнулся. – Никакого чувства вины. Никто никогда не узнает. Все, кого ты втайне представляешь, когда делаешь себе приятно... Я предоставляю тебе их во плоти.

Дерек в клетке просто пиялся, потеряв дар речи, однако на физиономии парня появилось выражение отвращения.

- Есть ли смысл в твоей демонстрации, кроме того, чтобы вызвать у меня рвоту?

Метаморф вздохнул:

- Ты отказываешься от всего, что я предлагаю, Кейт. Ты ранишь мою гордость.

Я скрестила руки на груди.

- Дело вот в чем, Сайман. Независимо от того, какой облик ты выберешь, я знаю, что это ты. И ты не хочешь меня. Ты хочешь меня только из-за того, что я сказала тебе «нет».

Он обдумал мой ответ.

- Возможно. Но факт остается фактом: отказав мне, ты стала моей высшей роскошью. Единственное, чем я не обладаю. Ты со мной не видишься. Не отвечаешь на мои звонки. Игнорируешь любые мои попытки извиниться за свое поведение во время прошлой встречи. Крайне сложно соблазнить женщину, когда она отказывается признавать твое существование. С нетерпением жду, когда ты придешь ко мне и останешься на ночь.

- Чертов извращенец! - Дерек, похоже, нашел подходящие слова, чтобы выразить свое мнение о ситуации.

- Лично я предпочитаю термин «сексуальный девиант», - проговорил Сайман.

- Когда я выберусь отсюда...

Я подняла руку, остановив поток обещаний Дерека о весьма болезненных и незаконных действиях, которые он намеревался сотворить с метаморфом.

- Я составлю тебе компанию на Играх.

Хотя лучше бы я убралась в общественном туалете.

- Но ты в свою очередь подтвердишь, что Дерек никогда не врвался в твою квартиру, и априори не будешь обвинять его во взломе апартаментов. И не рассчитывай на свидание. Не будет ни ухаживаний, ни соблазнения, ни секса. Это лучшее, что я могу тебе предложить, и мое решение не обсуждается. Если ты согласен, то имей в виду, что я пока еще являюсь официальным представителем ордена. Да, я приму участие в крайне незаконном мероприятии, но не ставь меня в положение, когда я почувствую себя обязанной что-то предпринять.

Сайман поднялся, направился в комнату, которая являлась его личной лабораторией. Он вернулся со стопкой распечаток, демонстрирующих Дерека в клетке во всей его красе. Вручил их мне, включил цифровую камеру и очистил ее карту памяти.

Дерек глухо рычал, но в его глазах отразилось чувство вины. Вот и отлично. Я собиралась сыграть на этом, чтобы заставить его говорить.

Сайман поднял пульт, нажал на кнопку, и дверь клетки открылась. Волчонок вздрогнул, и я встала между ним и метаморфом, прежде чем оборотень добавит убийство в список своих преступлений.

- Я заеду за тобой в десять, - промурлыкал Сайман.

Стеклянные двери вестибюля закрылись за нами, и я с облегчением вздохнула. До рассвета еще далеко: парковка была погружена в темноту, прохладный ночной ветерок освежал после накаленной атмосферы в апартаментах.

Дерек по-собачьи помотал головой, будто пытался прогнать оттуда туман.

- Спасибо.

- Не за что.

- Не нужно было лезть через окно. - Дерек смерил здание оценивающим взглядом. - Думал, что на пятнадцатом этаже не будет защиты. Но у него там все заминировано.

- Несколько лет назад у Саймана как раз было проникновение со взломом. Поэтому мне и пришлось его охранять.

В памяти у меня мелькнул яркий образ: мужчина с карандашом в левой глазнице. Желтый стержень полон кровавых отпечатков моих пальцев. Спасибо тебе, мозг, что опять пытаешься саботировать мои речевые навыки.

- Сайман очень серьезно относится к своей безопасности.

- Ага.

Мы добрались до «Бетси».

- На углу Понс де Леон и Дэд Кэт убили оборотня. Джим и команда Стаи там были. Знаешь что-то об этом?

Темная тень пересекла лицо Дерек.

- Нет. Кто умер?

- Не знаю. Джим не дал мне подойти даже на тридцать футов к телу. - Я пристально посмотрела парню в глаза. - Ты имеешь какое-то отношение к инциденту?

- Нет.

- Если это сделал ты, то скажи мне прямо сейчас.

- Я ни при чем.

И я поверила ему. У волчонка - много талантов, но ложь не входила в их число. Мы стояли около «Субару». Ладно, вундеркинд. Мы еще с тобой поболтаем.

- Ты не должна идти с этим уродом. - Парень провел пальцами по коротким волосам. - Он опасен.

- Я дала слово и должна пойти. И вообще, Сайман - дегенерат. Он полностью подчинен своим желаниям. Высшая цель для него - удовлетворять свои прихоти, что делает его предсказуемым. Не беспокойся обо мне.

Где-то вдалеке собака зашлась в истеричном лае. Дерек посмотрел в ту сторону. Слабый желтый огонек зажегся в глазах волчонка. Он напрягся, наклонился, привстав на цыпочки, вслушиваясь в ночь: под кожей сидел готовый к прыжку волк, шерсть стояла дыбом.

Он мог обратиться в любую секунду.

Что-то здесь явно не так.

- Дерек?

Он сразу же успокоился, лицо опять было непроницаемым. Но зверь отказался сидеть на привязи. Я буквально видела, как он выл и царапался - глаза Дерек все выдавали.

- Дела Стаи или что-то личное?

- Личное.

- Кэрран в курсе?

Дерек уставился себе под ноги. Я восприняла это как «нет».

- Могу я тебе чем-то помочь?

- Нет.

- Я проделала этот путь, чтобы вытащить тебя из клетки, а ты опять молчишь?

Он покачал головой и сделал прыжок.

Похоже, он совсем расстроился. А тут еще чувство вины...

Я смотрела на Дерека. Он бегал, как и все волки, не так, как люди: большими, обманчиво легкими прыжками. Он мог двигаться таким образом дни напролет, пожирая мили.

Дерек быстро достиг конца парковки, приготовился преодолеть высокую бетонную стену, но на полпути передумал. Странно: он взмыл в воздух, не в силах остановиться, но, вместо того чтобы пролететь дальше, завис и приземлился почти в том же самом месте, где и начал брать высоту. Затем повернулся на одной ноге и бросился ко мне.

Подбежав, он замер и вздохнул:

- Я врал. Мне нужна твоя помощь, Кейт.

- Кого будем убивать?

- У тебя есть ручка?

Я открыла дверцу машины, достала из бардачка блокнот и карандаш. Парень что-то нацарапал на листе бумаги, вырвал его и сложил пополам.

- Обещай, что пока не будешь читать. Это важно. Самая важная вещь, которую я когда-либо делал. На Играх будет девушка. Ее зовут Ливи. Она в команде «Жнецов». У них и так только две девочки, а у нее длинные темные волосы. Передай ей записку. Пожалуйста.

Ого. Дерек рисковал разозлить Кэррана, и все – ради девушки.

На первый взгляд это имело смысл. Ему девятнадцать, гормоны бурлят. Но я никогда не воспринимала Дерека как слепо увлекающегося юношу. Он поднял понятие стоицизма на новый уровень. Кроме того, он поклялся на земле, по которой ходил вожак.

Тут должно быть нечто большее. К сожалению, лицо Дерека опять стало каменным и совершенно непроницаемым.

- Ты пытался украсть билеты, чтобы передать Ливи записку?

- Да.

Я почесала затылок:

- Я понимаю, что у тебя проблемы. Просто чувствую их. Чтобы у тебя развязался язык, я могла бы хорошенько тебя застрашать, обещая нанести тебе жуткие травмы, а потом сплясать на твоей могиле. Но я пока повременю.

Он ухмыльнулся, и на мгновение обаяние вундеркинда вновь вернулось к парню.

- Потому что я не поверю твоим обещаниям сломать мне кости?

- Точно.

Он коротко рассмеялся.

- Выкладывай, в чем дело. Я в любом случае помогу тебе.

- Не могу, Кейт. Я должен сделать это сам. Пожалуйста, передай ей записку. Сделай это.

Мне хотелось схватить его за плечи и хорошенько встряхнуть. Но единственный способ остаться в игре – взять послание.

– Ладно.

– И клянешься, что не прочитаешь?

Ох, ради всего святого.

– Дай мне чертову бумажку. Не прочитаю я ничего.

Он протянул мне листок, и я вырвала его из пальцев Дерека.

– Спасибо. – Легкая счастливая улыбка скользнула по его губам.

Он отступил на два шага и побежал. Спустя секунду он растворился в темноте переулочка между двумя ветхими зданиями.

Я стояла на парковке с его запиской в руках. Мерзкий холодок пополз по позвоночнику. Дерек попал в беду. Я не знала, как и почему, но у меня было ощущение, что случилось нечто очень плохое, а закончится все еще хуже. Если бы у меня была хоть одна капля здравого смысла, я бы развернула листок и прочитала послание.

Но я села в машину и спрятала бумажку в бардачок. Здравый смысл не входил в число моих достоинств. Я должна сдержать слово.

Спина заныла. Устали даже кости. Я хотела где-нибудь прилечь, закрыть глаза и забыть, что мир существует. Я пристегнула ремень безопасности. Нужно узнать об Играх, и собрать информацию необходимо до наступления вечера. Утром я отправлюсь в штаб-квартиру ордена и проверю их файлы. И еще – отчет паранормальщиков. Ничто не говорило о том, что убийство оборотня и неприятности Дерека как-то связаны, но мне будет спокойней, когда я исключу данную возможность. Несмотря на то, что расследованием занималась Стая. Даже если это и не мое дело. Последнее меня вообще не беспокоило. Вот так-то.

Я сидела в машине, чувствуя, как меня одолевает сонливость, и думала о Кэрране. Два месяца назад я обнаружила Царя Зверей у себя дома читающим книгу. Мы поболтали, я, конечно, пригрозила, что покалечу его, если он не уберется восвояси, а он вел себя так, будто вот-вот меня поцелует. А затем он подмигнул, шепнул: «Шутка» – и ушел в ночь.

Он приготовил мне кофе. Той ночью я выпила его до последней капли.

Я не знала, вернется он или нет, но на всякий случай хотела быть готовой. Я прокручивала нашу встречу десятки раз, сочиняла диалоги, полные колкостей и остроумных ответов.

Но ублюдок не появлялся.

Чем дольше длилось его молчание, тем больше я была уверена, что он никогда не вернется. Я поняла, что ему понравилось издеваться надо мной, и, посмеявшись, он просто двинулся дальше. Меня подобный расклад полностью устраивает. Лучше и быть не может. Пару раз я мечтала о нем, но в остальном все было прекрасно.

Куда бы меня ни привела нить неприятностей Дерека, я точно не лелеяла надежды найти на другом конце Кэррана.

Всегда хорошо иметь План Действий. Пункт первый ИЦЗ: избегать Царя Зверей. Пункт второй: не засыпать.

– Кейт?

У меня превосходная реакция. Именно поэтому, хоть я выскочила из кресла, запрыгнула на стол и чуть не вонзила на два дюйма кинжал в горло незваного гостя, я сумела остановиться, прежде чем оно коснулось шеи Андреа.

Все-таки она – моя лучшая подруга и втыкать ножи в горло лучших друзей обычно в приличном обществе считалось бестактным.

Андреа устала на клинок.

- Это было здорово, – сказала она. – А за доллар что сделаешь?

Я нахмурилась.

- Страшно, конечно, но не стоит и бакса. – Андреа уселась в углу стола.

Невысокая, белокурая и смертельно опасная, она была полноправным рыцарем ордена и могла придать своему лицу то особое выражение, которое мгновенно умирало и успокаивало окружающих. А еще она могла исподволь заставить кого угодно излить ей душу. Однажды я пошла с ней по магазинам, и мы выслушали не менее трех жизненных историй от незнакомцев.

Мне же никто никогда не хотел ничего о себе рассказывать. Обычно люди старались убраться с моей дороги со словами: «Бери что хочешь, но только уходи».

Конечно, если бы они знали, что Андреа может попасть выстрелом в костяшку домино на расстоянии двадцати ярдов, они бы предпочли оставить свои проблемы при себе.

Подруга посмотрела на папку на моем столе.

- Я думала, тебя сегодня не будет.

- Так и было. – Я спрыгнула со стола.

Поспав три часа, я потащила в свой офис в ордене за информацией о Полночных Играх и быстро вырубилась прямо на столе, рухнув лицом в ворох документов, и это – несмотря на зашкаливающее количество кофе в моем организме. Потому я и не услышала, как Андреа вошла в кабинет. Хотя, честно говоря, я просыпаюсь с трудом, если только меня не испугать.

Я потерла лицо, словно пыталась стереть с него налет усталости. Наверное, кто-то налил мне в голову свинец, пока я «отдыхала», и теперь он с грохотом перекатывался у меня в голове.

- Я ищу информацию о Полночных Играх.

К сожалению, файл о турнире оказался довольно тощим. Три страницы поверхностного обзора по структуре, но без подробностей. Значит, где-то имелась дополнительная пухлая папка с красивым штампом «СЕКРЕТНО» на обложке, что делало ее абсолютно недоступной для меня.

Хоть я и проходила все проверки на безопасность, мой уровень доступа до сих пор был минимальным. Вот один из редких моментов, когда я сожалела, что не являюсь полноправным рыцарем ордена. Так или иначе добраться до мороженого в христианском аду для меня проще, чем до засекреченных данных.

- Я мало что знаю про Игры, – произнесла Андреа. – Но один из моих наставников посещал мероприятие еще с того момента, как турнир объявили незаконным. Поделюсь с тобой, чем могу. За ланчем.

- Ланч?

- Сегодня пятница.

Верно. Андреа и я всегда вместе ходили на ланч по пятницам. Обычно она ловила меня в офисе и не оставляла мне выбора. По ее представлению, совместная трапеза скрепляет дружественные узы. Я еще привыкала к самой идее дружбы. Долгосрочные отношения – роскошь, непозволительная для меня на протяжении большей части жизни. Ты защищаешь друзей, а они тебя, однако они делают тебя уязвимым, потому что ты постоянно пытаешься вернуть какой-нибудь должок.

Андреа и я работали плечом к плечу во время Вспышки. Я спасла ей жизнь, а она – мою малышку Джули, которая вначале была ребенком, потерявшим маму, а в конце – убийцей демонов с сумасшедшей теткой Кейт в придачу. После той истории я думала, что мы с Андреа тихо разойдемся, но у нее были другие планы: она стала моей лучшей подругой.

Живот заурчал, сообщая мне, что он пуст. Пища и сон – без одного из них обойтись было бы можно, но не без обоих сразу. Я убрала кинжал в ножны на поясе и взяла сумку. Андреа проверила два пистолета «ЗИГ Зауэр П226», она носила их в кобурах на бедрах.

Затем подруга хлопнула по охотничьему ножу и маленькому пистолетику, спрятанному в кобуре на лодыжке, и вот мы были готовы идти.

Я устала сидеть на огромную тарелку. Мясо с овощами и соусом в горячей пите.

Да, мне и впрямь принесли гирс.

– Я умерла и попала в рай.

– Ты в «Парфеноне». – Андреа села напротив меня.

– Правда.

Единственный способ попасть на небеса – взорвать жемчужные ворота.

Мы сидели на открытой террасе второго этажа маленькой греческой забегаловки. Ресторанчик назывался «Парфенон», здесь имелось патио с небольшим садом, защищенным железной оградой, и я со своего места могла наблюдать за оживленной улицей. С другой стороны, мебель являлась недостатком «Парфенона»: столы были деревянными и приличными, но между ними высились неудобные металлические стулья, прикрученные к полу, а это означало, что я не могла толком рассмотреть дверь и входящих клиентов.

Я зачерпнула мясо питой. Мыслями я то и дело возвращалась к Дереку, к тому, как он стоял, улыбаясь, на парковке. За последние несколько часов в моем животе образовался тяжелый шар беспокойства.

Я оказалась в тупике. Кроме Дерек, пролить свет на ситуацию могли только члены Стаи. Может, и есть способ все узнать, не раскрывая подробностей о выходе волчонка, но сейчас я была слишком тупа, чтобы придумать вразумительную легенду. А с учетом недавнего убийства вряд ли оборотни захотят открыть мне карты. Если я упомяну Саймана или Игры, Дерек накажет. Если я ничего не скажу, он может рискнуть своей шкурой, сотворив очередную глупость.

Эти размышления в сочетании с головной болью совсем испортили мне настроение. Кстати, что Дерек мог там написать? «Встретимся в отеле “Рыцари”. Я купил разноцветные презервативы». Или: «Сегодня я убью твоего брата. Готовь горшок для тушеного мяса».

Мне следовало прочитать проклятую записку. Но я ведь дала слово.

А в мире магии слово имело вес. Когда я давала свое, то держала его.

И ведь Дерек мне как-никак доверял. Но теперь любое мое действие могло предать доверие волчонка: я не могла прочитать записку, не могла никого о ней спросить и не могла отказаться передать ее.

Очень хотелось врезать ему по башке прямо сейчас.

В довершение ко всему мои звонки паранормальщикам не принесли результата. Расчлененное тело женщины найдено на углу Дэд Кэт и Понс де Леон.

Жертву опознали как члена Стаи, и дело передали оборотням. Конец истории.

Я посмотрела на Андреа.

– Полуночные Игры.

Та кивнула.

– Один из моих наставников участвовал в турнире. Игры проходят на «Арене», а точнее,

в так называемой «Яме». Всем заправляет Совет, который всегда состоит из семи членов. Большую часть своих денег они зарабатывают от ставок на бойцов. Бывают драки один на один, но самая крутая штука у них – командный турнир. Проходит раз в год. Участвуют четырнадцать команд. Каждая состоит из семи бойцов, у каждого – конкретная роль.

– А они любят цифру семь, – пробормотала я с набитым ртом.

У семерки прямо-таки мистическое значение. Не настолько, конечно, как у тройки, но все же: семь мудрецов Греции, семь чудес света, семь дней недели, семимильные сапоги, «Моаллакат» – семь арабских стихотворений эпохи Магомета...

Понятия не имею, значит ли это хоть что-то. Возможно, основатели хотели просто связать турнир с нумерологией.

– Мой наставник был стрел...

– Андреа осеклась, посмотрев на улицу.

Ее глаза сузились. Она выглядела полностью сосредоточенной, как ястреб, заметивший пухлого голубя. Если бы у нее в руках сейчас был пистолет, я бы всерьез заволновалась, что она убьет кого-нибудь.

– Ты можешь в такое поверить?

Я посмотрела в ту же сторону, что и она, и обнаружила Рафаэля – гиену-оборотня. Молодой высокий мужчина с угольно-черными волосами слонялся по улице, на нем были джинсы и черная футболка. За спиной – рюкзак, руки в карманах. Он заметил, что мы наблюдаем за ним, и замер.

Тебя поймали с поличным, перевертыш.

– Мне кажется, он меня преследует, – свирепо рявкнула Андреа.

Я помахала Рафаэлю, чтобы он к нам присоединился.

– Что ты делаешь? – Подруга стиснула зубы и кулаки.

Ее лицо побледнело, а костяшки пальцев побелели.

Рафаэль улыбнулся и направился к сторону «Парфенона».

– Хочу спросить, знает ли он что-нибудь о Полночных Играх. Он может что-то рассказать, если ты разрешишь ему посидеть с нами. По-моему, он и правда тебя любит.

Недосказанность года. Рафаэль с ума сходил по Андреа. Во время Вспышки она чуть не погибла, и он вкладывал всю душу в заботу о ней.

– Ага, – буркнула она с таким презрением, что я даже не нашлась что ответить.

Надо же, наступил как раз тот момент в нашем общении, когда я едва не лишилась дара речи.

– Он тебе не нравится? – наконец отважилась спросить я.

На лицо Андреа набежала тень.

– Я не хочу быть его ТСШ-КЯНЕТ.

– Чего-чего?

– Та странная штука, которую он еще не трахал.

Я аж подавилась. И тут на пороге возник Рафаэль. Бесил он ее или нет, но Андреа не отрываясь гладела на него, да и я тоже, пока он шел к нам. Чуть плечо не вывихнула, крутясь на сиденье стула, пытаюсь уследить за ним. Он двигался с легкой грацией оборотня, так называемой врожденной элегантностью, обычно присущей

профессиональным танцорам и мастерам боевых искусств. Волосы, ниспадавшие до плеч, наверное, поглощали солнечный свет и мягко развевались за его спиной. У него была загорелая кожа, а лицо... Было в нем что-то особенное. По отдельности его черты, может, и ничем не примечательны, но вместе они непостижимым образом складывались в невероятно привлекательную мордашку.

Парень не был красив, но притягивал взгляды как магнит, а его глубокие, пронзительно-синие глаза испепеляли.

В общем, буду честной: при одном только взгляде на Рафаэля возникали мысли о сексе. Он был даже не в моем вкусе, однако я ничего не могла с собой поделать.

Он застыл в нескольких шагах от нашего столика и потоптался на месте.

– Привет. Андреа. Кейт. Не ожидал увидеть вас здесь.

Я выпрямила спину и услышала, как у меня хрустнули позвонки. Что ж, это будет мне уроком.

– Садись, – прошипела Андреа.

Рафаэль осторожно снял одной рукой рюкзак и сел на свободный стул. Оборотень немного нервничал. Андреа уставилась на улицу.

Рядом Андреа и Рафаэль смотрелись как полные противоположности: у подружки были короткие светлые волосы, слегка загорелая кожа и всего пять футов два дюйма роста, в отличие от смуглого, как кофе, парня, который достигал аж шести футов в высоту, мог похвастаться иссиня-черной шевелюрой и напряженным взглядом.

– Что же у тебя в рюкзаке? – спросила я, болтушка Кейт.

– Портативный м-сканер, – ответил он. – Купил по дороге. Они там валялись еще с прошлой Вспышки – а работают ли они, не могли проверить, пока не ударила магическая волна.

Когда речь заходила о м-сканерах, «портативный» казался не слишком подходящим термином. Самый маленький весил около восьмидесяти фунтов.

Хорошо быть оборотнем.

Андреа встала:

– Я собираюсь взять десерт. Кейт, ты что-нибудь хочешь?

– Нет, – ответила я.

– А ты?

– Нет, спасибо, – отказался Рафаэль.

И Андреа ушла.

Он посмотрел на меня:

– Что я делаю неправильно?

Я замерла с куском питы в руке.

– Ты меня спрашиваешь?

– Мне больше некого. Ты знаешь ее. Вы – подружки.

– Рафаэль, я ни с кем никогда долго не встречалась. Куча времени прошла с той ночи, когда у меня был секс. И ты сам прекрасно осведомлен о том, насколько удачной оказалась моя последняя попытка построить с кем-то отношения. Ты ведь в курсе, да?

– Ага. Я кое-что видел.

Я кивнула:

– Думаю, мы оба согласны с тем, что я – последний человек, которого можно спрашивать о том, как наладить романтические отношения. В общем, я – плохой советчик.

– Но ты знаешь Андреа.

– Не очень хорошо.

Рафаэль выглядел удрученным.

– Никогда не добивался кого-то так долго, – тихо произнес он.

Мне было его жаль. Он сох по Андреа. Для гиены-оборотня, или буды, как их еще называли, столь долгое ухаживание являлось nonsensом. Буды любили приключения. Они наслаждались сексом. Занимались им часто и с разными партнерами. В Стае самки-буды доминировали, и, насколько я поняла, Рафаэль был довольно-таки популярен не только из-за своего терпения, но и из-за того, что он – сын Тетушки Би. А та, в свою очередь, была альфой у гиен Атланты.

Вдобавок внешность парня гарантировала, что ему не придется слишком долго бегать за женщиной, прежде чем она решится «попробовать» его.

К сожалению, Андреа не оказалась ни женщиной-оборотнем, ни будой. Лус-V, вирус, ответственный за феномен оборотня, мог поразить и людей, и животных. В очень редких случаях инфицированный зверь обретал способность превратиться в человека.

Большинство таких животных-оборотней были бесплодными, умственно отсталыми и поразительно жестокими, хотя иногда они каким-то образом приспосабливались к жизни в новом для них социуме, чтобы не быть убитыми прямо на месте. Но, повторяю, с размножением у них были проблемы.

Андреа являлась зверенышем, ребенком гиены и буды. Она скрывала свое происхождение от «нормальных» перевертышей (некоторые из них разорвали бы ее в клочья из-за древних, глубоко укоренившихся предрассудков) и от ордена (рыцари, едва они поймут, что она оборотень, моментально вышвырнут Андреа из своих рядов).

Конечно, будучи оборотнем, она подчинялась Кэррану, но и орден требовал безоговорочной верности. До сих пор вожак не поднимал щекотливого вопроса, но в любой момент мог передумать.

Короче говоря, только клан буды в Стае, Кэрран, Джим, Дерек, доктор Дулитл и я знали о тайне Андреа. И договорились не ворошить эту тему.

– Ты еще хочешь моего совета? – спросила я у Рафаэля.

– Да.

– Постарайся меньше думать, как буда, и больше – как человек.

Он ошетинился:

– Что, черт возьми, это значит? Буда – то, кто я есть на самом деле.

Кусочком питы я вытерла остатки соуса дзадзики со своей тарелки.

– Она – рыцарь ордена. Только один из восьми поступивших в Академию доходит до выпуска. Стань ее другом. Общайся с ней. Узнай, что она читает, какое оружие ей нравится... Кстати, о книгах... я могу рассказать кое-что о предпочтениях Андреа, но – не просто так.

– Что тебе нужно?

– Полуночные Игры. любая информация.

– Ладно, – усмехнулся Рафаэль. – Но сначала – ты.

- А ты не обманешь?

- Андреа поднимается по лестнице. Я ее слышу. Пожалуйста, Кейт.

Он состроил щенячьи глазки, и я чуть не свалилась со стула.

- Хорошо.

Кейт Дэниелс, вышколенный дипломат.

Если у тебя есть ценные сведения, выложи их первому попавшемуся сексуальному парню без гарантий, что он оплатит вам тем же.

- Лорна Стерлинг. Она пишет паранормальные романы. Андреа их обожает. У нее на рабочем месте под столом лежит целая стопка книг. Но она пропустила четвертую и шестую части из самого знаменитого цикла Лорны.

Рафаэль вытащил ручку из рюкзака и принялся писать на ладони.

- Лорна.

- Стерлинг. Книжки - четвертая и шестая. Андреа обшаривает магазинчик на углу уже несколько недель, разыскивая их.

Андреа показалась на порге с молочным коктейлем и тарелкой нарезанных персиков.

Ручка исчезла в рюкзаке Рафаэля.

Я пристально посмотрела на парня.

- Давай.

- Полночные Игры запрещены, - произнес он. - По приказу Царя Зверей ни один член Стаи не может участвовать, помогать или делать ставки на турнире.

- И это все?

Он пожал плечами. Он кое-что утаивал, что-то скрывал от меня. Ублюдок. Я бросила взгляд на Андреа. *Помоги мне.*

Подруга взяла ломтик персика, откусила кусочек и медленно облизнула губы.

Рафаэль производил ошеломляющее впечатление пойнтера, нацелившегося на фазана.

- А почему они запрещены? Тут есть какая-то история? - Андреа откусила второй кусочек и вновь облизнула губы.

- Да, - пробормотал Рафаэль.

Мне было почти жаль его. *Любопытно, работает или нет?*

Я схватила эту мысль и растоптала прежде, чем она смогла заразить целиком мою голову глупостью.

Андреа улыбнулась:

- Звучит интригующе. Я тебя слушаю.

Рафаэль одернул себя.

- Мы не говорим об этом с посторонними.

- Жаль. - Она пожала плечами и посмотрела на меня. - Готова, Кейт?

- Я родилась готовой, - ответила я и потянулась за сумкой.

- Думаю, ничего плохого не случится, если я разок расскажу, - решил оборотень.

Я откинулась на спинку стула.

– В две тысячи двадцать четвертом году турнир еще был законным, и чемпионат сводился к битве между Племенем и «Семеркой Андорфа». А этот Андорф был громадным медведем-кадьяком – туша в двести пятьдесят восемь фунтов в зверином обличье. Каждая лапа побольше моей головы. – Рафаэль развел руки, показывая, что они достигали размера крупного арбуза. – Здоровенный, подлый, злобный урод. Любил драться. Он собрал хорошую команду, но к тому моменту их осталось всего четверо: Андорф, волк, крыса и моя тетя Минни.

Рот Андреа широко открылся самым несоблазнительным образом.

– Тетя? – повторила я за Рафаэлем, лишь бы что-то сказать.

– Вот так клан буда зарабатывал деньги. Мы ставили на себя. Тогда все было иначе. Теперь у нас есть Стая, которая выделяет нам средства. Мы составляем бюджет. У нас есть инвестиционный план и собственные доли в бизнесе. Но раньше не было такого понятия, как «Стая», – только отдельные кланы, и в основном мы тонули или плавали сами по себе.

Клан буда насчитывал менее двадцати перевертышей.

Шестнадцать лет назад их наверняка было еще меньше. Вряд ли они с легкостью выживали.

– Кто был в другой команде?

– Четыре погонщика от Племени. – Рафаэль принялся загибать пальцы. – Рио Монтойя, Сэм Харди, Марина Бурятова-Харди и Санг. Как бы я ни ненавидел отморожков, они оказались убийственной командой.

Кто бы сомневался!

– Зачем Племени вообще ввязываться в такое? – нахмурилась Андреа.

– Тогда Племя как раз обосновалось в «Казино». Ходили слухи о пропаже крупных денежных сумм и последствиях для вышестоящего командования... но все быстро нашли. Ребята много ставили и нуждались в выигрыше.

– И что же случилось? – Я наклонилась вперед.

Рафаэль скривился:

– У Племени было преимущество. Кровапийцы разорвали крысу надвое, а кишки моей тети раскидали по всей «Яме». Зрелище было жуткое... прямо кровавый занавес для «Семерки Андорфа».

– И?

– Андорф по-настоящему свихнулся. Никто не знает, был ли он психом или просто взбесился – у медведей такое бывает. Он превратился в кадьяка. Разорвал вампиров в клочья, раздавил волчий череп, а затем пробил ограду вокруг «Ямы» и помчался за погонщиками. Они попытались убежать, но он гнался за ними сквозь толпу. Всех, кто попался ему на пути, растерзал. Погибла вся четверка противников оборотней и более ста зрителей. А потом он протаранил стену... и пропал.

– Ну и ну! – Андреа залпом осушила треть молочного коктейля. – Не лучшее окончание ночи.

Огромный обезумевший оборотень на улицах Атланты. Кадьяк, натренированный как боец, разумный как человек, сильнее и злее обычного медведя. Настоящий кошмар для оборотней.

– Началась массовая охота на людей, – продолжил Рафаэль. – Андорф спрятался на Юникорн-лейн.

Эта улица глубинной, дикой магии будто шрам пересекала центр города. Коварная сила

кружилась и накапливалась там еще с давних времен, когда миром правили технологии. Даже оборонщики не осмеливались оставаться на Юникорн-лейн слишком долго.

– Кое-какие кланы собрались вместе и решили, что они справятся с медведем и решат проблему. Репутация оборотней тогда была сильно подмочена. Фанатики снова начали трепаться о печати зверя, а Племя призывало к изгнанию всех перевертышей. Хуже уже быть не могло, понимаете? Обстановка накалялась с каждым днем... И разгребать все начал клан волков – самый многочисленный...

– Ну конечно, – фыркнула Андреа.

– В то время его возглавлял Франсуа Амбле, и народ призывал его убить Андрофа. Но Франсуа ничего подобного не сделал. По словам моей матери, он просто встал и ушел. Покинул клан, перестал быть альфой и занял городскую лей-линию. – Рафаэль улыбнулся. – О том, что случилось потом, известно только альфам. Но могу сказать вам то, о чем в курсе все наши: через три дня голова Андорфа появилась на ступенях Капитолия. А два дня спустя Кэрран стал Царем Зверей. Первый закон от его имени гласил, что Стае запрещено участвовать или делать ставки на Играх.

Я кое-что прикинула. В две тысячи двадцать четвертом году мне исполнилось девять. Кэрран на несколько лет старше меня...

– Сколько ему было?

– Пятнадцать.

– Дерьмо.

– Ага, – кивнул Рафаэль.

Мы долго сидели в тишине, переваривая историю. Мои надежды найти сочувствующее ухо в Стае для решения проблемы Дерека рухнули. Это был один из тех строгих законов, который нельзя нарушить. И что мне теперь делать?

Андреа помешала коктейль соломинкой:

– Как у вас с Кэрраном дела?

Раньше я мечтала владеть высшими ментальными способностями. Например, телекинезом или чем-нибудь еще. Я бы использовала их для сокрушения противников. Но сейчас они бы мнегодились, чтобы вытащить стул из-под Андреа, чтобы она шлепнулась на свой зад.

Мне пришлось довольствоваться тремя плевками через плечо.

– Ты что, отгоняешь зло? – Глаза Рафаэля расширились.

– Вы двое произнесли запретное имя. Я должна принять меры предосторожности. Мне нужно что-нибудь деревянное. Андреа, можно я постучу по твоей голове?

Та лишь рассмеялась.

– Отвечая на твой вопрос, скажу: у нас все потрясающе. Лучше не бывает. Я не видела Его Светлейшую Нервозность пару месяцев, и потому я могу назвать себя абсолютно счастливой. Если мне совсем уж повезет, я ему надоем, и он найдет себе кого-то другого, за кем будет гоняться в свое удовольствие.

Во время Вспышки Кэрран смог мне отомстить за все те разы, когда я едва не довела его до инсульта. Он заявил, что рано или поздно я пересплю с ним и отблагодарю его в постели.

Сперва ад заледенеет.

– Он вроде бы никого не нашел, – сказал Рафаэль. – Никто не видел его с подружкой. Для него это не так уж необычно, но и нормальным я бы такое поведение не назвал.

Я закатила глаза:

- А что это значит?

Рафаэль наклонился и понизил голос:

- Ты когда-нибудь видела, как львы охотятся, к примеру, на стадо?

- Нет.

- Они очень целеустремленные. Когда лев преследует свою добычу, он подкрадывается поближе, ложится и наблюдает, выбирая жертву. Он не спешит. Олень или буйвол даже не подозревают, что он находится рядом. Определившись, хищник резко выскакивает из укрытия и хватается добычу. Если в пределах досягаемости окажется другое доступное животное, он не изменит своих намерений. Он выбрал, и лучше останется голодным, чем передумает. Как по мне, ужасно глупо, но такова их природа. Я же не игнорирую возможности.

- О да, - саркастично произнесла Андреа.

Рафаэль обиженно покосился на нее:

- Я такой, какой есть.

- В первую очередь ты - человек. Ты сидишь в греческом ресторане, носишь людскую одежду, даже разговариваешь. Очевидно, что какую-то часть себя ты контролируешь. Но стоит указать кому-то на твои недостатки, как ты начинаешь махать руками и плакать: «О нет, это зверь во мне! Я не могу ничего поделать!» - Андреа одернула себя и замолчала.

Я попыталась сменить тему:

- Думаю, ты слишком переоцениваешь наши отношения. Я просто чертовски раздражаю Кэррана, и он придумал, как бесить меня. Ничего особенного.

- Может, ты и права, - согласился Рафаэль.

- В любом случае Его Величеству нужна девица из разряда «можно-я». А это - точно не я.

- «Можно-я»? - удивилась Андреа.

Я откинулась на спинку стула.

- Можно я принесу вам вашу еду, Ваше Величество? Можно я скажу, как вы сильны и могущественны, Ваше Величество? Можно я вычешу ваших блох, Ваше Величество? Можно я поцелую ваш зад, Ваше Величество? Можно я...

И вдруг до меня дошло, что Рафаэль сидит абсолютно неподвижно. Застыв как статуя, он не отрываясь смотрел в одну точку у меня над головой.

- Он стоит за мной, да?

Андреа медленно кивнула.

- Технически это должно быть «позвольте мне». - Голос Кэррана был ниже, чем я помнила. - Ведь ты спрашиваешь разрешения.

Наконец он появился в зоне моей видимости, направился к стулу за соседним столиком и, поняв, что он прикручен, одной рукой вырвал его из пола, оставив четыре болта торчать вверх.

Царь Зверей поставил стул спинкой вперед рядом со мной, оседлал его, скрестив руки на груди и демонстрируя высеченные бицепсы.

Почему я?

- Отвечая на твой вопрос: да, ты можешь поцеловать меня в зад. Обычно я предпочитаю сохранять личное пространство, но ты - друг Стаи, и твои услуги пару раз оказались

полезными. Я стараюсь учитывать пожелания людей, дружественных моему народу. Только один вопрос: поцелуй в зад будет неким жестом уважения, ухаживанием или прелюдией?

Рафаэль побледнел и склонил голову:

– С вашего позволения, милорд.

Кэрран кивнул.

Рафаэль схватил Андреа за руку. Она моргнула:

– Но...

– Нам пора. – Улыбка оборотня была вымученной.

Он сбежал, утащив за собой Андреа, и оставил меня и Кэррана наедине. Предатели.

– Ты не ответила на вопрос, – сказал Кэрран. – Чем это будет?

– Ничем, – буркнула я.

Он усмехнулся, и мое сердце слегка подпрыгнуло. Такого я не ожидала.

– Твое остроумие вернулось?

– Да.

Красноречие, как оно есть. Если у вас с кем-то проблемы, отвечайте односложно – так безопаснее.

Он положил подбородок на спинку стула. И что в Кэрране такого особенного? Сегодня он был в потертых джинсах и серо-голубой рубашке поло. Трудно выглядеть смертоносным в таком прикиде, однако Царю Зверей это удавалось. Возможно, именно потому, что рубашка совершенно не скрывала очертания его груди и линию плеч. Вообще, если бы он напряг мышцы, то ткань наверняка бы лопнула. Я знала, что тело под одеждой – твердое, как доспехи.

А может, все дело было в ауре.

При желании Кэрран буквально излучал угрозу. Я видела, как он в бешенстве ревет и как демонстрирует холодную, решительную ярость, острую, как кинжал, и я не была уверена, что страшнее. Золотой огонь в его глазах пробуждал во мне некий первобытный страх, чувство, рожденное за века до света юного огня, до разума, до логики, когда человеческое существование целиком зависело от звериных зубов и когтей и возможности быть (или не быть) съеденным.

Такой же страх сковал меня сейчас. Я не смогла дать ему рационального объяснения. Я должна бороться с Кэрраном одной лишь силой воли, пока мне удавалось держаться, но не было гарантии, что смогу сопротивляться ему в следующий раз, когда он решит наградить меня своим альфа-взглядом.

Кэрран медленно оглядел меня с ног до головы. Я последовала его примеру, ответив ухмылкой на ухмылку. Светлые волосы коротко подстрижены, чтобы не хвататься за них. Нос выглядел так, будто его сломали и он сросся неправильно – странная вещь для любого оборотня, особенно уровня Кэррана.

Серые глаза... Я посмотрела в них и увидела крошечные золотые искры, танцующие в глубине. И мое сердце сделало очередной маленький прыжок.

У меня серьезные проблемы.

– Мне нравится твоя прическа, – произнес Царь Зверей.

В духе нерабочей пятницы я распустила волосы. В основном я заплетала их в косу или скручивала в пучок, чтобы не мешались, но сегодня они свободно ниспадали длинными темно-каштановыми волнами, развеваясь на ветру по обе стороны моего лица. Я быстро

вытащила серебряную иглу из кожаного напульсника, схватила волосы и скрутила их в пучок, скрепив их, а затем продемонстрировала Кэррану свои зубы в подобии усмешки. Вот. Но он только расхохотался.

– Милашка. Ты никогда не устаешь притворяться злокой?

Милашка. Думаю, что предпочла бы удар в глаз этому прозвищу.

– Чем я обязана удовольствием находиться в компании Вашего Величества? – И крушением моего ланча.

– Персигов захотелось, – осклабилась она.

С каких пор мысли о смерти оборотня вызывают столь хорошее настроение?

– Есть ли какая-то причина твоих вопросов о Полночных Играх? – спросил он.

– Возник мимолетный интерес к истории.

Я ходила по тонкому льду. У меня не было ни малейшего понятия, знал ли он о Дерее или нет. Нужно закончить этот разговор.

– Стае требуются мои услуги как сотрудника ордена?

– Сейчас нет. – Он откинулся назад, взял тарелку Андреа и предложил мне: – Персик?

Моя улыбка превратилась в гримасу. Во время Вспышки Кэрран угостил меня супом, который я съела. Позже Тетушка Би объяснила мне правду жизни: оборотни предлагают еду своей будущей паре.

Кэрран объявил себя моим защитником, подразумевая, что я слабее его, и угостив меня. И я это приняла. Его это крайне развеселило. Если бы я знала, что означает тот суп, то все равно съела бы его в любом случае – в то время я была едва жива.

Я тоже скрестила руки на груди:

– Спасибо, не надо. Теперь я не принимаю от тебя еду.

– Ах. – Он взял ломтик и бросил кусочек в рот. – Кто тебе подсказал? Рафаэль?

– Это имеет значение?

Его глаза полыхнули золотом.

– Нет.

Лжец. Последнее, что я хотела, – доставить Рафаэлю неприятности из-за того, что он испортил персональную шутку Кэррана.

– Я прочитала об этом в записях Грега.

Выудив из кармана пару баксов, я сложила их и засунула между перечницей и солонкой.

– Уходишь? – спросил Царь.

Ваш талант в области дедукции действительно изумителен, мистер Холмс.

– Раз ты не нуждаешься в моих профессиональных навыках, то я собираюсь вернуться к своим обязанностям.

– У тебя сегодня выходной.

Откуда он знает?

Кэрран съел еще кусочек персика.

– У ордена имеется ограничение на длительность смены в шестнадцать часов, когда магия ослаблена. Одна из наших крыс-оборотней обнаружила, как ты поздно вечером

снимала пожилую даму с телефонного столба. Вероятно, с какой стороны ни посмотри, это было жутко веселое дело.

– Так я живу ради развлечений, – поднялась я.

Он попытался схватить меня за запястье. Его пальцы были ловкими и цепкими, но я с детства оттачивала рефлекс и потому сумела увернуться.

– Ладно. – Я бросила взгляд на кисть своей руки. – Пожалуй, пойду. До встречи, Ваше Величество. Пожалуйста, передай семье мои искренние соболезнования.

И я направилась к выходу.

– Кейт? – Тон его голоса внезапно изменился, и я повернулась.

Шутливое выражение исчезло с лица Кэррана:

– Чьей семье?

До сдвига улица Понс де Леон направляла огромный поток трафика от Стоун-Маунтин через Декейтер и Друид Хилс мимо Сити Холл Ист к небоскрегам Мидтауна. Башня BellSouth, Банк Америки и гостиница «Ренессанс» были теперь всего лишь кучей щебня, но Сити Холл Ист все еще стоял. Возможно, он продержался потому, что был не таким уж высоким – всего девять этажей. Его возраст также, скорее всего, сыграл свою роль. Если заглянуть в историю, то узнаешь, что здание менялось на протяжении многих лет: от депо Sears 1926 года до правительственного центра, позже в нем появились жилые квартиры, магазины и рестораны, а также несколько акров зелени. Но была и третья, гораздо более веская причина его дальнейшего существования. Примерно двадцать лет назад Университет Тайных Искусств Атланты приобрел этого огромного, два миллиона квадратных футов, монстра. Сейчас в нем расположились преподаватели, студенты, библиотеки, лаборатории, научно-исследовательские учреждения... Если кто-то и мог сохранить здание, то это было вполне по плечу четырем сотням его обитателей.

Маги и их подмастерья, которые, как водится, довольно-таки импульсивно совершают покупки, оживили Понс де Леон. Сейчас это шумная улица с магазинчиками, киосками и закусочными.

По сравнению с ней улочка Дэд Кэт оказалась удручающе узкой. Она пролежала между недавно отремонтированными трехэтажными жилыми домами до небольшой площади с супермаркетом и бакалейной лавкой.

Сейчас мы с Кэрраном стояли на краю узкого тротуара и молча обозревали Дэд Кэт. Справа от нас прохожие и повозки пересекали Понс де Леон.

Тело обнаружили в паре десятков ярдов от угла. Но место преступления было чистым. Никаких пятен крови на асфальте. Никаких признаков борьбы. Ничего. Если бы меня не занесло сюда накануне, я бы не заподозрила ничего плохого.

Мой спутник не шевелился и глубоко дышал. Минуты утекали в прошлое. Внезапно верхняя губа Царя Зверей приподнялась, обнажив зубы. Зарождающийся рык заклокотал в горле жоака.

– Кэрран?

На меня сквозь серые человеческие глаза взглянули зрачки льва. Спустя миг хищник исчез, и я увидела бесстрастное лицо Кэррана.

– Профессиональная работа.

Я изумленно подняла брови.

– Они посыпали место происшествия аконитом. Стебли высушены, измельчены в порошок и смешаны с сухим средством зачистки. Боракс. Пищевая сода. Неплохо, между нами говоря. Не так эффективно, конечно, как паста из аконита, но и этого достаточно, чтобы заглушить запах. Команда Джима разбросала здесь не меньше галлона.

Я отложила лакомый кусочек на будущее.

– Значит, на нюх можно не рассчитывать?

Кэрран улыбнулся:

– Ты ведь не можешь посыпать содой воздух. Но тут, со всеми сквозняками и уличным движением, запахи некоторое время задерживаются над землей. Ладно, скажи мне, что ты видела. И мы сравним наблюдения.

Я замешкалась. Беседа с Кэрраном напоминала прогулку по минному полю. Никогда не знаешь, что его взбесит. Хоть Джим и мог быть облажавшимся перевертышем, он все же являлся моим бывшим напарником.

– Почему бы тебе просто не спросить Джима? Он, наверно, жаждет с тобой поделиться.

Вожак покачал головой и помрачнел:

– Когда умирает один из наших, мне звонят. Неважно – во сколько. Прошлой ночью я находился в нашей крепости, но никто не вышел на связь. Утром я видел Джима, и он помалкивал.

– У него должна быть веская причина, чтобы скрыть от тебя информацию.

– Кейт, ты предлагала Стае сотрудничество в этом деле от имени ордена?

Иди ты!..

– Да, и от него отказались.

– Как Царь Зверей, я принимаю твоё предложение.

Черт. Соглашение о взаимной помощи обязывало меня раскрыть все сведения об инциденте.

Я беспомощно уставилась на него:

– Как тебе такое удастся? Каким образом ты вечно заставляешь меня делать то, что я не хочу?

Лицо Кэррана просветлело.

– Я практиковался. В Стае – тридцать два вида оборотней в семи кланах, каждый из которых имеет свои собственные заскоки. Шакалы и койоты сражаются с волками из-за комплекса неполноценности. Они считают, что должны что-то доказывать. Волки считают себя лучше остальных, находят себе не тех партнеров, а затем отказываются разводиться и тупо цепляются за идиотскую идею «только смерть разлучит нас». Гиены никого не слушают, все портят и постоянно вспыхивают яростью берсерка от любой мелочи, направленной на них. Кошки периодически отказываются следовать приказам, чтобы просто доказать, что они кое-что могут. Такова моя жизнь. Я занимаюсь этим уже пятнадцать лет. По сравнению с этим убедить тебя легко.

Но я подумала, что могу стать для него крепким орешком.

– Прошу прощения, пока мое эго восстанавливается.

Он улыбнулся:

– Вот они, плюсы наличия принципов. Если тебя загнать в угол, ты всегда будешь стремиться делать то, что считаешь правильным. Особенно когда тебе это не нравится.

– Полагаю, ты меня хорошо изучил.

– Я понимаю твои мотивы, Кейт. Хотя твои замашки иногда меня бесят.

Иногда?

– Хочу заверить вас, Ваше Величество, что провожу долгие бессонные ночи, беспокоясь о ваших чувствах.

– Ты так и должна, – ответил он и басовито заурчал. – Не пытайся меня спровоцировать, у тебя ничего не получится. Лучше расскажи мне, что видела. Или я должен направить официальный запрос в письменной форме?

Вероятно, сегодня наступил день «давайте научим Кейт смирению».

Кэрран загнал меня в угол.

Я задумалась, вспоминая события.

– Я приехала на маленьком муле с Понс де Леон. Было семь оборотней. Двое в обличье волка обнюхивали периметр. Один стоял здесь.

Я подошла, указывая правильное место.

– Самец. Выглядел как типичный европейский волк, *Canis lupus lupus*, грубый темно-серый мех с песочно-коричневыми прожилками, особенно много их было на носу. Второй находился там.

Я пересекла улицу.

– Возможно, самка, но я не уверена. Коричневый, почти как корица, мех, черная или темно-шоколадная морда и такие же уши. Светло-желтые глаза. Выглядела как *Canis lupus fuscus*, или каскадный горный волк.

– Джордж и Бренна, – добавил Кэрран. Он наблюдал за мной с большим интересом. – Лучшие ищейки Джима. Продолжай.

Я кивнула:

– Два оборотня закидывали труп в сумку. Обе – женщины. Та, что справа, среднего роста, худенькая, пепельно-русые волосы коротко подстрижены. Ее лица я не видела.

Я сделала широкий шаг влево.

– Коренная американка, пухленькая, смуглая. Ей около сорока, длинные волосы заплетены в косу. Симпатичная.

Кэрран ничего не сказал.

– Охрана периметра была там. – Я указала налево. – И тут, – повернувшись, показала место. – Еще один прямо здесь. – Я ткнула пальцем туда, где меня окликнул охранник. – Двое сзади смахивали друг на друга, темноволосые латиноамериканцы, напоминали индейцев или мексиканцев. Молодые, невысокие, щуплые, ловкие. В бою будут проблемой. Парню, который остановил меня, за тридцать, возможно, около сорока. Стрижка как у военных, светло-каштановые волосы, карие глаза, накачанный. Убеденный культурист. Не так быстр, как двое других, но у меня сложилось впечатление, что он может нести меня вместе с мулом. Он говорил с легким акцентом, австралийским или новозеландским. Больше пользовался левой рукой. Пожалуй, его недавно ранили. Мне описать его одежду?

Кэрран отрицательно покачал головой:

– Как долго ты там была?

– Полторы или две минуты. – Я подошла к тому месту, где волчица взвизгнула. – Бренна тут нашла руку. Думаю, что, наверное, женскую. Ткань рукава – светлая с отливом. Металлического оттенка, похоже, часть вечернего платья или блузки. Мужчины обычно такое не носят. Ну, кроме эпатажных.

– А теперь – Джим.

– Он материализовался из воздуха. Весьма впечатляюще. – Я задумалась. – Ага. Скорее всего, прыгнул с балкона. – Я припомнила наш разговор. – Вот и все. Тела не видела. О

нем ничего не могу сказать.

Лицо Кэррана приняло странное, почти восхищенное выражение.

– Отлично. Врожденная память или что-то, чему тебя научил орден?

Я пожала плечами:

– Отец. Но я не идеальна. Обычно я забываю купить самое важное из списка покупок. Но я обучена оценивать ситуацию на предмет опасности, а семеро оборотней, убирающие труп посреди ночи на пустынной дороге, представляют нешуточную опасность. Твоя очередь делиться.

– Сделка есть сделка. – Кэрран подошел ко мне вплотную. – Ее убили не здесь. Запах крови слабый, а земля не испачкана, хотя до сих пор грязная, потому что никто не отмывал тротуар. Тело разрезали как минимум на шесть частей. Место выбрали из-за того, что один из наших офисов находится как раз в восьми кварталах. Отсюда ближе всего можно добраться до нашей территории, будучи не остановленным патрулем. Их было по меньшей мере трое, и они не пахнут людьми. Не представляю, кто они, но их запах мне не нравится.

Замечательно.

– Больше ничего не могу сказать, за исключением того, что у Джима – лучшая команда по очистке. Я знаком с каждым из тех, кого ты описала. Они действительно крутые.

И никто не сказал ему о случившемся. Вопрос на миллион долларов: почему?

– После принятия решения помощь ордена не может быть отклонена, – заявила я. – Теперь я участвую в расследовании. А значит, что мне придется приехать на вашу территорию и задавать неудобные вопросы.

– У меня еще осталось несколько вопросов.

Жидкое золото затопило глаза Кэррана, и волосы встали дыбом у меня на затылке. Я бы не хотела оказаться на месте Джима.

– Я свяжусь с тобой, чтобы назначить время для встречи.

Вожак повернулся и ушел, оставив меня стоять столбом посреди улицы.

Царь Зверей, человек вне мирских тонкостей, таких как «спасибо» и «до свидания».

Вернувшись к цивилизации, я поняла, что впервые за шесть месяцев, что я знала Кэррана, мы смогли поговорить и расстаться, не желая убить друг друга.

Этот факт сильно меня встревожил.

Небольшой коричневый сверток ждал у двери квартиры. Я застыла и задумалась, почему никто во всем мире его не украл.

Жилище, которое я унаследовала от Грега, находилось не в худшей части города, но и не в лучшей. О безопасности мой опекун не заботился, он приобрел недвижимость из-за близости к ордену.

Нахмурившись, я устала на сверток. Он лежал на грязной лестничной площадке перед новой дверью – старую пришлось заменить после того, как ко мне ворвался демон. В этом районе я создала себе репутацию сумасшедшей суки с клинком из квартиры 32В. Я тщательно выстраивала эксцентричный образ, но понимала, что оставленную без присмотра посылку должны были украсть через пару секунд после того, как она тут очутилась.

Возможно, ее заминировали.

Я вытащила Погибель из ножен. Свет, падающий сквозь грязное окно, коснулся гладкого, практически белого металла сабли, добавив лезвию перламутрового блеска.

Я ткнула кончиком «Погибели» посылку и на всякий случай отвернулась.

Ничего.

Сверток продолжал спокойно лежать. Да-да, но стоит мне его поднять, как из него выскользнут острые ножи и порежут мои руки на ленточки.

Сев на корточки, я перерезала шнур, скрепляющий бумагу, и осторожно сдвинула ее в сторону, обнажив зеленый шелк и маленькую карточку.

«Пожалуйста, позвони мне. Сайман».

Я выругалась и забрала сверток в квартиру. На автоответчике – ни одного сообщения. Даже от Дерека.

Я разорвала бумагу и бросила содержимое на кровать. Пара широких шелковых светло-пурпурных штанов, зеленые балетки и аозай, длинная, летящая вьетнамская одежда, нечто среднее между туникой и платьем.

Одежда выглядела изысканно, особенно аозай, скроенный из шелка цвета папоротника и расшитый светло-зелеными и крошечными пурпурными точками.

Я взяла телефон и набрала номер Саймана.

– Привет, Кейт.

– Какую часть «без свидания» ты не понял?

Послышался едва различимый вздох:

– Если ты не была на Играх, то сложно описать их атмосферу. Это удивительно жесткое и жестокое место. Нормальные границы разумного на турнире не применимы. Холодные головы там не в чести, народ горит, желая доказать свое физическое мастерство. Ты – привлекательная женщина, Кейт. Если придешь одетая, как прошлой ночью, то на нас набросятся участники. Думаю, мы оба согласны, что не нужно привлекать к себе внимание.

В его словах определенно был смысл.

– Я выбирал наряд с осторожностью, – добавил он. – Одевание дает полную свободу передвижения. В нем ты будешь похожа не на телохранителя, а на...

– Эскортницу?

– Спутницу. Пожалуйста, будь разумной, Кейт. На одну ночь сыграй Эмму Пил для моего Джона Стида.

Я понятия не имела, о ком он говорил.

Голос Саймана смягчился, в нем появились теплые бархатные нотки.

– Я имел в виду персонажей одного старого английского телесериала. Он назывался «Мстители», агенты разведки, дорогая. Если тебе неудобно, я понимаю. Мы всегда можем пересмотреть условия нашей сделки.

Он так явно намекал на «пересмотр», чтобы даже профессиональная девушка по вызову покраснела.

– Сделка есть сделка, – ответила я.

Лучше расплатиться здесь и сейчас. Я-то уж точно не хочу быть в долгу перед ним, о чем Сайман прекрасно знал.

И снова он меня перехитрил.

– Зеленый – твой цвет, – примирительно проворковал он. – Аозай я выбрал специально для тебя. Он тебе будет к лицу.

Я в этом не сомневалась. Наверняка он принял мой облик и примерил.

– Я постараюсь.

– Заеду в десять. И, Кейт, может, чуть-чуть макияжа...

– Не хочешь помочь мне выбрать нижнее белье? – Сарказм свистел прямо над его головой.

– Я бы с радостью. И хоть мне бы очень хотелось увидеть тебя в открытом бюстгальтере балконет, боюсь, в данном случае мне придется остановиться на бесшовном белье, лиф которого плотно стянет твою грудь... Возможно, мне стоит приехать заранее и посмотреть, что у тебя есть...

Я повесила трубку. Вечеринка в трусиках с Сайманом. Никогда даже в самых безумных мечтах.

Восемь часов спустя я сидела в машине Саймана и думала, что он оказался прав. Хотя зеленый шелк и обнял мою грудь, не оставляя абсолютно никаких сомнений в том, что я женщина, внизу платье расширялось. Два разреза по бокам начинались на дюйм ниже брючного пояса. Под широкий клеш я спрятала защитные напульсники, которые заполнила серебряными иглами. К сожалению, мне некуда было убрать саблю.

Ну и ладно. Я не против нести Погибель. Сайман распахнул передо мной пассажирскую дверцу. Сегодня вечером метаморф выбрал мужское обличье – это был высокий тип средних лет (хотя обычно Сайман предпочитал выглядеть пониже и помоложе). Однако стильность и лоск оставались при нем, как и всегда. Сайман был в темном костюме и черной водолазке. Черты лица – крупные и четкие, патрицианский нос, мощный подбородок, широкий лоб, светло-карие глаза под густыми седыми бровями. Ровно подстриженная грива платиново-седых волос обрамляла выразительное лицо.

В правой руке он держал длинную черную трость с наконечником в форме серебряного дракона.

От моего спутника исходила аура богатства, улучшая его облик, словно слой лака. От него пахло деньгами и престижем. Его голос был эквивалентом дорогого кофе, насыщенного, однородного и с пикантной горчинкой.

– Кейт, боюсь, саблю лучше оставить.

– Нет.

– Оружие запрещено везде. Кроме самой «Ямы». Тебя не пропустят внутрь.

Дерьмо.

Я вздохнула и положила Погибель на переднее сиденье.

– Оставайся здесь. Охраняй машину.

Сайман захлопнул дверцу.

– Клинок разумен?

Нет, но мне нравилось делать вид, что это так.

В руке метаморфа щелкнул пульт дистанционного управления. Автомобиль ответил странным перезвоном.

– Что еще такое?

– Моя система безопасности. Советую не трогать мое имущество. Идем?

Он предложил мне свой локоть. Я положила пальцы на руку Саймана. Сделка оставалась сделкой. Я стала его эскортом на эту ночь.

По крайней мере, я была одета соответствующе. Волосы скручены в пучок и закреплены парой деревянных шпилек. И я слегка накрасилась, чтобы «быть в теме». Платье добавляло мне экзотики, а темные тени на веках вносили интригу в мой облик.

Милашкой мне не светило быть в любом случае, но впечатлить я могла.

Прямо перед нами высилось массивное здание. Высотой в три этажа, оно было выстроено из кирпича в форме овала и растянулось в ночи так, что казалось бесконечным. Здания такого размера – редкость в Атланте.

Что-то меня насторожило.

– Здесь есть что-то еще?

– Холодильная камера. Раньше тут находился каток Атланты. Очевидно, мы кое-что изменили.

Я переварила это «мы».

– Ты – член Совета, Сайман?

– Я – нет. Но Томас Дюран, да. – Элегантным взмахом руки он указал на свое новое лицо.

Я не только собиралась на андеграундный турнир, одетая как красивая дурочка, но и мой партнер являлся одним из его владельцев. Отлично. Раз уж я попала на закрытые азартные и нелегальные бои, может, зрителям на бис отсыпят наркоты и выдадут высококлассных шлюх. Я вздохнула и постаралась выглядеть так, будто никогда в жизни никого не убивала.

– У тебя в волосах лезвия? – спросил Сайман.

– Нет. Не лучшая идея использовать лезвия как заколки.

– Почему – нет?

– Во-первых, кто-то может ударить тебя по голове, вонзив их в голову. Во-вторых, рано или поздно их нужно достать. У меня нет желания драматично вынимать такие «заколки», заодно отрезав половину волос, чтобы в итоге остаться с огромной лысиной.

Примерно в ста ярдах от «Арены» деревянная башня царапала небо. Она находилась достаточно близко, чтобы установленные на ее верхней платформе пулеметы и ручные баллисты залили окрестности огнем.

Люди на башне были одеты в особую черно-красную форму.

– Красная гвардия?

– Да.

– Полагаю, платит кровавый спорт.

Иначе вряд ли хозяева маленькой тусовки смогут нанять самое дорогое охранное подразделение в городе.

Я знала нескольких красногвардейцев, они стоили своих денег. Несколько лет назад я подумывала о том, чтобы присоединиться к ним из-за постоянной зарплаты, но работа оказалась чертовски скучной.

– Колизей – гордость и радость Рима, мог вместить пятьдесят тысяч человек. – Сайман позволил себе улыбнуться. – Пятьдесят тысяч зрителей в то время, когда лошадь являлась самым эффективным способом передвижения. Платит действительно кровавый спорт. А еще он привлекает правонарушителей, поэтому гвардейцы патрулируют как внешний, так и внутренний периметры, а особенно первый этаж, который окружает «Яму», где проходят бои. Там расположены и помещения для бойцов. Кстати, Совет не терпит стычек вне «Ямы».

Мой вечер стал еще более напряженным. Составить компанию Сайману, ускользнуть от

него, применив отсутствующие у меня навыки ниндзя, пройти мимо лучшей охраны в Атланте, проникнуть на первый этаж, найти темноволосую девушку, передать ей записку и вернуться, прежде чем метаморф заподозрит что-то неладное.

Кусок пирога. Я могла съесть его во сне. И снова у меня возникло желание ударить Дерека в челюсть.

Мы пересекли флуоресцентную белую линию шириной в два фута, нарисованную на асфальте.

– Зачем она?

– Сейчас мы находимся под защитой гвардейцев, – объяснил Сайман. – А они в принципе заинтересованы в нашем благополучии. За пределами линии – мы сами по себе.

– На стоянке были смерти?

– Не будь ты агентом ордена, я бы сказал, что за последний месяц случилось два убийства. Но сейчас я сошлюсь на незнание, – застенчиво улыбнулся Сайман.

Избавь меня от этого.

Мы направились к ярко освещенному входу, окруженному четырьмя красногвардейцами. Двое из парней оказались вооружены автоматами, а их напарники держали китайские копья, украшенные багряным шелком.

Странный выбор оружия, но выглядели копья красиво.

Сайман и я прошли через узкий арочный вход в холл. У нас на пути возникла женщина, зажатая двумя красногвардейцами, выглядящими так, будто они были готовы на все – к примеру, сбежать в лес с пятидесятифунтовыми рюкзаками и взорвать логово взбесившихся волков-оборотней. Их босс, затянутая в светло-коричневый кожаный жилет, была немного выше меня, худенькая. И вооруженная рапирой. В отличие от левой, скрытой толстой перчаткой, ее правая рука была голая. Изумрудный блеск сиял на лезвии клинка, будто сделанном из бутылочно-зеленого стекла. Десять к одному, что зачаровано.

Я осмотрела женщину еще раз. Короткие рыжие волосы. Ясные серые глаза. Я заглянула в них и обнаружила реальную стерву.

– Рене. Как всегда, одно удовольствие. – Сайман снова продемонстрировал свой фокус с билетами и протянул два прямоугольника ей.

Быстро взглянув на них, Рене вернула их Дюрану и уставилась на меня, дав понять, что аозай ни на секунду ее не обманул:

– Не убей никого в моем здании.

– Делай свою работу как следует, и мне не придется.

Я позволила Сайману увести меня вперед. Он наклонился ко мне и доверительно произнес:

– Рене...

– Глава безопасности.

– Ее рапира...

– Зачарована, возможно, покрыта ядом. Рене невероятно ловко владеет ей.

– Вы встречались раньше?

Я поморщилась:

– Рапира – оружие дуэлянта, лучшее в бою один на один. И еще важна точность: ты пытаешься проколоть жизненно важные органы и кровеносные сосуды лезвием шириной

в дюйм. Обычная рапира не остановит разъяренного оборотня. Область поражения слишком мала, а значит, для того, чтоб Рене достигла хоть какого-то эффекта, она должна делать ставку на яд или магию. Я предполагаю, что она использует яд, поскольку носит перчатку на левой руке, что выдает ее нежелание касаться лезвия незащищенными пальцами, даже если доминируют технологии. Я права?

– Да.

Сайман казался ошеломленным.

Рапира Рене наверняка действовала как Погибель. Моя сабля дымилась в присутствии нежити и плавилась плоть. Если бы я не вынимала ее из тела врага сразу же после убийства, она бы вдобавок впитывала расплавленное мясо и жилы. К сожалению, мне редко удавалось оставить ее в нежити на достаточно долгое время: Погибель становилась слишком тонкой и хрупкой после чересчур кровавого боя, и мне приходилось ее кормить. Готова спорить на зарплату, что Рене тоже нужно заправлять свою «малышку».

Мы повернули за угол, поднялись по узкой лестнице и очутились в другом мире, а точнее, в широком коридоре. Пол, выложенный итальянской плиткой двух оттенков – ржавчины и песка, – складывался в ромбовидный узор. В светлых, персикового цвета стенах по правой стороне виднелись узкие ниши, в которых стояли тяжелые керамические вазы со шпилями бамбука. Высокие арки слева прорезали стену, каждая была закрыта тяжелыми рыжеватыми занавесями. Витиеватые колдолампы, сейчас погасшие из-за отсутствия магии, украшали арочное пространство. Лопастные вентиляторы медленно вращались на потолке, обычные светильники, вставленные в центр каждого из них, озаряли пространство.

Ровный гул собирающейся толпы проникал сквозь занавеси. Мы находились на третьем этаже.

Магия ударила, задушив электричество. Лампочки мигнули и погасли. Вентиляторы лениво остановились, а на стенах витые стеклянные трубки колдолама зажглись, окрасив коридор бледно-голубым сиянием.

Глубокий гортанный рев пронзил шум толпы. Хриплый, нечеловеческий вопль, вобравший в себя страх. Волосы у меня на затылке встали дыбом. Сайман наблюдал за моей реакцией. На его лице возникло самодовольное выражение.

Я проигнорировала это.

– Куда мы идем?

– На ВИП-площадку. Если помнишь, я говорил, что мне нужно твое профессиональное мнение. Члены команды, которую тебе надо оценить, обычно сидят там перед боем.

– Что еще за команда? – спросила я, вспомнив о записке Дерека, спрятанной в напульснике на левой руке. Передать Ливи из «Жнецов»...

– «Жнецы».

Полукруглая смотровая площадка оказалась заполнена почти на треть. В основном свет исходил от свечей, горящих на маленьких круглых столиках. За ними были огромные окна, от пола до потолка, в форме полумесяца, из них открывался вид на парковку и саму Атланту, погруженную в темноту.

Мы с метаморфом подошли к одному из столиков, и я принялась изучать гостей. Всего шестнадцать человек, три телохранителя, четыре женщины, две – темноволосые, но никто не выглядел как боец.

Заметив мужчину, сидящего через пару столиков от нас, я почувствовала легкий толчок, будто мою руку ударило током. Высокий, примерно шести футов, в костюме из мягкой серой кожи, большую часть которого, впрочем, скрывал простой грубый плащ. Длинные темные волосы ниспадали незнакомцу на плечи. Его глаза остановились на мне и не отпускали, в них промелькнуло властное выражение. Он сидел спокойно, его манеры были расслабленными и дружелюбными. Если вы случайно наступите ему на ногу, он

может быть любезен и извинится, что встал у вас на пути. Но было нечто, выдававшее в нем силу и склонность к невероятной жестокости. Он абсолютно точно знал, что способен за считанные секунды убить абсолютно любого человека здесь и сейчас, и это знание превосходило необходимость что-либо доказывать.

В его бокале был какой-то прозрачный напиток. Водка или вода? Последнее бы значило, что мужчина намеревался оставаться трезвым, а потому представлял еще большую опасность.

Сайман выдвинул стул, ожидая, что я сяду, повернувшись спиной к подозрительному типу.

– Другой, – пробормотала я.

Мужчина до сих пор глазел на меня.

– Прости?

– Другой стул.

Саймон сделал несколько грациозных шагов и выдвинул еще один свободный стул.

Я присела, Сайман тоже.

Официант, подскочив, заслонил мне обзор.

Метаморф заказал коньяк.

– А леди? – уточнил официант.

Мой спутник открыл было рот.

– Вода, без льда, – выпалила я.

Сайман закрыл рот. Парень отошел, открыв моему взору объект слежки. Надо сказать, что мужчина даже слегка повернулся, чтобы наблюдать за нами. Он продолжал буравить меня взглядом, будто пытался что-то найти в моем лице.

Но я-то прекрасно подхожу на роль охранника. В общем, смотреть можно, приятель, но только тронь Саймана, и я сверну тебе шею.

– Не нужно притворяться моей телохранительницей, – вполголоса проговорил метаморф.

– Не нужно притворяться, что у нас свидание.

Это вопрос принципа. Если кто-то подстрелит Саймана, пока я сижу всего в двух футах от него, мне сразу же придется заняться убийством монстров.

– Ничего не могу поделать. Ты просто сногшибательна.

– Подразумевается, что я должна упасть в обморок?

Мужчина встал и направился к нам. Точно, шесть футов два дюйма – не меньше. Мне не понравилось, как он двигался: плавные, подвижные суставы. Мечник. Да еще исключительный: при его-то росте иметь такую грацию. Высокий, гибкий, смертельно опасный.

Сайман вздохнул:

– Я, конечно, рискую показаться грубым, но ухаживать за тобой – все равно что играть в баскетбол с дикобразами. Ни один комплимент не останется безнаказанным.

– Тогда прекрати их говорить.

На ВИП-площадке появился рыжеволосый юноша. Он бодрым шагом пересек пространство. Мечник замер на полпути. Парень приблизился к нему, что-то прошептал и отступил в сторону. Он обращался к мужчине с почтением, как к старшему по званию.

Мечник бросил на меня последний взгляд и ушел.

Сайман усмехнулся.

– Не вижу ничего смешного.

Официант принес нам наши бокалы: высокий с водой – для меня и тяжелый хрустальный с коньяком – для Саймана.

Метаморф взял свой заказ, согревая темно-янтарную жидкость, и поднял бокал повыше, вдыхая аромат.

– Меня не удивляет мужское внимание. Ты – очаровательная женщина, Кейт. Смелая. Волнующая. И есть определенные преимущества находиться в моем обществе. Я – привлекательный, успешный, уважаемый. И очень богатый. Здесь моя репутация безупречна. Твоя красота и мое положение создают ауру притягательности. Думаю, ты найдешь, что весьма желанна для присутствующих. Мы могли бы быть сногшибательным дуэтом...

Я согнула запястье и протянула ему серебряную иглу, умудрившись уколоть свою ладонь.

– Что это?

– Игла.

– И что мне с ней делать?

Что? Эх, Сайман...

– Пожалуйста, засунь ее себе в голову, а то она мне мешает, – отшутилась я.

Дверь, ведущая на ВИП-площадку, распахнулась, и я увидела новых зрителей. Двое мужчин. Тот, что слева, возвышался над своим приятелем. Громадный здоровяк. Волосы острижены так коротко, что на скальпе осталась лишь щетина, а спину он держал настолько прямо, что казалось, будто он кол проглотил. Он был в черных брюках и гигантских армейских ботинках. Закрученные вихри племенных татуировок, четкие, угольно-черные, словно нарисованные смолой, обвивали его руки, окрашивали грудь и по шее забирались на спину. Множество продуманных узоров. Любопытно, что все они были одного цвета.

Рядом с ним шагала женщина со светлыми волосами лимонного оттенка. Пряди доходили до края челюсти и вздыбливались вокруг его узкого лица в беспорядке.

Странная стрижка для мужчины, но ему удавалось не выглядеть слишком женственно.

– А вот и они. – Сайман небрежно откинулся на спинку стула.

– «Жнецы»? – пробормотала я.

– Да. Темный дикарь выступает под псевдонимом Цезарь. Блондин – Март.

– А их настоящие имена? – Если кто-то и знал их, то, конечно же, Сайман.

– Понятия не имею. – Он пригубил коньяк. – И меня это беспокоит.

«Жнецы» нацелились на наш столик.

– Нашел конкретную зацепку?

– Вряд ли они являются людьми.

Я наблюдала за Мартом. Худой, если не тощий, он носил серый плащ, который оставил не застегнутым. Под ним было то, что можно описать, как наряд вора-домушника: черный, плотно прилегающий к груди костюм, облегающий ноги и исчезающий в черных мягких сапогах. Если бы я не обратила внимания на то, как была натянута ткань, то упустила бы минутное напряжение мышц нижних конечностей.

Март прыгнул и приземлился на наш столик, слегка сгорбившись.

Превосходный баланс – прыгал он с пола, приземлился на носочки, и стол даже не покачнулся под ним.

Март смотрел прямо перед собой, демонстрируя мне резной профиль. Очень светлые голубые глаза, обрамленные темно-серым ободком, – бесспорно, человеческие. Неплохое телосложение, без очевидных изъянов. Фигура компактная, можно даже сказать, оплетенная мышцами. Длинные руки и ноги, такими удобно хвататься. Никаких странных запахов. Он смахивал на человека, но еще не было ни одного раза, чтобы Сайман ошибся.

Нужно как-то задержать его, но как? Если сомневаешься, ткни палкой в улей, может, вылетит что-нибудь интересное. Я хлопнула в ладоши.

– Понятия не имела, что у команд «Ямы» такие симпатичные болельщики. А вы не повторите еще раз ваш трюк, но с большим энтузиазмом?

Март повернулся и не мигая уставился на меня. Напоминало взгляд ястреба: сдержанность и обещание внезапной смерти.

Я притворилась, что задумалась, и щелкнула пальцами:

– Знаю, чего не хватает. Помпонов!

Никакой реакции. Он понял, что я оскорбила его, но не был уверен, как именно.

Сайман усмехнулся.

Март продолжал пялиться на меня. Я отметила его идеальную кожу. Это уже чересчур. Никаких царапин или порезов. Никаких дефектов, прыщей или угрей. Отполированный до блеска алебастр.

– Что привело вас к нашему столику, джентльмены? – непринужденно спросил метаморф.

Ни тени тревоги. Должна отдать ему должное – у него были яйца.

Татуированный скрестил руки. Он был высоченным, с пропорциональными конечностями. Присмотревшись к его рукам, я поняла, что они скорее были длинными, чем накачанными.

Тип уставился на Саймана немигающим взглядом.

– Вы проиграете, – произнес он отчетливо, его глубокий голос был окрашен акцентом, который я не сумела определить.

Я медленно протянула руку, чтобы коснуться лица Марта. Он дернулся. Я едва заметила его движение, а его пальцы уже сжали мои. Хватка как стальные тиски. Тоже быстрый. Возможно, быстрее, чем я. Забавно.

Я расслабила ладонь.

– А ты сильный.

Так и было. А еще он совсем не закрылся. Значит, Март достаточно быстр, чтобы заблокировать удар бокалом, который я разобью и воткну ему в горло. Заманчивая теория, не отказалась бы проверить ее на практике.

– Март! – голос Саймана щелкнул как кнут. – Если ты ее сломаешь, то заплатишь за это.

Март повернул голову в его сторону. Это выглядело странно: повернулась только голова. Как у совы. Или у кошки. Он отпустил мои пальцы. Вероятно, он сбросил меня со счетов, ведь просто-напросто женщина в ярком наряде.

На VIP-площадку зашла темноволосая девушка. Юная, не больше восемнадцати. С такими чертами, как у нее, она бы чувствовала себя как дома на улицах Дели: глубокие

темные глаза, круглое, полное лицо, густая грива волос, струящихся по спине. Она была одета в джинсы и темную рубашку с длинными рукавами, но, глядя на ее походку – слегка покачивающиеся бедра, плечи немного откинута назад, демонстрируя грудь, – я вообразила ее в сари. Экзотическая индийская принцесса. Мужчины моментально переключились на нее.

Три к одному, что я увидела Ливи, которой предназначалась записка Дерека. Я без труда поняла, что красотка вдохновила волчонка потерять здравый смысл.

Она продефилировала к нашему столику и остановилась в нескольких футах от него, не поднимая глаз.

– Асаан, – промурлыкала она, обращаясь к Марту. – Хозяйка хочет тебя видеть.

Татуированный оскалился. Она прервала их привычный порядок запугивания.

Девушка покорно склонила голову.

«Жнецы» вот-вот уйдут, вместе с моим шансом передать записку. Что делать?

Неподалеку от нашего столика две женщины поднялись и извинились, после чего направились к двери, на которой красовалась характерная табличка.

То, что нужно. Дамская комната.

– Мне нужно в туалет! – громогласно объявила я и, вскочив, пристально посмотрела на темноволосую девушку. – Пойдем со мной, я не хочу быть одна.

Она вытаращилась на меня, будто я говорила на китайском. Какая же ты дурочка.

– Я не хочу быть одна, – повторила я. – Вдруг там какие-нибудь неадекватные или чокнутые.

Татуированный повернул голову в сторону уборной, и девушка вздохнула.

– Ладно.

Уходя, я услышала голос Цезаря.

– Когда ты умрешь, твоя женщина будет кричать.

– Это угроза? – парировал Сайман.

– Обещание.

Мы вошли в дамскую комнату. Едва за нами закрылась тяжелая дверь, девушка обернулась.

– Вот и все. Если только вы не хотите, чтобы я держала вас за руку, пока вы будете в туалете, то мне пора.

– Вы – Ливи?

Она моргнула:

– Да.

– Я – друг Дерека.

Имя хлестнуло ее. Она отшатнулась.

– Ты знаешь Дерека?

Я вытащила записку из напульсника.

– Держи.

Она вырвала листок из моей руки и прочитала. Ее глаза расширились. Ливи смяла

записку и бросила ее в круглое отверстие мраморной стойки.

– У тебя проблемы?

– Мне нужно идти. Я буду наказана, если меня не будет слишком долго.

– Подожди! – Я схватила ее за запястье. – Я могу помочь. Скажи, что случилось.

– Ты ничего не сможешь сделать! Ты просто шлюха! – Ливи высвободилась, порвав рукав своей рубашки, распахнула дверь и вылетела наружу.

Бывают моменты, когда психологическая устойчивость в стрессовых ситуациях как нельзя кстати. Она помогает тебе прорываться вперед, когда ты пробираешься по канализации, по самым бедрам утопая в человеческих экскрементах, кроша на кусочки бесконечно восстанавливающегося червя-импалу. Еще она не дает тебе закричать, когда два молодых идиота собираются покончить жизнь самоубийством, не без участия «Жнецов», и противостоят всем попыткам им помочь.

Записка.

Она выкинула ее. Я дала слово, что не буду читать послание, пока не отдам его Ливи, но теперь девушка уже узнала содержимое записки и вообще выбросила ее, так что та стала достоянием общественности.

Я была обычной женщиной, поэтому технически могла ее прочесть.

Две дамы, которые направились в уборную еще до меня, покинули свои кабинки, продолжая щебетать о чем-то бицепсе. Они прошли мимо меня и начали поправлять свой и без того идеальный макияж перед зеркалом.

Мысленно я пробежалась по всем доводам за и против. Они – довольно-таки жалкие, но мне, в общем-то, наплевать.

Я повернулась к стойке и сунула руку в отверстие. Комки влажных бумажных полотенец касались моих пальцев.

Женщины уставились на меня так, будто у меня на голове вырос канделябр.

Мило им улыбнувшись, я убрала руку и заглянула в дырку. Низкий, широкий мусорный бак забит салфетками до отказа. Я могла пытаться весь день, но так ничего и не достать. Стойка – мраморная, а шкаф под ней металлический. Имелся вариант добраться до мусорного бака через небольшую дверцу.

Я схватилась за ручку. Заперто.

Дамы поняли, что самым разумным было игнорировать меня и вернулись к обсуждению бицепсов.

Я осмотрела замок. Взлом не являлся моей сильной стороной, зато тупо сломать что-то – это как раз в моем духе. Я отступила, чтобы у меня было больше места. Хорошо, что стойка оказалась относительно высокой: трудно сделать удар снизу с достаточной силой.

Я шагнула вперед и стукнула боковым ударом дверь. Металл загремел, как барабан. Дверца прогнулась, но выдержала.

Женщины замерли.

Я опять пнула по вмятине.

Бум.

Хорошая дверь. Бум.

Дверца соскользнула и с грохотом рухнула на пол. Я улыбнулась испуганным дамам:

– Уронила обручальное кольцо. Знаете, так бывает. Девушка сделает все ради бриллианта.

Они ретировались.

Я вытащила мусорное ведро и начала в нем рыться. Бумажное полотенце, еще полотенце, использованный тампон...

Фу. Кто положил его в урну для полотенец? А вот и она.

Я развернула смятую записку. «В «Ред руф инн» в то же время, сегодня ночью». Кусочки пазла начали выстраиваться у меня в голове. Потрясающе красивая девчонка, наверное, собственность команды смертоносных гладиаторов, которые, возможно, даже и не люди. Юный оборотень с чрезмерно развитым защитным инстинктом. Дерек по уши влюблен – ничто другое не заставило бы его нарушить законы Кэррана, – и он собирался спасти Ливи. И он явно был на прямом пути к тому, чтобы ему отрезали яйца.

Итак, где же находится «Ред руф инн»? Я слыхала, что эта сеть отелей была фактически единственной франшизой, еще оставшейся в бизнесе. Отличительная черта «Ред руф инн» – красная крыша.

Но в наше время крышу любой лачуги можно покрасить в красный цвет, а затем начать сдавать в развалюхе комнаты на ночь.

Проблема заключалась в том, что я не имела ни малейшего представления, где поблизости может быть «Ред руф инн».

«Жнецы» произвели на меня впечатление параноиков, приезжающих и уезжающих всем скопом. На их месте я бы ушла вскоре после окончания последнего поединка, в котором принимала участие моя команда. Вдобавок держали Ливи на коротком поводке. Ее отсутствие недолго останется незамеченным. Дерек оказался идиотом, однако не лишенным мозгов. Он бы это понял. Он встретит девушку где-нибудь недалеко от их маршрута, которым они будут возвращаться. В лучшем случае они поговорят, и она вернется. В худшем у него есть средство передвижения.

Вот вам и совместный побег. Который закончится катастрофой.

Я пнула мусорный бак обратно под стойку, приставила дверцу, чтобы закрыть дыру, поправила свой наряд и покинула уборную.

Сайман сидел в одиночестве. При виде меня он выгнул бровь. Скопировал мой жест – он явно недоволен. Но не настолько, чтобы не подняться при моем появлении.

– Еще минута, и мне пришлось бы просить персонал спасти тебя, – сказал он.

– Ты и есть персонал.

– Нет, я владелец.

Туше.

– Какие у тебя проблемы со «Жнецами»?

– Думаю, ты неправильно поняла суть нашего соглашения. – Он поднялся и галантно предложил мне свой локоть. – Ты оценила команду. И именно ты обязана раскрыть информацию, так что будь уверена, Кейт, меня переполняет желание услышать твое мнение. Дрожу от предвкушения.

– Дрожишь?

– Конечно. Займем наши места?

Я вздохнула и позволила вывести себя с VIP-площадки. Я жутко устала оттого, что меня держали в неведении.

Мы спустились по лестнице, прошли за угол и очутились в другом роскошном коридоре, пронизанном арками.

Казалось, Сайман наугад выбрал одну из них и отодвинул тяжелые, кирпичного оттенка занавеси. За ними скрывался круглый балкончик, окруженный сплошными стальными

перегородками, которые едва доходили мне до бедер. Я увидела четыре мягких кресла, обитых рыжеватой тканью, очень похожих на те, что стоят в кинотеатрах.

Я прошла к перилам и начала изучать огромный зал. Настоящий амфитеатр, он протянулся в обе стороны по крайней мере на сто пятьдесят ярдов. Стены напоминали соты с арочными балконами в три ряда. Каждый вмещал от шести до восьми зрителей и имел собственный вход, который, если судить по конкретно нашему, вел в широкий коридор. Персонал пытался свести к минимуму давку, если что-то пойдет не так.

Впереди находился самый нижний уровень, смахивающий на громадную оркестровую яму. Там-то уже не было ни сидений, ни балконов.

Голый бетон, слегка наклоненный к центру, где расположилась овальная песчаная арена. Ограда из прочных переплетенных цепей, закрепленных на стальных столбах, очерчивала ее.

Действительно, «Яма», как она есть. Наш балкон выступал в разы дальше, чем остальные, и если бы я разбежалась, то допрыгнула бы до ограждения. Песок тоже привлек мое внимание. Я отвела взгляд.

– Особые места?

– Лучшие, Кейт. Но, несмотря на то что «Яма» так близко, мы в полной безопасности.

Сайман указал куда-то вверх. Я подняла голову и обнаружила металлическую решетку, скрытую бархатной кулисой.

– Я могу опустить ее, потянув за рычаг. И, конечно, имеются дополнительные меры предосторожности.

Теперь он указал вниз.

Слева от нас на бетонном полу расположился тяжелый пулемет «Е-50», установленный на поворотном основании и укомплектованный двумя красногвардейцами. Оружие меня особо не интересовало, но я знала: такое использовали оборонщики при столкновениях с бесхозными вампирами.

Пулемет стрелял патронами пятидесятого калибра со скоростью более трех тысяч футов в секунду. На расстоянии в две тысячи футов выстрел оказывался смертельным. На расстоянии ста ярдов он мог пролететь сквозь твердую сталь, будто это была папиросная бумага. При максимальной скорострельности он выплевывал полторы тысячи пуль в минуту. Конечно, с такой скоростью ствол расплавится после нескольких тысяч выстрелов, но, если вы не убили вампира за первые несколько секунд, вы все равно будете мертвы.

В дальнем правом от нас углу стоял точно такой же пулемет. Все, кто попадется между огнестрелами, мгновенно умрут.

К сожалению, самое лучшее оружие находилось в распоряжении самых сильных парней. Если бы я хотела доставить владельцам «Арены» неприятности, то попыталась бы убраться артиллеристов.

На случай, если технологии потерпят неудачу, две дополнительные команды красногвардейцев ждали своего часа в противоположных углах: одна группа бойцов – с метателем стрел, другая – с разнокалиберными стволами и прочим оружием.

– Похоже, вы не хотите повторения катастрофы с Андромедой.

Если Сайман и удивился моим знаниям любопытных фактов об Играх, то никак этого не показал.

– Верно. Но, уверяю тебя, довольно-таки много оборотней до сих пор принимают в турнире участие.

– Как? Разве Царь Зверей не наложил на это вето?

- Мы приглашаем оборотней, не входящих в его Стаю. Они сражаются, и мы увозим их до истечения необходимых трех дней.

Значит, у приезжих оборотней – три дня, чтобы нанести визит Стае и получить разрешение остаться на ее территории, иначе местные хозяева сами к ним придут, что совсем не понравится непрошеным гостям.

- Впечатляюще.

Сайман улыбнулся:

- Оно того стоит. Только цена билетов покрывает большую часть расходов, связанных с боями. Настоящие деньги приходят со ставок. За хороший бой Совет получает от половины до трех четвертей миллиона. Самый крупный выигрыш превысил два миллиона.

С надбавкой за риск я получала чуть больше тридцати тысяч в год.

Я смотрела на песок «Ямы». Видения закружились в моей голове. Ограда, бетон, оружие, Сайман – все растворилось в ослепляющем солнце, ярком и безжалостном. Я слышала шум толпы на деревянных трибунах, стремительное стаккато испанского, пронзительный смех женщин и хриплые голоса букмекеров, выкрикивавших номера участников.

Я ощутила присутствие отца, спокойное и надежное. Успокаивающий вес Погибели оттянул мою руку. И я чувствовала запах моей кожи, опаленной солнечными лучами. Из песка поднимался кровавый пар...

- Присядем? – голос Саймана вторгся в мои мысли. И к лучшему.

Мы заняли свои места. Огромные занавеси кирпичного оттенка сдвинулись в дальние левый и правый концы зала, открывая два входа с тяжелыми дверями: правый окрашен ярким золотом, а его двойник слева – в «веселенький» оттенок иссиня-черного.

Сайман наклонился ко мне.

- Бойцы входят через «Золотые ворота», а трупы покидают «Яму» через «Полуночные». Логично, правда? Золото принадлежит победителю.

Раскатистый гул огромного гонга пронесся по «Арене», призывая аудиторию к тишине.

Из «Золотых ворот» вышла стройная женщина в серебряном платье.

- Добро пожаловать в наш дом битвы, где жизнь и смерть танцуют на острие клинка! – Ее низкий голос прозвучал на всю «Арену». – Да начнутся Игры!

- София, – проговорил Сайман. – Продюсер.

Женщина скрылась.

Огромное табло, подвешенное на цепях, опустилось с потолка и зависло прямо над «Полуночными воротами». Имена, написанные на белом фоне каллиграфическим шрифтом, были обрамлены двойными деревянными рамками: Родригес против Каллисто. Коэффициенты под ними гласили: «- 175/ + 200».

На победу Родригеса ставили немного больше человек. Если вы сделаете ставку на него как на победителя, то придется поставить сто семьдесят пять баксов, чтобы получить сверх еще сотню. Если вы выберете Каллисто и она выиграет, за каждые сто долларов вы получите обратно свои деньги и еще двести в придачу.

- Оба – люди. Не слишком интересно. – Сайман махнул рукой в сторону табло. – И как тебе «Жнецы», Кейт? Мне не терпится услышать твою оценку.

- И Март, и Цезарь – бойцы?

Он кивнул.

- Ты когда-нибудь видел, как у них течет кровь?

- У Цезаря. Во время боя с оборотнем он получил несколько глубоких ран на груди и спине. Март до сих пор не тронут.

Я задумалась:

- Ты заметил, насколько идеальна его кожа?

Сайман нахмурился:

- У нее ровный оттенок, но я не понимаю, к чему ты клонишь.

Неудивительно. Кто-то, кто обращался со своей кожей как с глиной, лепил и тянул по собственному желанию, не понял бы важность идеального цвета лица. Слова «прыщик» просто не существовало в словаре Саймана.

- У обычных людей есть недостатки. Синяки, угри, забитые поры, маленькие шрамы. Ничего подобного у Марта нет. Его кожа абсолютно гладкая и неестественно идеальная.

- Возможно, он ускорил исцеление.

- Я видела оборотней с рубцами, а они регенерируют сломанные конечности за пару недель. У нормального человека история написана на его шкуре, Сайман. У нас есть шрамы, полученные во время тренировок, еще до того, как мы стали достаточно хороши, чтобы их избегать. Но у него их нет. Как давно ты его знаешь?

- Два месяца.

- Значит, он в Джорджии с конца лета. Ты видел его загорелым?

- Нет.

- С таким цветом кожи у него уже через полчаса под солнцем Атланты должна появиться хрустящая корочка. Почему же он бледнее цветущего кизила? А ты видел его с другой прической?

Я почти слышала, как вращаются шестеренки в голове Саймана.

- Нет, - медленно произнес он.

- Волосы всегда одинаковой длины?

- Да.

Я улыбнулась:

- Давай поговорим о его приятеле, Цезаре. Татуирован с головы до пят?

- Да.

- Заметил, что чернила выглядят совсем свежими? Во-первых, большинство из нас наносят татуировки в течение нескольких лет. Сложный дизайн требует времени. Для людей процесс - скорее ритуал, и так же важен, как и результат. Постепенно краски выцветают, и на солнце это происходит даже быстрее. А его тату, по крайней мере те, что видела я, очень четкие и черные. Будто он никогда не бывает на улице.

- Вероятно, он придумал рисунок заранее и пользовался солнцезащитным кремом.

- Сильно сомневаюсь, что человек может запросто прийти в тату-салон и показать мастеру полностью проработанный рисунок со сложной племенной татуировкой. В любом случае ты сказал, что у него текла кровь. Из-за глубоких ран узор может исказиться, особенно такой витиеватый. Могут возникнуть утолщения, некоторые линии размоются. Такого я у него не видела.

Беспокойство исказило красивое лицо Саймана.

Как только с тела любым способом был взят образец крови, жидкости или ткани, то владелец уже не мог скрывать свою магию. М-сканер обнаруживал ее следы и регистрировал разными цветами: фиолетовый – у вампиров, зеленый – у оборотней, синий или серый – у простых смертных. Я не видела проблемы: возьми образец крови, просканируй и все, у кого не синий или серебристый, не являлись людьми. М-сканирование было надежным.

– Ты их проверял?

– Несколько раз. Оба регистрируются синим. Чистокровные люди.

Странно.

– С м-сканером не поспоришь, – проговорила я. – Но факт остается фактом: у тебя есть две китайские куклы, одна – почти альбинос, а другая разрисована милыми черными завитками. Оба очень не любят тебя. Я бы наняла охрану, Сайман. И предупредила, что от нападающих стоит ожидать чего-то необычного.

Два участника вышли на арену. Родригесу наверняка уже перевалило за сорок. Невысокий и гибкий, он выбрал короткий и изогнутый кукри – непальский нож с кривым клинком. Оружие было специально утяжелено спереди, чтобы погрузиться в плоть практически самостоятельно.

Каллисто возвышалась над ним на целый фут и казалась тяжелее противника примерно на тридцать фунтов. У нее была оливковая кожа, и непропорционально длинные конечности. Она несла топор. Серебряная цепь обвивала ее правую руку.

Раздался звон гонга. Каллисто замахнулась топором. Если бы она попала по Родригесу, удар расколол бы его надвое, но мужчина отскочил, ловкий, как кошка.

Каллисто усмехнулась и ударила снова – наискосок, и ее левая сторона стала уязвимой для противника. Но Родригес отказался ввязываться в бой и вновь уклонился. Толпа освистала его.

Я оперлась на перила, отслеживая Родригеса на арене. У него есть умение и опыт. Но опасная свирепость Каллисто могла привести женщину к победе.

– Кто победит? – спросил Сайман.

– Каллисто.

– Почему?

– Предчувствие. Она хочет этого больше.

Родригес сделал выпад. Клинок вспорол ей бедро. Нога окрасилась ярко-красным цветом. Я почувствовала запах крови.

Каллисто резко взмахнула рукой. Тяжелая цепь изогнулась полукругом и обмоталась вокруг шеи Родригеса с неестественной точностью. Конец цепи возвышался над плечом бойца, и там-то я и заметила маленькую треугольную голову. Металлические челюсти широко раскрылись. Клыки кусали воздух.

Каллисто натянула цепь, звенья которой сплелись в мерцающее змеиное туловище.

И змейка сжала свои кольца. Родригес попытался разорвать ее в отчаянном безумии, но нож-кудри соскальзывал снова и снова.

Родригес был побежден. Толпа заревела от восторга.

Лицо мужчины побагровело. Он рухнул на колени. Оружие выпало из его руки и вонзилось в песок.

Родригес вцепился в серебряную петлю, сжимающую горло.

Каллисто молча наблюдала за ним. Она могла остановить это в любой момент. Могла убить топором. Но она просто стояла и смотрела, как он задыхается.

Ему понадобилось четыре минуты, чтобы умереть. Наконец, когда его ноги перестали барабанить по земле, женщина отпустила зачарованную цепь.

Змеи уже было не видно. Серебряные звенья зазвенели – Каллисто потрясла цепью перед толпой. Зрители взревели.

Я разжала кулаки. Потребовалась вся моя сила воли, чтобы не прыгнуть в «Яму» и не стащить эту штуку с шеи Родригеса.

Не думала, что смогу думать о Саймане еще хуже. Он доказал, что я ошибалась.

Четыре служителя в серых одеяниях вышли из «Полуночных ворот», положили труп на носилки и унесли его.

Сайман откинулся на спинку кресла.

– Как я и говорил, не слишком интересно.

– Я считаю, что это ужасно.

– Почему? Я видел, как ты убивала раньше, Кейт. Конечно, ты сражаешься более умело.

– Я убиваю, потому что должна. Чтобы защитить себя или других. Я не отнимаю жизнь, чтобы повеселить толпу. И не стала бы мучить человека ради удовольствия.

Он пожал плечами:

– Ты убиваешь, чтобы выжить и успокоить собственную обманутую совесть. Те, кто в «Яме», бьются насмерть ради денег и удовольствия, зная, что лучше победить, чем превратиться в труп. По сути, наши мотивы всегда продиктованы корыстью, Кейт. Альтруизм – иллюзия, созданная хитрыми умами, стремящимися извлечь выгоду из сил и умений других. И все.

– Ты – как бог из греческого мифа, Сайман. Ты не ведаешь жалости. Не имеешь ни малейшего представления о мире за пределами своего эго. Желание чего-либо автоматически дает тебе право на получение этого любым способом, независимо от ущерба, который может быть нанесен. На твоём месте я вела бы себя поосторожней. Друзья и объекты божественных желанийдохнут как мухи. В конце концов, боги всегда остаются несчастными и одинокими.

Он ошеломленно посмотрел на меня и замолчал.

Бои шли один за другим, заканчиваясь смертью гораздо чаще, чем это необходимо. Слишком много крови, свежей и запекшейся, слишком много шоу. И чересчур много любительского энтузиазма, прерванного ледяным опытом. Иногда Сайман спрашивал меня, кто победит. Я коротко ему отвечала. Мне хотелось уйти домой.

Гонг зазвенел еще раз.

Спустилось табло с двумя именами: «Арсен против Марта. – 200 / + 900».

Арсен являлся серьезным фаворитом на победу.

– Я хочу предложить тебе работу, – сказал Сайман.

Мне было слишком тошно, чтобы испытать какое-нибудь недоверие.

– Нет.

– Не сексуального характера.

– Нет.

– Во всех шести боях ты угадала победителя. Я хочу нанять тебя в качестве консультанта. Члены Совета оценивают участников до начала мероприятия, чтобы сравнить коэффициенты, которые даются для каждой драки...

– Нет.

Март вышел на песок. Уже без плаща, черный костюм облегал стройное тело бойца.

Он двигался по арене бесшумно, словно тень, единственным светлым пятном были его волосы. С собой он взял два стальных меча, напоминающих два солнечных луча: один – длинный, другой – короткий. Классические катана и вакидзаси.

– Три тысячи за оценку.

Я повернулась и посмотрела на Саймана:

– Нет.

Глубокий рык прокатился по «Яме». Низкий протяжный мощный рев, порожденный нечеловеческим горлом, перешел в гром и разразился какофонией, состоящей из фыркания и резких возгласов. Толпа затихла. Моя рука инстинктивно потянулась за плечо, но саблю я, конечно, не обнаружила.

– Что это?

Лицо Саймана озарилось самодовольным восторгом.

– Арсен.

Огромный силуэт возник в темном проеме «Золотых ворот». Медленно, тяжело ступая, боец двинулся к границе света. Тени как будто цеплялись за контуры широких плеч и могучего мускулистого торса, обволакивая громоздкий шлем.

Красногвардеец, державший открытой дверь решетчатого ограждения, выглядел так, будто хотел оказаться где угодно, но только не поблизости от Арсена.

А тот снова взревел и вырвался на свет.

Гвардеец захлопнул дверь и убрался подальше.

Арсен бросился в центр «Ямы» и затормозил, подняв в воздух тучи песка. Притихшие зрители шокированно смотрели на происходящее.

Арсен был ростом семь футов, рельефные мышцы растягивали его угольно-черную кожу. Короткая шерсть собиралась в косматый беспорядок на груди и спускалась по животу узкой линией, расширяясь у промежности, стремясь, правда без особого успеха, скрыть, как щедро наградила его природа. Волосы были на его бедрах и тыльных сторонах ладоней, длинная грива свисала с массивной шеи. Два бледных рога торчали из черепа. Его физиономия вобрала в себя черты быка и представителя *Homo sapiens*: бычьи ноздри и губы, но глаза человека, глядящие из-под хребтов бровей. Заплетенная в косу борода свисала с подбородка. Ноги заканчивались копытами, а руки – грубыми ладонями, которыми он мог запросто обхватить мое лицо. Правда, пальцев на каждой было всего три, один являлся большим.

В правой руке он сжимал здоровое копьё.

Я вспомнила, что забыла закрыть рот.

– Оборотень?

– Нет. Нечто гораздо более экзотическое, – ответил Сайман. – Он таким родился и не превращается в человека. Он – минотавр...

Арсен взрыл песок левым копытом, пнул углубление и затряс головой. Золотые кольца серег блеснули в левом ухе. Он был силой, мощью и яростью, скованной плотью и стремящейся освободиться.

Март не двигался. Он застыл, опустив мечи, острия которых «смотрели» в разные стороны.

– Арсен – мой личный боец. – Голос Саймана задрожал от гордости.

- Где ты его нашел?

- Греция. Где ж еще?

- Ты привез его из Греции?

На лодке. Сквозь штормы и морских змеев. Должно быть, потратил на доставку целое состояние.

Сайман, словно прочтя мои мысли, самовольно кивнул.

- Я не трачу деньги на дешевку. Я бы пожертвовал любой суммой, чтобы унижить «Жнецов». Арсен того стоит.

Минотавр снова заревел. Его взгляд остановился на противнике. Он опустил голову.

Март продолжал стоять не шевелясь.

Из ноздрей монстра вырывался влажный воздух. Арсен сгорбился и бросился в атаку. Он завыл. Он был не в силах остановиться, как таран. Март не предпринял ничего, чтобы уклониться.

Двадцать футов. Пятнадцать. Двенадцать.

Март подпрыгнул вверх, неестественно высоко, будто кусок черного шелка, внезапно пропавший из поля зрения. Он перемахнул через минотавра и приземлился ему на плечи. Мгновение он ехал на нем верхом, балансируя со смехотворной легкостью, а затем спрыгнул на песок, невесомый как перышко.

Арсен повернулся и сделал выпад копьём в классическом греческом стиле. Март нырнул под противника, уклоняясь, и отвел его руку своим коротким клинком. Меч «поцеловал» внутреннюю часть правого бедра Арсена. В доли секунды он заблокировал удар, порезал левое бедро минотавра и выскочил за пределы досягаемости.

Все это было проделано с молниеносной быстротой.

- Он мертв.

- Что? - Сайман вытаращил глаза.

- Арсен мертв. Обе бедренные артерии перерезаны.

Густая красная кровь запятнала ноги минотавра. Март на цыпочках повернулся, посмотрел на нашу ложу и поклонился с окровавленными мечами в руках.

Ярость исказила лицо Саймана, превратив его в неузнаваемую маску.

Март ушел к «Золотым воротам».

Арсен застонал, с каждым биением сердца, он ослабевал все больше и больше. Жизнь покидала его. Колени минотавра подкосились. Спустя мгновение он в последний раз содрогнулся и рухнул навзничь на песок, который окутал его тучей пыли.

Толпа взорвалась в бешеном крещендо приветствий. Сайман вскочил и вылетел вон. Я подождала секунд тридцать, чтобы между нами было какое-то расстояние, и тоже выбежала, будто спасаясь от пожара.

Похоже, дело близилось к финалу. Пора бы уже отправиться на поиски «Ред руф инн».

Даже у лучших планов есть изъяны. В моем имелось два: я не знала адреса гостиницы и у меня не было транспортного средства.

Первая проблема решилась относительно легко: я поймала первого встречного красногвардейца и допросила его. В том районе действительно был отель «Ред руф инн» - он расположился на западе, по дороге к юго-западной лей-линии, в двадцати минутах езды на лошади или в добром часе пешком.

Сорок пять минут, если я буду бежать. Было около двух часов ночи, в Атланте воцарилась магия, а значит, шансы найти лошадку или мула, которого я смогла бы реквизи́ровать, равнялись нулю. Да и любой человек, который мог бы отправиться на конную прогулку в столь поздний час, не вышел бы на улицу без сильной защиты от потенциальных грабителей.

Зря я не взяла с собой кроссовки.

Я вышла в ночь. Магия лишила «Арену» электричества. Теперь вдоль стен светились красные и желтые руны и тайные символы, их замысловатые узоры сплетались в сложные охранные заклинания. Ничего себе зрелище. Здание мерцало в полупрозрачном коконе охранной магии.

Оно опечатано плотнее, чем банковское хранилище.

Я глубоко вдохнула и выдохнула, вместе с воздухом отпуская беспокойство. Позади меня вырисовывалась «Арена», излучающая злобу. Жадность и жажда крови смешались там в миазмы, которые запачкали всех вошедших.

«Яма», заполненная мужчинами и женщинами в вечерних нарядах, или «Арена», где противники сражаются под палящим солнцем под вопли зрителей, сидящих на деревянных трибунах-развалюхах, – неважно.

Я никогда не забывала бои на песке, но не понимала, насколько четкими могут быть старые воспоминания.

Многое началось для меня именно с арены. Первый раз я дралась без надежды, что отец меня спасет. Я убила женщину – на публику. И как раз тогда кровожадная толпа обожествила меня.

Отец оценил и мой бой, и мой триумф. Он считал, что я должна пережить все это, что я и сделала. Наверное, то событие оставило на мне шрам: ведь только стоило мне увидеть песок, как у меня начинали чесаться и зудеть руки.

Я стряхнула с себя невидимый порошок, смахнув и давние воспоминания. Мне захотелось принять душ.

Прямо сейчас Дерек, вероятно, поджидал Ливи в обговоренном месте. Он осторожен и придет туда за несколько часов. Нужно дотащиться до «Ред руф инн».

Пункт первый: вернуть Погибель. Я направилась к машине Саймана.

– Кейт?

Краем глаза я увидела, как он вышел из здания. Дерьмо.

– Кейт!

Я остановилась и посмотрела на него.

– Игры окончены. Сделка завершена.

Он догнал меня.

– Извини за мой поспешный уход...

– Я не нуждаюсь в твоих извинениях, Сайман. Мне нужна моя сабля. Я выполнила свое обязательство, а сейчас я тороплюсь.

Он открыл было рот, чтобы возразить, но, наверно, увидел нечто такое в моем лице, что заставило его промолчать.

В итоге кивнул и кратко сказал:

– Хорошо.

Мы подошли к автомобилю.

– Как бы ты достала оружие без моей помощи? – спросил он.

– Я бы разбила окно. – Мы перешли белую линию.

– Ты бы испортила мою тачку?

– Ага.

– Ты понимаешь, что она прекрасно защищена?

Я почувствовала, как чей-то взгляд буравит мне спину. Посмотрела через плечо. Татуированный «Жнец», Цезарь, находился прямо за белой линией, которую мы переступили полминуты назад. Под светом прожектора он стоял очень прямо, его лицо окутывала тьма. Глаза светились красным.

– У нас гости.

Сайман увидел Цезаря.

– Весело. Понятия не имел, что произвожу впечатление человека, который поддается детской тактике запугивания.

– Думаю, у них на уме нечто большее, чем просто запугивание.

Я ускорила шаг. Вот он, гладкий, обтекаемый корпус машины. А внутри на переднем сиденье меня ждет моя сабля. Однако до автомобиля оставалось еще добрых двадцать пять ярдов.

И тут произошло кое-что еще.

Какой-то тип перемахнул через ряд машин и приземлился перед нами на корточки, преграждая путь. Темные волосы растрепались. Он посмотрел вверх. Глаза светились, как два раскаленных уголька. Его рот открылся. Неестественно длинный язык, извиваясь, вырвался наружу. Губы оттянулись назад, обнажая ряды изогнутых клыков.

Ну и ладно.

Краем глаза я увидела Цезаря, ожидающего за белой линией. «Жнец» скрестил руки на груди.

Человек со змеиным языком пригнулся к земле. Нити слюны тянулись между его клыками и капали на тротуар, распространяя пьянящий аромат жасмина, кружащегося в воздухе.

Надушенный чудовищный плевок. И куда только катится мир? Сайман побледнел. Его рука сжала трость.

Светящиеся глаза мужчины уставились на метаморфа. Он поднял руки и показал ему два кинжала, узких и острых, как клыки змеи.

На меня он даже не смотрел. Отлично.

Левой рукой Сайман схватился за рукоять трости, потянув правой набалдашник. Я заметила мелькнувший металл между ней и темным деревом. Трость скрывала кинжал, который мой спутник собирался героически использовать.

Мужчина издал странный гудящий звук, от которого на затылке волосы встали дыбом, напрягся и прыгнул.

Это был огромный, необычайно высокий прыжок, призванный преодолеть расстояние в двадцать футов между нами. Сайман шагнул вперед, быстро вытащил кинжал и ссутулился, готовясь встретить нападающего.

Первое правило телохранителя: держи того, кого охраняешь, подальше от опасности.

Я выбила правую ногу Саймана из-под него, ударив его в грудь левой рукой. Он был настолько сосредоточен, что его позиция возмутительно легко вывела его же самого из равновесия. Он упал на спину, как бревно. Я выхватила трость из его руки, когда он падал, и вскинула ее.

Та воткнулась прямо под грудиной мужчины со змеиным языком. Воздух вырвался из его рта в удивленном вздохе. Я обернулась, резко хлестнув ножами, разбила тростью его висок. Полая древесина сломалась, превратившись в обломки. Удар бы прикончил нормального человека. Он должен был умереть сразу же и моментально.

Мужчина пошатнулся, покачал головой и бросился на меня, нанося встречные удары кинжалами. Я увернулась, отступила, увлекая его дальше от Саймана к машине.

Прожектор пронесся над нами, задержался на секунду и двинулся дальше. Охранники должны были нас видеть.

Змееныш продолжал резать воздух, его взмахи были энергичны, но беспорядочны. Все еще тяжело дышал. Если бы он перевел дыхание, у нас бы были проблемы.

Почти у цели. Шаг. Еще один.

Сайман вскочил на ноги.

– Держись подальше! – рявкнула я.

Противник оглянулся, ударив меня правой, чтобы прикрыться. Я схватила его за запястье, потянула вперед и вниз и воткнула обломки трости под ребра, прямо в почку. Он взвизгнул. Я швырнула его через себя – прямо в автомобиль Саймана.

Тело впечаталось в пассажирскую дверцу. Защитное заклинание вспыхнуло ярко-желтой вспышкой. В разные стороны разлетались оранжевые искры. Змееныш бился в магических всполохах, будто приклеенный к машине, тело дергалось в спазматическом непристойном танце. Вокруг распространился запах горящей плоти.

Враг согнул руки. Кулаки, сжимающие кинжалы, притиснулись к дверце автомобиля. Он пытался освободиться. Защиты будет недостаточно. Черт возьми, он просто отказывался умирать.

Я вытащила из волос шпильки и сжала их.

Со звуком рвущейся бумаги защита потеряла силу. Змееныш вырвался на свободу и бросился на меня. Я пнула его в коленку. Какой хороший, твердый удар! Противник осел, я схватила его за волосы и воткнула шпильку ему в левый глаз четыре раза подряд. Он заорал.

Тогда я изменила свой захват и быстро вставила шпильку – до упора – в его глазницу.

Кинжалы выпали из его рук. Я перехватила один и перерезала змеенышу горло. Острое лезвие почти отделило голову от тела. Кровь хлынула фонтаном, заливая меня. Я повернулась проверить Цезаря, но обнаружила только пустое место.

«Жнец» исчез.

Труп со змеиным языком лежал, бледный и безвольный, в луже собственной крови. Я посмотрела на Саймана, и тот поднял один окрашенный в красный цвет палец.

– Определенно – не человек.

Лицо Саймана дрогнуло от ярости.

– Возмутительно. Я владею седьмой частью Совета.

Защита на машине метаморфа явно подкачала.

– Можешь открыть замки?

Он нашел пульт и дрожащими пальцами вдавил кнопку. Ничего.

– Магия в силе, – сказала я.

Он выругался, достал ключи и отпер дверцу. Я схватила Погибель за рукоять и сразу почувствовала себя лучше.

Сайман провел рукой по волосам.

– Мне нужно, чтобы ты вернулась со мной на «Арену».

– Нет. У меня дела.

– Но ты мой свидетель!

Я старалась говорить медленно и четко:

– Я должна быть в другом месте.

– Мы в глуши. У тебя нет автомобиля.

– Зато есть ноги.

– Если ты расскажешь Совету, что произошло, я отвезу тебя куда угодно.

Я покачала головой. Слишком много времени уйдет, пока он не закончит.

– Я дам тебе лошадь!

Я посмотрела на него через плечо.

А ведь так я доберусь на треть быстрее.

– Только поживей, Сайман. Понял? Потом ты дашь мне лошадь, и я уеду.

– Договорились!

Когда мы шли обратно к «Арене», он произнес:

– Я думал, что у тебя не было лезвий в волосах.

– Их и не было. Это шпильки. Дыши глубже, Сайман. У тебя до сих пор дрожат руки.

Глаза Рене были чистыми и холодными, как кристальные глубины горного озера. Вспышки возмущения Саймана разбились о ее ледяное самообладание.

– Сколько времени нужно, чтобы забрать труп?

– Тело будет здесь через минуту.

Я сидела на столе. Мы находились в одной из комнат охраны. Драгоценные секунды утекали. Я ничего не могла поделать. Рене выполняла свою работу, и я должна позволить ей ее сделать.

Она посмотрела на меня:

– Вы вырезали сердце?

Я покачала головой:

– Не видела необходимости. Я взбила его мозг и отрубила ему башку. При мне еще никто не регенерировал голову.

– Верно. – Рене кивнула в знак согласия.

Сайман взял кофейную чашку, уставился на нее и швырнул в стену. Она разбилась вдребезги.

Мы с Рене посмотрели на него.

– Кажется, твой партнер любит закатывать истерику, – сказала мне женщина.

– Думаешь, я должна залепить ему пощечину?

Но сам Сайман молчал. Должна отдать должное Рене, она сдержалась и не рассмеялась.

Подошел отряд красногвардейцев – с трупом змееныша на носилках. За ними следовали двое охранников, мужчина в летах что-то прошептал Рене на ухо.

Она кивнула.

– Мы крайне серьезно относимся к безопасности наших гостей, и особенно членов Совета. Но есть некие обстоятельства. – Она подняла руку и сосчитала на пальцах. – Во-первых, инцидент произошел за пределами нашей юрисдикции. Наша ответственность за вас заканчивается за белой линией. Во-вторых, монстр не зарегистрирован и не является членом команды «Жнецов». Никто не узнал его. Тот факт, что Цезарь наблюдал за инцидентом, не указывает на соучастие в нападении. Он не обязан помогать вам и, возможно, просто наслаждался зрелищем.

В-третьих, команда «Жнецов», за исключением Марта и двух других членов, покинула здание почти три часа назад...

Меня прошиб холодный пот.

– Это нормально?

Рене продолжила с того места, где остановилась.

– Это нормально? – упорствовала я.

– Нет, – медленно произнесла она. – Как правило, они остаются на Играх до самого финала.

Дерек никогда ничего не делал без подготовки. Он придет на место встречи заранее. У «Жнецов» было трехчасовое окно, а я в свою очередь сидела на балконе и тешила самолюбие Саймана. Я повернулась к нему:

– Мне нужна лошадь. Сейчас.

Он колебался.

– Ну! Или клянусь, я закончу то, что начал он.

Гостиница вырисовывалась на краю разрушенной площади, по обеим сторонам которой высились груды обломков, в прошлой жизни бывшие зданиями.

Я посмотрела на здание «Ред руф инн». Два этажа, верхний из которых немного прогнулся под изогнутой ярко-малиновой крышей. Сооружение чем-то напоминало сутулого старика в красной кепке и в коконе из кудзу.

Я остановилась. Бледный мерин фыркнул подо мной, тяжело дыша после пятнадцатиминутного галопа по темным улицам.

Мазки крови запятнали осыпающийся асфальт. В серебристой дымке лунного света они казались густыми, черными и блестящими, как расплавленная смола.

Я спешила и шагнула на площадь. Волна отхлынула, пока я еще ехала. Технологии снова взяли верх, и я ничего не почувствовала. Ни остаточной магии, ни следов заклинаний, ни зачарованного наблюдателя. Только пыльный асфальт и кровь. Так много крови. Она была повсюду, растеклась длинными, похожими на перья пятнами, разбрызгалась мелкими каплями вокруг них.

Я присела около одной из луж и окунула в нее пальцы.

Холодная. Все, что тут случилось, закончилось некоторое время назад.

Невидимый кулак больно сжал мое сердце. Я задохнулась от страха. Внезапно воздуха не хватило.

Следовало прочитать записку раньше.

Я взяла шар вины и страха, который грозил поглотить меня, и спрятала его в глубине моего разума.

Для решения задачи требовался только мозг. Разберусь с болью позже, а теперь надо сосредоточиться на месте происшествия и подумать.

Кровопролитие произошло именно здесь, но вряд ли на площади была битва с оборотнем.

У каждого из перевертышей два обличья – звериное и человеческое. Одаренные особи могли поддерживать боевую форму огромного человекоподобного существа, вооруженного когтями и кошмарными клыками. У большинства имелись проблемы с поддержанием такого облика, и мало кто мог в нем говорить, но, несмотря на все недостатки, он являлся самым эффективным оружием в арсенале оборотня.

Дерек – один из лучших. Он бы обратился, когда началась драка.

Если бы волчонок сражался на площади, на асфальте остались бы царапины. И шерсть. Куски мяса. У Дерека была привычка разрывать своих жертв в клочья. Ничего из подобного я не видела. Может, он все-таки не дрался здесь. Наверное, наткнулся на все это и ушел.

Я спрятала надежду в то же место, что и вину. Позже.

Мелкие брызги блестящих капель окрасили асфальт слева. Я подошла, осторожно наступая между мазками крови, и опустилась на колени.

Крошечная надежда забрезжила снова и тотчас улетучилась.

Я бы узнала цвет этих пятен где угодно. Расплавленное серебро, которое замерзло ночью в виде шариков. Я вытащила парочку из асфальта и сунула в карман.

Иначе как колдовством ты не расплавишь серебро посреди парковки. Либо у «Жнецов» – сильный маг, либо...

Рычание заставило меня повернуться. Два волка бродили неподалеку. Глаза светились желтым, будто парные огненные луны. Джордж и Бренна.

Джордж наморщил морду и широко расставил лапы. Черные губы раздвинулись, обнажив огромную пасть и острые клыки. Рычание вырвалось из его рта.

Очень медленно я встала и подняла руки.

– Я – не угроза.

Бренна щелкнула челюстями в воздухе, разбрызгав слюну. Шипастые браслеты на ее лапах так и заблестели.

– Не я пролила кровь. Ты меня знаешь. Я – друг Стаи. Отведи меня к Джиму.

Пока я не трогала Погибель, у меня был шанс на мирный исход. Если бы они прыгнули на меня, когда у меня в руках была сабля, я бы их сильно изранила.

Меня учили убивать, и у меня это хорошо получалось.

В приливе адреналина я бы запросто уничтожила двух двухсотфунтовых волков-оборотней, а потом сожалела бы об этом всю оставшуюся жизнь.

Рычание заглушило мой голос. Оба перевертыша напряглись, излучая жажду крови, источая ее, как духи с ароматом смерти. Рука чесалась взяться за оружие.

- Не делай так. Я не хочу тебя ранить.

Высокий вой койота перекрыл волчий рык.

Мохнатое тело бросилось на меня – не койот, а оборотень в боевой форме. Он пролетел над асфальтом, оттолкнувшись нижними конечностями, напоминающими стволы деревьев; огромные мускулистые руки были раскинуты в стороны.

Мой взгляд поймал вид гротескных челюстей, усиленных двухдюймовыми клыками. Такие за один укус снимут с меня скальп.

А тут и волки кинулись на меня. Вот отстой.

Я нырнула под удар серповидных когтей оборотня в боевом обличье и врезалась локтем в солнечное сплетение монстра. От силы толчка он пошатнулся, и я вонзила ему в шею – в место прямо за ухом – серебряную иглу. Он взревел и принялся царапать свою голову.

Позади него ночь изрыгнула еще два ночных кошмара. А волки уже были чуть ли не на мне.

Я быстро проткнула колено оборотня. Хрустнула кость. Прощай ходьба. Я пнула его в Джорджа, вытряхнула себе в руку очередную иглу, развернулась и ударила прямо в Бренну. Черт. Зубы прижались к моей руке, челюсти лязгнули, и моя ладонь оказалась в пасти волка.

Я тут же вонзила иглу в горло Бренны. Она выплюнула мою руку, взвизгнула и завертелась, пытаясь выплюнуть серебро, обжигающее язык.

Огонь лизнул мою спину. Я обернулась, врезала по ручище нападающего, покрытой рыжим мехом. Показалась подмышка, и я вогнала иглу прямо туда – в самое уязвимое место.

Оборотень завыл.

Рука обмякла.

Но перевертыши не сдавались. Они окружили меня. Чьи-то когти впивались в мои плечи. Чьи-то зубы кусали мое левое бедро. Я пиналась, отбивалась кулаками, доставала иглы из напульсника и вонзала их в мохнатые тела. Кости ломались под моими ударами. Я повернулась, здоровенная морда какого-то перевертыша хрустнула, а затем мне не осталось места для маневров.

Лапа надавила на мою грудную клетку, стиснула шею, прерывая приток крови к мозгу.

Классическая воздушная заслонка. Я откинулась на спину и изо всех сил пнула противника ногами. Но я почти не могла дышать. Моя грудь сжалась, будто раскаленная железная полоса обхватила мои легкие, и она продолжала сжиматься. У меня потемнело в глазах. Гигантские клыки приблизились к моему лицу, обдавая мою кожу зловонным облаком. В голове промелькнула шальная мысль: в какое животное оборачивается рыжий оборотень?

Мир померк, и я потеряла сознание.

Горло саднило, а бедро горело – либо кто-то обварил его горячей смолой, либо, пока я была в отключке, меня укусил оборотень. Я чувствовала себя разбитой, будто меня засунули в стиральную машинку на режим отжима. Я открыла глаза и увидела сидящего на стуле Джима.

- Убирайся к чертям! – сказала я и даже села.

Он потер рукой лицо, словно пытался стереть то, что его беспокоило.

Мое тело болело, но, кажется, ничего не было сильно повреждено. Я почувствовала во рту вкус крови. Провела языком по зубам. Вроде целые.

- Я кого-нибудь убила?

– Нет. Но двое моих ребят выбыли из игры, пока кости не срастутся.

Мы посмотрели друг на друга.

– Я стояла на площади с поднятыми руками, Джим. Вот так. – Я показала. – Не вытащила Погибель. Никак не угрожала. Просто вела себя как покорная сука и просила их: пожалуйста, давайте поговорим. И что я получила?

Джим ничего не сказал. Урод.

– Покажи мне хоть одного оборотня в Атланте, который меня не знает. И твоя команда, они же сознавали, кто перед ними, да? Они в курсе, кто я такая, они прекрасно осведомлены о том, чем я занимаюсь, и они все равно меня поймали. Ты работал со мной четыре года, Джим. Я боролась со Стаей и за нее. Я дралась бок о бок с тобой. Уж, наверно, я заслужила доверие как союзник. Но ты и остальные относитесь ко мне как к врагу.

Его глаза заledenели.

– Как только у тебя появится мех, мы будем тебе доверять.

– Ясно. Зато если завтра какой-нибудь люпус укусит меня, тебя это, наверно, зацепит. – Я встала. Огонь пронзил мое бедро. – Дерек в порядке?

Молчание. Как со стенкой говорю.

– Эй, Джим, парень в порядке?

Никакой реакции. После всего того, что мы пережили вместе, он игнорировал меня. Потрясающе. Дружба, связывающая меня и Дерека, значения не имела. Годы, которые я провела, присматривая за Джимом, пока он делал то же самое для меня, когда мы объединились на временной работе в гильдии, тоже ничего не значили.

Похоже, Джим с легкостью разрушил то хрупкое положение, ради которого я сражалась вместе со Стаей последние шесть месяцев. Теперь он сидел и молчал – равнодушный, совершенно чужой.

Внезапно с губ Джима камнем упали слова:

– Ты должна идти.

С меня хватит.

– Ладно. Ты не скажешь мне, почему твоя команда меня отделала. Ты не дашь мне увидеть Дерека. Твое право. Будем делать по-твоему. Джеймс Дамаэль Шрэпшир, как глава службы безопасности Стаи, вы позволили ее членам под вашим командованием преднамеренно ранить сотрудника Ордена рыцарей милосердной помощи. Участвовавшие в нападении оборотни, а их было по крайней мере три, имели звериное или боевое обличье. Согласно Кодексу Джорджии, агрессивные действия оборотня в таком обличье против кого-либо приравниваются к незаконному использованию смертоносного оружия. Все это подпадает под статью Кодекса штата за номером шестнадцать-пять-двадцать один. Цитирую: «Нападение при отягчающих обстоятельствах на сотрудника органов правопорядка при исполнении, которое карается обязательным тюремным заключением от пяти до двадцати лет». Официальная жалоба будет подана в орден в течение двадцати четырех часов. Советую обратиться за помощью к адвокату.

Джим уставился на меня, и в глубине его глаз я увидела удивление.

Я пристально посмотрела на него:

– Не звони, не приходи. Если что-то нужно, свяжись через официальные каналы. И в следующий раз, когда ты встретишь меня, следи за манерами, потому что я отделаю тебя, как только ты переступишь черту. Теперь верни мне Погибель, поскольку я действительно ухожу отсюда, и я брошу вызов любому из твоих идиотов, которые попытаются меня остановить.

Я направилась к выходу.

Джим встал.

– От имени Стаи я приношу извинения...

– Нет. Стая здесь ни при чем. Это сделал ты. – Я потянулась к дверной ручке. – Я так зла на тебя, что даже не могу говорить.

– Кейт... Подожди.

Джим бросился ко мне и открыл дверь. Я видела трех оборотней, которые сидели прямо на полу коридора. Миниатюрная женщина с короткими темными волосами, парень из латиноамериканцев и самый старший из них – тот самый здоровяк-бодибилдер, который остановил меня на месте первого убийства. Короткая серая линия пересекала шею женщины, отмечая участок, где вирус Лус-V был уничтожен после контакта с серебром. Привет, Бренна.

Наверно, им пришлось перерезать ей горло, чтобы вытащить иглу. Рана, конечно, уже затянулась, но организму оборотня понадобится пара дней, чтобы исчез серый цвет кожи, свидетельствующий о вирусе. У перевертышей – проблемы с чеканными металлами, именно поэтому их украшения были стальными или платиновыми, но, когда речь заходила о токсичном эффекте на Лус-V, серебро на мило обгоняло золото и медь.

Оборотни посмотрели на Джима.

Он стиснул челюсти. Плечи под черной футболкой напряглись. Он был придавлен только им одним видимой стеной.

– Виноват.

– Виноват?

Вот и все, что он хотел сказать? И больше ничего?

На секунду он задумался и кивнул:

– Виноват. Я в долгу перед тобой.

– Твоя попытка смягчить ущерб отмечена должным образом. – Я покачала головой и вышла.

– Кейт, прости. Я облажался. Но все вышло из-под контроля.

Наконец-то в его голосе прозвучало раскаяние. Часть меня хотела ударить его по башке и проваливать отсюда. Я обдумала ситуацию: он извинился передо мной на глазах своей команды. Другого я от него не дожусь. Он не встанет на колени, моля о прощении. Да и речь не о нас с Джимом. А о парне.

Наверно, он прочитал мои мысли.

– Я отведу тебя к нему.

Это помогло мне решиться. Когда мы проходили мимо оборотней, он на миг остановился и сказал:

– Она в деле.

Я последовала за ним по мрачному коридору к шаткому лестничному пролету. В воздухе пахло затхлостью. Ступени приняли наш вес с пронзительными протестующими скрипами.

Мы находились не в одном из обычных офисов Стаи, по крайней мере, я его не узнала. Трудно забыть место, обклеенное обоями с пандами.

С каждым шагом лицо Джима становилось все мрачнее.

Я продолжала злиться.

– Кстати, у какого зверя – рыжий мех?

– Динго.

Понятно. К счастью, тот оборотень не украл моего ребенка (шутка).

Лестница заканчивалась тяжелой дверью. Джим застыл. Его взгляд сверлил дверь с ненавистью, предназначенной лютым врагам.

– Они сломали его, – внезапно произнес мой спутник, едва сдерживая рычание, просачивающееся со словами. – Они сломали мальчика. Даже если он выживет, он никогда не будет прежним.

Комната оказалась почти пустой. Свет маленьких напольных ламп падал на прямоугольную стеклянную емкость, заполненную болотно-зеленой жидкостью. Она была несколько футов в высоту, и сначала ее можно было перепутать с аквариумом.

Я уже видела его раньше, резервуар оборотней. Устройство для регенерации, изобретение доктора Дулитла – самопровозглашенного врача как для членов Стаи, так и для одичавших перевертышей.

Обнаженное тело было погружено в зеленый раствор, тонкие капилляры трубок для внутривенных вливаний соединяли его с оборудованием жизнеобеспечения.

За все свои двадцать пять лет я ни разу не видела оборотня в таком жалком виде.

Я опустилась на колени. В горле встал ком.

Дерек лежал, обвитый проводами. Багровая полоса отметила плоть волчонка на том участке, где поврежденная мышца отказалась заживать. Правая нога оказалась раздроблена ниже колена, голень превратилась в пурпурное месиво, окольцованное темно-серыми волокнами. Крупное фиолетовое пятно виднелось на левой ноге, прямо над бедренной костью, самой толстой в теле, которая была сломана ровно посередине, словно обычная зубочистка.

Два перелома обезобразили правую руку Дерека, выше локтя и на запястье. Такие же имелись и на левой. Нечеловеческая точность ума, осознающего необходимость сломать обе конечности в одних и тех местах, заставила меня стиснуть зубы.

Мое сердце пропустило удар. Лоб стал горячим, а кончики пальцев, наоборот, холодными. Легкие сжались и заныли, словно воздух в них превратился в кусок льда.

Это не просто избиение. Представление. Целенаправленная демонстрация ненависти и жестокости. Они изуродовали Дерека, сломали, настолько сильно, будто стремились уничтожить то, кем он был.

Зрелище истерзанного парня настолько вывело меня из себя, что я сжала руки так сильно, что ногти впились мне в ладони.

Темно-багровая грудь Дерека была пронизана серыми прожилками. Очерчивая его грудную клетку, они ползли к его шее, у основания которой собирались в подобие ошейника. Открытая рана прорезала тело волчонка от левого бока до правого плеча. Рана черного цвета. Не серая, не кроваво-красная – именно черная.

Я посмотрела на лицо Дерека. Но теперь его не было. Я видела мешанину. Сломанные кости и сырое мясо с серыми пятнами, будто кто-то пытался вылепить лицо из говяжьего фарша и оставил его гнить.

Меня затрясло от ярости.

Я найду тебя. Ублюдок, найду тебя и заставлю поплатиться. Я разорву тебя в клочья голыми руками.

Разумные мысли улетучились. Комната заходила ходуном, свет померк перед глазами. Где-то внутри меня разрастался и выл гнев. Мне хотелось закричать, ударить что-то, но мое тело отказывалось повиноваться. Я чувствовала себя беспомощной. Вот что было самым ужасным.

Минуты тянулись – длинные и вязкие, как мед, капающий с ложки. Дерек лежал, тихо умирая, в резервуаре с зеленой жидкостью. Его голова слегка приподнялась, но, возможно, то был простой рефлекс. Если бы он был обычным человеком, то скончался бы задолго до того, как избиение закончилось.

Иногда регенерация приравнивается к страданию.

Чья-то рука легла мне на плечо. Я обернулась.

Доброе лицо Дулитла открылось моему взгляду.

– Пойдем, – пробормотал он, помогая мне встать. – Поднимайся. Давай выпьем чаю.

Мы сидели в маленькой кухне. Дулитл достал из морозильника пластиковый поднос со льдом, повертел его в темных руках и высыпал кубики, падающие со стуком, в стакан. Он налил холодный чай из кувшина и поставил передо мной стакан.

– Чай поможет, – сказал он.

Я выпила из уважения к нему. Напиток был невероятно сладкий и больше походил на сироп. Лед хрустел на моих зубах.

– Почему он не исцеляется? – Мой голос прозвучал спокойно, все звуки были на одной ноте без изменений интонации.

Дулитл сел напротив меня. У него была благородная манера поведения, мгновенно успокаивающая. Обычно в его компании я всегда приходила в себя. Простое нахождение рядом с доком Стаи было умиротворяющим. Но не сегодня. Я искала в его глазах уверенность, что Дерек выживет, но они не давали мне утешения: темные и печальные, в них не плескались искорки привычного для меня юмора. Сегодня он казался уставшим, пожилой чернокожий мужчина, склонившийся над стаканом чая со льдом.

– Лус-V может творить множество чудес, – сказал док. – Но и у него есть пределы. Серый цвет на теле показывает места, где вирус погиб в большом количестве. В его тканях не хватает Лус-V, чтобы исцелиться. Того, что осталось, достаточно, чтобы он какое-то время оставался в живых, но насколько долго – точно не знает никто. – Он посмотрел в свою чашку. – Они очень сильно его избили. Кости разбиты и раздроблены во многих местах, не могу даже вспомнить все повреждения. Кроме того, они облили парня расплавленным серебром. И закачали его прямо в грудь.

Я сжала кулаки.

– Ты же видела, что у него с лицом... Они бросили его умирать посреди улицы, выкинули из телеги в четырех кварталах от нашего южного офиса. – Дулитл потянулся за чем-то позади себя и протянул мне хлопковое кухонное полотенце.

Я взяла его и посмотрела на дока.

Он ответил мне едва заметной доброй улыбкой:

– Им можно стереть, – проговорил он.

Я дотронулась до щеки и поняла, что она влажная. Я прижала полотенце к лицу.

– Плакать – это хорошо. Тут нечего стесняться.

– Ему можно помочь? – Мой голос звучал нормально, но я не могла перестать плакать.

Боль пронизывала меня.

Дулитл покачал головой.

Мой мозг работал медленно, как старые часы, которые то и дело ломаются. «Жнецы» обнаружили Дерека у «Ред руф инн», избили и бросили у офиса Стаи. Команда Джима нашла его и отследила запах до того самого места, где и произошло избиение.

– Он не превращался, – произнесла я.

На лице Дулитла отразился молчаливый вопрос.

– На месте происшествия нет никаких следов волка. Пинты крови слишком много для одного человека. Разумеется, он... Но там нет царапин от когтей. Он убил вампира в боевом облике. И должен был сменить его в тот момент, как они прыгнули на него, но он этого не сделал. Почему?

Раздался голос Джима:

– Мы не знаем.

Он прислонился к дверному косяку: мрачная тень, скованная гневом. Я не слышала, как он подошел.

– Регенерация и изменение облика неразрывно связаны. – Дулитл отхлебнул чай. – Есть вещи, благодаря которым можно вызвать нешуточные изменения. Но здесь – особый случай. Мы перепробовали все, пытаюсь вырвать Дерека из комы. Что-то блокирует парня.

Док и Джим показались мне слишком бесстрастными.

– Почему вы не удивлены?

Дулитл вздохнул.

– Он не первый, – ответил Джим.

На первой – черно-белой – фотографии был запечатлен труп человека. Лицо раздроблено, череп сплюснен с такой силой, что голова стала похожа на лопату. Грудная кость вырезана из тела. Из мокрой каши выступала клетка ребер, скользкая от темной крови.

Снимок выглядел до дикости странно на домашней скатерти в красно-белую клетку. Как дыра в пугающий серый мир.

Джим отпил немного чая:

– Док, эта штука – чистый мед.

– Немного сладкого никогда никому не причинит вреда, – проворчал Дулитл и подлил мне в стакан еще сиропа.

Оборотень вздохнул:

– Полуночные Игры. Шестнадцать лет назад в бою на звание чемпиона все пошло не так. Громадный медведь взбесился окончательно. Растерзал кучу мирных жителей.

Я не перебивала. Он рассказывал, а мне не хотелось его прерывать.

– Многие должны были остановить его, но ничего не сделали. Кэрран взял на себя ответственность и справился. Вот как должен поступать истинный альфа. И сразу же всем стало ясно, кто здесь главный.

Джим наклонился и положил руки на стол.

– Первый закон альфы должен быть нерушим. Это испытание на прочность. И альфа всегда должен поддерживать закон, независимо от обстоятельств: ведь если кто-то подвергнет его сомнению, то и само правило будет под вопросом. Первый закон Кэррана: «Не влезай в Игры». И это хорошо, – продолжил Джим. – Нам не нужно возиться с

типами, которые заинтересованы в том, чтобы красиво нас убить. Даже Племя стало держаться подальше от них, с тех пор как Игры ушли в подполье.

Он замолчал. Как и Кэрран, Джим в основном скрывал свои эмоции, однако глаза предали его. Теперь они были полны тревоги. Он держал ее под контролем, но я ее чувствовала. Он был сам не свой. Загнанный.

- Что же заставило тебя впутаться в Игры? – подначила его я.

- Они импортируют оборотней. Некоторых – в открытую. Несколько месяцев назад они привезли из Миссури горного кота... Там есть одна порядочная женщина. Но некоторые – просто мрази. Они хотят захватить нашу территорию. Они – угроза. Речь о безопасности, значит, проблема касается меня напрямую.

Кусочки пазла сложились в моей голове.

- Ты внедрил в Игры крота. И не сказал Кэррану, поскольку не думал, что он отнесется разумно к твоим действиям.

Джим взял на себя ответственность за решение, которое мог принять только Царь Зверей. Это была не просто Плохая Идея. А Наверняка Тебя Без Промедления Убьют Идея.

Он подтолкнул фотографию ко мне.

- Карапет. Крутой, сильный кот. Армянин. Я нашел его таким в квартале от северного офиса.

Понятно. У Джима был мертвый оборотень, но он не мог ничего рассказать Кэррану. Вожак бы зарубил операцию на корню. Царь Зверей должен отстаивать свои законы.

Но теперь, когда он потерял одного из своих ребят, Джим не мог оставить это дело. Он должен найти и наказать виновных. Во-первых, чтобы отомстить за смерть, а во-вторых, если он будет сидеть и раздумывать, команда оставит его.

Главная обязанность альфы состояла в том, чтобы защищать свой клан, каковым являлась для Джима сейчас его команда.

- У Карапета не было никаких признаков изменения облика? – спросила я.

- Ни одного.

Будь я на месте Джима, отправила бы кого-то на Игры. Кого-то злобного, умного и опытного. Кого-то, кого тяжело раскрыть... Но...

- Ты внедрил Дерекка.

Он кивнул.

- Он – мой лучший тайный агент. Он выглядит, – слова застряли у него в горле, – *выглядел* как безмозглый красивый мальчик. Никто не обращал на него внимания. Но он ничего не упускал из виду.

- Что случилось?

Оборотень поморщился:

- Он отправился туда на месяц и вернулся со странной историей о «Жнецах». Название команды. Они появились из ниоткуда несколько недель назад и ворвались с большим шумом. Половина из них м-сканировалась как люди, но Дерек утверждал, что это не так. Пахли неправильно. Он думал, что у них на нас зуб. Не только на Стаю, но и вообще на весь наш вид. Что-то типа того, что мы помесь людей и животных... «Жнецы» ненавидят и тех и других. Дерек сообщил, что в их команде есть человеческая девушка, и заявил, что она хотела перейти на другую сторону. Он клялся, что она расскажет нам все об убийствах «Жнецов» и смерти Кара, если мы ее вытащим.

- Но ты не дал согласия.

Джим осушил треть своего стакана.

– Я сказал ему, что нельзя так сильно рисковать. «Жнецы» путешествуют вместе, группами по пятнадцать, двадцать, иногда тридцать особей. Они всегда вооружены.

– Будто входят и выходят с вражеской территории.

Он кивнул.

– Их нельзя отследить по запаху? Должна ведь у них быть какая-то база.

Оборотень скривился, будто жевал лимон.

– Проблема не в этом. А в ее расположении.

– Где она?

Почему у меня возникло чувство, что здесь нет ничего хорошего? С моей-то удачей следующим, что он скажет, будет нечто безумное, например Юникорн-лейн...

– На Юникорн...

Я подняла руку:

– Поняла.

Юникорн-лейн поблажек не давала. Там свирепствовала дикая магия, струящаяся сквозь руины небоскребов, смахивающие на выпотрошенные трупы: слишком мощная, чтобы пользоваться ей, слишком опасная для боя. Обычные предметы наполнялись смертельной силой. Чудовищные твари, избегающие света, прятались там, питаясь меньшими монстрами, и творили собственную грязную магию. Спятившие оккультисты со своими тайными ритуалами, оборотни-люпусы, поддавшиеся животному началу, вышвырнутые из Племени повелители мертвых, в общем, изгои (в случае нападения таких типов в директиве о задержании значилось: «Стрелять на поражение»). Так или иначе, но отчаяние опутало их умы еще до того момента, как они обосновались на Юникорн-лейн.

Многие стали жертвами более крупной рыбы. Те немногие, кто выжил, благополучно сошли с ума.

Вот почему озверевший медведь-кадьак Андорф и выбрал это место в качестве убежища. Вот почему Кэрран назначил нашу первую встречу на окраине Юникорн: ему надо было отсеять трусов и избавиться от зевак-горожан.

Следовать за отрядом из тридцати монстров в человеческом облике, шастающих по Юникорн-лейн глухой ночью, – да уж, весьма необычный способ самоубийства.

– Разведка их базы исключается, – добавил Джим. – Но предположим, что мы каким-то образом вытащили девушку до того, как они перебрались на Юникорн. Мы бы просто похитили кого-нибудь из них. Виноваты или нет, люди или нет, после этого они развяжут с нами войну. А мы не можем себе позволить еще одну.

– Не без причины, – вставил Дулитл.

– Дерек трепался о странных запахах и о той болтливой девчонке. Я сказал парню, чтобы он перестал гоняться за миражами и добыл доказательства. Он снова отправился в разведку. Без толку... но могу утверждать, что девица и впрямь впечатлила его.

– Я ее видела, – перебила его я. – И не могу осуждать Дерек.

Джим было заговорил, но осекся:

– Как?

– Сначала закончишь ты, затем я расскажу тебе свою версию.

Он пожал плечами:

- И вдруг Дерек заткнулся. Но я знал, что он попытается спасти девчонку, и я вывел его из дела. Билеты на Игры трудно достать, они стоят по три тысячи баксов за штуку. Я знал, что у парня нет лишних денег, а если бы они и были, то билет, который он смог бы себе позволить, не дал бы ему допуска на главный уровень. Я установил за ним слежку, велел расслабиться и подумал, что все закончилось.

Ага, но волчонок видел Саймана на турнире и учуял его запах. Он узнал, что тот в облике Дюрана владеет частью Совета и у него имеются билеты «куда угодно».

- Пока Дерек приходил в себя, я ввел в Игры Линн - вместо него.

Джим положил передо мной вторую фотографию. Труп женщины на операционном столе. Контуры ее тела - искаженные, неровные. Изучив снимок, я поняла, что Линн порубили на куски. Тело было разделено на части и собрано по крупицам.

- Они разрезали на двенадцать кусочков, - произнес док. - Каждый ровно шесть дюймов в длину. Думаю, в те минуты она была еще жива. И она тоже не меняла свой облик. На ней была одежда.

- Я как раз собирал ее с тротуара, когда пришла ты. - Джим стиснул зубы. - Потом вернулась моя ищейка. Оказывается, пацан куда-то слинял. Ну а позже мы обнаружили Дерек.

Я уже не нуждалась в объяснениях. Команда Джима шла по запаху: оборотни ориентировались по следам напавших на Дерек и наткнулись на меня, когда я окунула кончики пальцев в кровь волчонка.

- Что у тебя? - спросил Джим.

Я рассказала ему. Когда я добралась до той части, где привела Кэррана к месту, где нашли тело Линн, Джим зажмурился - при этом он выглядел так, будто хотел меня задушить. Я продолжала, пока не выложила историю целиком.

Оборотень решил, что ему нужно еще чая. Наверное, ему требовалось что-нибудь покрепче, но тогда придется драться с Дулитлом. Док негативно относился к употреблению перевертышами алкоголя.

- Ты сообщил Кэррану?

- Нет.

- Он знает о том месте?

Пожалуйста, скажи «да».

- Нет. Это - одно из моих личных убежищ.

- Итак, учитывая то, что известно Кэррану, ты и твоя команда - в самоволке?

Он кивнул.

- Отщепенцы, - вставил Дулитл. - Правильней будет сказать «отступники». О чем парень не упомянул, так это о том, что прямо сейчас Кэрран считает, что большая часть его сил безопасности отделилась от Стаи. Он буквально переворачивает Атланту с ног на голову в поисках Джима. Тот должен связаться с вожаком.

- Я позвоню ему утром, - буркнул оборотень.

- И тогда ты только усугубишь ситуацию, потому что Царь Зверей отдаст приказ вернуться в крепость, и, как ты понимаешь, юноша здесь загнется.

Джим глухо зарычал. Бесполезно: док на его гнев никак не прореагировал.

- А почему ты так поступил? - Я пристально посмотрела на Джима.

- У меня есть свои причины, - ответил он.

- Отказ подчиниться прямому приказу является нарушением Закона Стаи, - сказал Дулитл. - По традиции у Джима будет три дня, чтобы передумать. Если будет тянуть время, Кэррану придется сделать то, что должен альфа, когда ему бросают вызов. - Док печально покачал головой. - Мне и думать о таком тяжело, но он будет вынужден убить твоего друга. Вот что наверняка сведет его с ума.

Сумасшедший Кэрран был даже хуже, чем муссоны, торнадо, землетрясения и другие стихийные бедствия.

Я уставилась на Дулитла.

- А ты? Как он втянул тебя в этот бардак?

- Мы похитили его, - быстро ответил Джим. - Среда бела дня. Была та еще шумиха... Но он - в безопасности, и сам Кэрран теперь до него не доберется.

- Я сразу же поместил Дерека в резервуар и принялся лечить моих похитителей, - проговорил док. - Не люблю, когда меня запикивают в телегу и садятся сверху.

Раз уж Джим прошел через такие неприятности, чтобы сделать Дулитла невинной жертвой, он наверняка ожидал бурю планетарного масштаба, когда Кэрран найдет всю свору оборотней и дока в придачу.

- Меня похитили, - улыбнулся Дулитл. - Мне не о чем беспокоиться. Но тот, кто помогает по доброй воле Джиму прятаться от его альфы... у него дело обстоит совсем иначе.

- Разве тебе не нужно проведать Дерека? - Глаза оборотня полыхнули зеленым огнем.

Дулитл встал и положил тяжелую руку мне на плечо.

- Подумай, прежде чем подписать смертный приговор. - И он удалился.

Мы с Джимом тоже покинули кухню и прошли в какую-то небольшую комнатку.

В бою Кэрран была сама смерть. Я ему никогда не нравилась. Он предупреждал меня, чтобы я не влезала в склоки, которые случались в Стае. Теперь мне поблажек точно не будет.

- Джим?

Он посмотрел на меня, и я остолбенела. В его глазах застыл ужас - и даже наигранное спокойное выражение лица не помогало. Но Джим боялся не за себя - я его давно знала, угрозы личному благополучию никогда не пугали его. Он потерял равновесие, будто его сбили в темноте, и он вскочил на ноги, не зная, откуда получит новый удар.

Но у него имелись «свои причины», и мне нужно их выяснить. Немедленно.

- Почему я не должна звонить Кэррану, чтобы рассказать ему правду?

Джим уставился в свой стакан. Мышцы оборотня напряглись. Внутри него происходила жестокая борьба, и я не представляла, какая сторона победит.

- Семь лет назад в районе Аппалачей появилось множество люпусов, - начал он. - Я только начал работать со Стаей. Они взяли меня в качестве силовика. Теннесси впустили нас сразу, а вот Северной Каролине потребовалось два года, чтобы понять, что сами они не могут справиться с нашествием. Наконец нас допустили туда. Ты же знаешь, какие там нравы. Местные жители - народ особенный: шотландско-ирландские семьи со старыми корнями, всякие сепаратисты, религиозные фанатики, все они сбегает в горы, но могут селиться ближе к побережью. Строят они в основном лачуги. Их дети вырастают и тоже остаются там или разъезжают по дорогам на трейлерах. Короче говоря, люди приезжают туда, чтобы быть самими собой. Каждый занимается своим делом. С нами никто не общался. Семьи, а иногда и целые кланы превращались в стаи люпусов, но люди помалкивали. И никто ничего не предпринимал. Ты была на ранчо Бьюкенена и в курсе, что бывает после нападения тех тварей.

Да. Там царила смерть.

Я вспомнила детский бассейн с кровью и кишками, детские обглоданные трупы. Тела женщин и мужчин – изнасилованные, разорванные на части и снова изнасилованные, уже после смерти. Люпусы заживо сдирали кожу со своих жертв.

– Мы прочесывали округ Джексон, когда нам позвонили копы. На Кейни-форк-роуд загорелся дом, но никто не хотел туда идти. Заявивший, что он является владельцем дома, Сет Рейс стрелял во всех, кто попадался в поле его зрения и орал, что здесь его частные владения. Раз уж мы были рядом и двигались быстрее, мы могли бы заскочить туда.

Чушь собачья. Полицейские сообразили, что Рейс стал люпусом. Скорее всего, им это было известно уже некоторое время. Иначе зачем было вызывать оборотней из-за пожара в доме? Этот самый Рейс облюбовал себе скалистый участок. Потребовался час, чтобы подняться к его жилищу. К тому моменту от здания остались одни руины. Ничего, кроме пепла, угля и сального дыма. Стояла жуткая вонь. Люпусы плохо пахнут.

Верно. Густой, мускусный, кислый смрад, от которого во рту появлялась горечь и становилось трудно дышать. Однажды я уже чувствовала его.

Вирус Лус-V не щадил никого и ничего. Разумное существо превращалось в иступленного монстра с мерзким нечеловеческим запахом.

Встретив люпуса однажды, ты никогда не забудешь его.

Джим продолжил, его голос звучал ровно.

– Мальчик-подросток сидел в куче пепла – рядом с останками братьев и сестер – и просто ждал, пока мы его прикончим. Грязный, тощий, голодный, покрытый кровью собственного отца. Он, похоже, сам убил его и уже вонял, как люпус. Я думал, что мы должны его убить. Я посмотрел на него, подумал: «Пацан – люпус» – и озвучил свои мысли вслух. Но Кэрран не согласился со мной. Он сказал, что мы возьмем ребенка. Я решил, что он спятил. Все то, что пережил мальчишка, не даст ему снова стать человеком. Я посмотрел на него еще раз, а Кэрран приблизился, сел рядом с ним и пообщался с ним. Пацан не проронил ни слова, но присоединился к нам.

Джим провел рукой по волосам:

– Бога ради, мы даже не знали его имени. Кэрран даже сперва думал, что он не умеет разговаривать. И он повсюду хвостом ходил за Кэрраном: в спортзалы, в крепость, на драки. Вожак читал ему книги, а потом спрашивал его мнение. Так продолжалось месяц, пока однажды мальчишка ему не ответил.

Глаза Джима сверкнули.

– Теперь у парня – звериное обличье получше, чем у меня. Он даже может разговаривать после превращения! Он мог бы однажды стать альфой. Нет, я не смогу так с ним поступить.

– Как?

– Я должен все исправить, Кейт. Дай мне шанс исправить.

– Джим, ты бредишь.

Дулитл показался на пороге с тарелкой горячих кукурузных оладий.

– Она не знает того, что понятно тебе, Джим. Давай я объясню. – Док сел и придвинул ко мне блюдо с оладушками. – Когда оборотень испытывает сильный стресс, будь то физический или психологический, то Лус-V вырабатывается интенсивнее. Вирус циркулирует в телах перевертышей – причем в огромном количестве. Но если уровень зашкалит, то оборотень может превратиться в люпуса.

– Вот почему максимальный риск приходится на подростковый возраст, – кивнула я.

- На самом деле сейчас у Дерека большой стресс. Что-то блокирует его, и мы не сможем помочь парню, Лус-V сделает свое дело. Это будет биологический взрыв.

До меня дошел смысл сказанного.

- Дерек может стать люпусом.

Док склонил голову:

- Определенно, такая вероятность есть.

- Насколько определено?

- По моим расчетам, примерно семьдесят пять процентов.

Я положила локоть на стол и уперлась лбом в кулак.

- Если Кэрран узнает о случившемся, а Дерек будет люпусом, альфе придется его убить, - продолжил док. - Таков долг Царя Зверей. Правила Стаи гласят, что, когда один становится люпусом, обязанность высочайшего альфы - уничтожить его.

Боже.

Для Кэррана убить Дерека равносильно убийству сына или родного брата. Он приложил столько сил, чтобы вытащить его, когда мальчишка балансировал на грани безумия. А если он заделается люпусом... Альфа не сможет отступить. Он будет вынужден сделать это собственными руками.

Все это было так ужасно... как если бы мне пришлось убить Джули.

Дулитл откашлялся.

- У Кэррана нет семьи. Он пережил резню. Мэхон вырастил его, он спас его в свое время, как Кэрран когда-то спас Дерека. Убийство нанесет серьезный психологический урон. Но вожак не даст слабину. Наш альфа никогда не уклонялся от своих обязанностей, он не хочет ни на кого их перекладывать. В прошлом году он был под большим давлением. Он хоть и Царь Зверей, но и человек тоже.

Я представила вожака, стоящего у тела Дерека. В моих силах избавить его от кошмара. Не ради Джима, а ради него самого.

Ты никогда не должен убивать ребенка, которого спас.

Но он будет в ярости и порвет Джима в клочья.

- Он дал нам три дня, - произнесла я. - Если мы не справимся, я пойду к нему. И расскажу все. Если Дерек станет люпусом, я убью его.

Пожалуйста, Господи, кем бы Ты ни был, не заставляй меня так поступать.

- Это мой долг, - сказал Джим.

- Нет. Кэрран принял предложение о помощи от ордена. Поэтому я буду главной во всем, что касается расследования. Иного выбора нет.

У меня три дня. Я многое смогу успеть.

Глаза Джима вспыхнули.

- Смирись, - сказала я ему и покосилась на дока. - Что мешает оборотням обратиться?

- Магия, - ответил он. - Очень сильная.

- На первом месте - еда, на втором - спаривание, на третьем - изменение облика. Полно проблем, - выдавил Джим.

- Но «Жнецам» кое-что удалось. У них ключ от этого! И они чертовски близки к тому, чтобы уничтожить Дерека. - Я сжала зубы.

- Твоя сабля задымилась, - вдруг заявил Дулитл.

Тонкие завитки дыма вырывались из «Погибели», спрятанной в ножны. Клинок питался моих гневом.

- Не обращай внимания. - Я барабанила кончиками пальцев по столу. - Возможно, мне удастся взять «Жнецов» под стражу. Но у меня нет никаких причин удерживать их. У нас нет доказательств, что они напали на Дерека.

- Они пахнут его кровью, - возразил Джим.

- Я тоже. На площади достаточно его крови, чтобы запачкать любого, кто коснется асфальта. Нужны еще улики. Ты м-сканировал место происшествия?

- Синий и зеленый по всему периметру. - Джим пожал плечами. - М-скан записал цвета остаточной магии. Синий означает человека, зеленый - оборотня. Это нам абсолютно ничего не говорит. Возможно, если бы я помолился мисс Марпл, она бы наградила меня подсказкой...

- Другая проблема с их задержанием, - продолжила я, - сами Игры. Допустим, я их арестовываю. Мне придется спросить их: «Что вы делали на площади?» Если они признаются, что принимали участие в турнире, мне придется провести расследование. Я не могу проигнорировать существование подпольного гладиаторского побоища. Полицейские, орден и оборонщики должны знать, что Игры продолжаются. Тот факт, что они имеют место быть вообще, означает, что их поддерживают ребята с большими кошельками.

- Тебя остановят, прежде чем начнется само расследование, - возразил Джим.

Вот почему мне нравилось с ним работать. Он не тратил время, называя меня трусихой в попытках завлечь в очередное дело или поддразнить. Он понимал, что если кто-то стоящий за этим всем надавит на меня, то нам всем несдобровать. Расследование - серьезное и будет продвигаться еле-еле, прямо как патока в январе. Он просто признал это и перешел к следующему возможному варианту. Без страха или драмы.

- Официально ни ты, ни я ничего сделать не сможем, - сказала я.

- Да уж.

Дулитл съел оладушек.

- Я так понимаю, нам придется сражаться на Играх, чтобы добраться до «Жнецов».

- Да.

- Почему ты никогда не предлагаешь мне легкую работу? - спросила я у Джима.

- Мне нравится бросать тебе вызов, - ответил он. - Держу тебя в тонусе.

Я наклонилась и провела пальцем по скатерти.

- Юникорн-лейн. Тридцать два квартала в длину и десять - в ширину. Раньше она была длиной в тридцать, а шириной - в восемь, но Вспышка помогла ей, и теперь Юникорн разрослась, поглотив еще одну часть Атланты.

- Похоже, «Жнецы» моментально там исчезают. Они, конечно, нашли себе какое-то логово. А твои ребята не могут их разыскать.

- Что ты думаешь?

- Помнишь ловлю жар-птицы летом два года назад? Половина округа Чатем горела, а от птахи несло дымом. Никто не мог за ней угнаться, а вдобавок она прожигала любые ловушки.

Как же это бесило оборотня!

Джим нахмурился:

- Ага. Мы приманили ее мертвым опоссумом с трекером внутри.

- Сможешь достать такой же трекер?

- Пожалуй.

- А какой максимальный радиус его действия?

- Двадцать пять миль на пике технологий.

Я улыбнулась. Более чем достаточно, чтобы покрыть Юникорн-лейн.

Джим хмуро посмотрел на дверь Саймана:

- Извращенец.

- Он предпочитает думать о себе как о сексуальном девианте.

- Семантика.

Мы обсуждали наш план, пока ехали через город. Он был не особенно хорошим, но все-таки немного лучше, чем обычный мой: «раздражать всех вовлеченных, пока кто-нибудь не попытается меня убить».

Мне же оставалось самое главное – умаслить Саймана.

Он открыл дверь. Сегодня он был высокой, длинноногой, худощавой платиновой блондинкой с насмешливым взглядом. Оборотень оцетинился. Если бы он был пушистым, то шерсть встала бы торчком.

Обычные люди, столкнувшись на пороге собственного дома с двумя вооруженными головорезами, попытались бы остаться в одиночестве, чтобы оценить ситуацию. Сайман не являлся человеком. Ему было любопытно, хотя еще совсем недавно я угрожала его убить, если он не отдаст мне лошадь, да и мой мускулистый напарник с горящими зеленым глазами тоже поражал воображение. Одетый в пальто с меховой оторочкой, вооруженный дробовиком Джим вообще выглядел так, будто цель его жизни заключалась в том, чтобы стирать лица людей в порошок, используя кирпичные стены.

Но Сайман лишь кивнул и произнес:

- Прошу!

Мы вошли. Я села на диван. Джим встал чуть позади и левее меня, скрестив руки на груди. В апартаментах звучала техно-музыка. Сайман не стал убавлять громкость.

- Я вернула твою лошадь, - сказала я. - Она внизу - с охранниками.

Джим прихватил запасное животное для меня.

- Оставь ее. Мне она не нужна. Хотите выпить?

И запороть все дело? Дай-ка подумать...

- Нет, спасибо.

- Но, может быть, все-таки?.. - Сайман посмотрел на Джима, поймал самый свирепый взгляд оборотня и решил, что безопасность имеет свои преимущества перед вежливостью.

- Тогда прошу прощения, я налью себе чего-нибудь. Мне так лучше думается.

Он плеснул в свой бокал мартини, устроился на двухместной кушетке, закинул одну невероятно длинную ногу на другую и показал мне ложбинку между грудей.

Да, да, у тебя крутые сиськи. Успокойся.

– Как дела со «Жнецами»? – спросила я.

Сайман покосился на Джима:

– Менее чем удовлетворительные.

– Орден проявляет к ним определенный интерес.

Технически я не лгала. Я, как агент ордена, интересовалась «Жнецами». Особенно тем, чтобы убить каждого из них изобретательно и мучительно.

– Да? – Сайман выгнул бровь, снова копируя меня.

– Данный вопрос касается лично меня. Я хочу устранить «Жнецов».

Сайман прищурил глаза:

– Почему? Это как-то связано с твоим юным другом?

Теперь мне точно можно не врать.

– Да.

Метаморф отсалютовал мне бокалом с мартини.

– По моему мнению, личные мотивы – самые лучшие, Кейт.

Конечно, для тебя, эгоистичный ты ублюдок.

– Что тебе от меня нужно? – спросил он.

– Предлагаю сотрудничество. – А в этой игре я стала лучше. Меня даже почти не тошнило, когда я с ним говорила. Одна маленькая победа зараз. – Ты хочешь разоблачить «Жнецов». Так же, как Стая. И я. Объединим усилия. Мы обеспечим мышцы.

– Я буду возможностью, в то время как ты – средством?

Я кивнула.

– Мы делимся информацией и ресурсами для достижения общей цели. Думай об этом как о деловом предложении.

Такой ракурс ему понравится.

Сайман скорчил гримасу.

– Почему я должен работать с вами? Насколько сильно ты этого хочешь, Кейт?

Низкий предупреждающий рык завибрировал в горле Джима.

Я откинулась на спинку дивана и, подражая Сайману, закинула одну ногу на другую.

– Мы тебе нужны больше, чем ты нам. Я могу показать свои документы, пойти на Полночные Игры и создать тебе проблемы. Тут я очень хороша.

– Даже не сомневаюсь, – пробурчал он.

– Я направлю прожектор на турнир, и на «Жнецов» в частности. Рано или поздно у них появится жгучее желание убить меня, и Джим поможет мне прикончить их одного за другим. И у него есть здоровый топор. Посещаемость Игр упадет, прибыль Совета – тоже, и ты потеряешь деньги.

Я улыбнулась ему, стремясь показаться милой. Но он побледнел и суксился.

Примечание для себя: работай над тем, чтобы быть милашкой, а не психопатом-убийцей.

– Если ты не хочешь с нами сотрудничать, тебе придется кого-нибудь нанять, чтобы разобраться со «Жнецами». Как показал инцидент на парковке, они отправят тебя

первым же доступным поездом на тот свет. Тебе нужна защита, и ты потратишь на охрану кучу денег и хлопот, – если судить по Марту, ты должен будешь нанять лучших из лучших – и я тебя прекрасно понимаю, Сайман. Но после того, как «Жнецы» помогут парочке твоих охранников отрастить крылья, ты сильно расстроишься. Будешь искать им замену, но от тебя уже будут шарахаться. Твоя репутация сильно пострадает, поскольку все будут в курсе, что твои телохранители мрут как мухи. Цены взлетят в стратосферу, подготовленность персонала упадет. Несмотря на распространенные заблуждения, большинство ребят из охранных агентств не склонны к самоубийству. В общем, ты нуждаешься в нас больше, чем мы – в тебе. Так или иначе мы расправимся со «Жнецами». Нам правда все равно. Мы действуем из-за мести, а не денег.

Сайман вытаращил глаза, будто увидел меня впервые.

– С этой твоей стороной я незнаком.

Конечно нет. Ее я обычно использовала для разрешения споров между гильдией и орденом, что в принципе и было моей работой. Я встала.

– Подумай. Мой номер у тебя есть.

– Это твой личный способ сойти с ума? – спросил Сайман.

– Скажу, если дашь согласие.

Поскольку я никогда не доверяла ему, то предпочла бы, чтобы он подписал кровью магически обязывающий договор. К сожалению, нам придется ограничиться пожатием рук.

При условии, что он сперва не плюнет в свою ладонь.

Я сделала ровно три шага по направлению к двери, как он выпалил:

– Договорились.

– Теперь за дело, – произнесла я.

Кое-что мне рассказал Джим, кое-что я сама сложила в единое целое.

– «Жнецы» появились в поле нашего зрения примерно два месяца назад. Многие из них сертифицированы и с блеском прошли м-сканирование...

– Синие – по всем параметрам. – На лице Саймана появилась гримаса отвращения.

– Однако «Жнецы» – не люди. Вот что мы точно выяснили. Но из-за того, что они изначально сражались как «нормальные», Совет давал им поблажки. Они были «темными лошадками», ну а люди, сражающиеся против оборотней или вампиров, частенько проигрывают, верно? В итоге они обошли Совету в круглую сумму.

Сайман коротко кивнул:

– Да. Есть и другие причины для их «человечности». Видите ли, для участия в турнире команда должна состоять из семи особей, по крайней мере трое из которых должны быть людьми или иметь соответствующее происхождение, как перевертыши. В ином случае – без трех человек – «Жнецов» бы не допустили к состязаниям.

– Подведем итоги: ты не знаешь, кто они такие, каким образом они обманывают м-сканер и куда они уходят после окончания Игр?

– Нет. – Сайман презрительно сморщил нос, в типично женской манере, идеально подходящей блондинке.

– Не очень-то информативно, да? – спросил Джим.

Спасибо вам за помощь, мистер Дипломатичность.

Сайман посмотрел на него:

– Двадцать один год назад, двадцать третьего апреля, ты расправился с человеком,

который убил твоего отца, когда они оба отбывали срок в тюрьме. Ты ударил его ломом в живот, пригвоздил к полу, начал расчленять и сбежал. Следователи доказали, что он скончался спустя три часа и мучения его были невыносимы. Его звали Дэвид Стайлз. Тебя так и не обвинили в преступлении.

Боже мой.

– Я рассказал это, дабы предотвратить любые сомнения в моей компетентности. Я занимаюсь информацией. Я – эксперт. Когда я говорю, что не знаю, кем являются «Жнецы», то основываюсь исключительно на моем профессиональном опыте.

Мой напарник оскалился, обнажив белые зубы во всей красе.

Сайман наклонил голову и приветливо улыбнулся. Возможно, он собрал кое-какие сведения о Джиме, но кое-что упустил. Джим – ягуар. Он демонстрировал зубы только тем, кого собирался убить. Сейчас он не тронет метаморфа, поскольку тот нам нужен, но однажды Сайман неожиданно обнаружит, что смерть следует за ним по пятам.

И я не хотела бы иметь к этому никого отношения.

– Вернемся к «Жнецам», – сказала я. – Чего они хотят?

– Вот тут я могу ответить. Им нужен «Волчий алмаз», – произнес Сайман.

Я ждала, пока он продолжит, но он просто молча потягивал свой martini. Испытывает мое терпение, значит. Ладно, сейчас я его подтолкну.

И я пошла ему навстречу.

– Что за «Волчий алмаз»?

– Весьма крупный желтый топаз.

– Почему его так называли? – выпалил Джим.

Сайман задумчиво отпил из бокала:

– Цвет камня точно такой же, как глаза у волка, а размер – больше моего кулака.

Роскошная награда. Топаз был и впрямь уникальным, и потому турнир обрел легендарный колорит: состязание между самыми могущественными командами за сказочный драгоценный камень и славу. Но это была игра на выбывание, где жизни равным счетом ничего не стоили и выбрасывались на ветер. Слава? Нет славы в том, чтобы умереть за чужие деньги и самолюбие.

– Как к вам попал топаз? – спросил Джим.

– Один из членов Совета купил и пожертвовал его для награды победителю предстоящего турнира. Приз экстравагантен, что вполне соответствует нашему нынешнему стилю. Те, кто покровительствует нашим собраниям, обожают экзотику подобного толка.

И «Волчий алмаз», несомненно, оправдывал их ожидания. Я попыталась вспомнить хоть какую-то информацию, имеющую отношение к делу.

Топаз являлся одним из двенадцати камней Апокалипсиса, охраняющих Новый Иерусалим. От природы желтый, он, по слухам, оказывает успокаивающее воздействие на человека и избавляет владельца от ночных кошмаров. Правда, защитные характеристики «встроены по умолчанию» во все драгоценные камни: ведь обычно люди предпочитают наделять их особыми свойствами самого разного рода.

Мысленная пометка: найти книгу по геммологии и прочитать статью про топаз.

– Я проследил историю трех последних владельцев «Волчьего алмаза» вплоть до одной немецкой семьи, – сказал Сайман. – Похоже, он не проявлял никаких сверхъестественных качеств. Конечно, за ним тянулся хвост из легенд – совершенно нормальное явление для драгоценного камня такого размера. Преобладает поверье, что

он обладает добродетелью и не может быть продан или взят силой, иначе он принесет смерть новому хозяину. Ума не приложу, чушь это или правда. Но «Жнецы» вроде бы чувствуют, что проклятие реально. Вскоре после прибытия они поговорили с членами Совета. Они спрашивали, как получить камень. Учитывая их склонность к насилию, я ожидал, что они попробуют его выкрасть, но ничего такого не произошло.

Я нахмурилась:

– Поскольку нам почти ничего о них не известно, первым шагом будет их идентификация.

– И как ты предлагаешь это сделать? – Он раздвинул губы в соблазняющей улыбке.

Не сработало: хоть он и выглядел как женщина, но оставался Сайманом.

– Убьем одного из них.

– Каким образом, Кейт?

Сказать-то легко, будто откусить кусок пирога. А вот сделать – уже совсем другое дело.

– Давай все подытожим. «Жнецы» передвигаются группами, что затрудняет слежку за ними. Они исчезают на Юникорн-лейн, что затрудняет опознание их по запаху и магии. Однако у нас есть трекер, диапазон которого охватывает нужную нам зону. Мы убьем «Жнеца», посадим в его тело жучок и бросим на улице. Члены команды заберут труп с собой, ну а мы отследим их точное местоположение на Юникорн-лейн и нагрянем к ним на досуге. Но есть множество интересных вопросов, на которые нужно получить ответы. Сколько их? Насколько они организованны? Охранники – люди? Как они получают пищу? И что они вообще едят? Есть ли у них подчиненные, которые выбираются за пределы Юникорн, чтобы добыть им жратву? Можем ли убить этих фуражиров или *отрывать каждый раз от них кусочек, пока чертовы ублюдки не скажут мне, как поставить Дерека на ноги*, – и допросить их?

– По-моему, ты уверена, что способна убить «Жнеца». – Сайман изучающе смотрел на пустой бокал, по-видимому пораженный исчезновением мартини.

Я подумала о Дерекe, медленно умирающем в резервуаре с зеленой жидкостью.

Кости волчонка переломаны, лицо превратилось в месиво, тело изранено...

Сайман прошелся по комнате и опять сел на кушетку.

– Кейт, кажется, твоя сабля дымится.

Я взяла себя в руки, Погибель быстро присмирела.

– Отведи меня в «Яму». Об остальном я позабочусь.

– Я бы с удовольствием, но не могу. – Он с раздражением взмахнул рукой. – У «Жнецов» запланирован финальный командный бой перед турниром. Он называется «Каменный мастер-класс». Вы не подходите.

– Я смогу принять в нем участие, – заявил Джим.

Сайман покачал головой:

– Как бы мне ни хотелось, чтобы начальник службы безопасности очутился в «Яме», у тебя недостаточно квалификации. Там соберутся самые крупные бойцы – настоящие громадины.

Джим никогда не был тяжеловесом. Даже в своем зверином обличье он оставался худым, – да, смертоносным, но не громоздким.

– Но у меня есть боец на эту роль, – улыбнулся Сайман. – Я.

Наверно, во время избиения Стаи пострадал мой слух.

– Кто – я?

– Я – это я.

Я зажмурилась.

– Что ты делаешь? – спросил Сайман.

– Считаю про себя до десяти.

Кэррану это помогало, должно было и мне...

Нет, лучше не стало.

Я открыла глаза:

– Я убиваю постоянно. Пожалуйста, выслушай меня, потому что теперь я буду говорить с высоты всего моего профессионального опыта: ты поступаешь необдуманно. Ты полон энтузиазма, но не обучен, тебе не хватает физической силы и рефлексов, необходимых для убийства «Жнеца». Если ты будешь драться в «Яме», ты просто-напросто умрешь в ужасных мучениях, а я не смогу прыгнуть туда и вытащить тебя.

– Ты никогда не видела, как я сражаюсь в своем истинном облике.

Передо мной вспыхнул образ златовласого Адониса, танцующего под снегом.

– Да, но я видела, как ты танцуешь. Твоя внешность, хоть и разрушительна для возбужденных женщин и геев, вряд ли сразит «Жнеца» наповал. Тебя стукнут по башке, и мы потеряем возможность разместить жучок.

Сайман улыбнулся без намека на веселье:

– Это был не истинный облик.

Туше.

– Тогда я надеюсь, что увижу двуглавого дракона, извергающего пламя.

– Дай мне шанс, – сказал Сайман. – Обещаю, мой труп не прервет твою «я же говорила» речь. Встреча – сегодня вечером. Могу я рассчитывать, что вы двое будете моей командой?

Разве у нас есть выбор?

– Хорошо.

Метаморф поднялся:

– Необходимо мое формальное присутствие во время официальной части мероприятия. Ну а после боя, при условии, что мы осуществим фактическое убийство «Жнеца», его команда будет задержана на час красногвардейцами, так что у нас будет преимущество. Совет не хочет никаких трений между бойцами за пределами ринга. Вы успеете добраться до Юникорн-лейн и сделаете все необходимые приготовления. Я останусь на «Арене» – у меня там тоже есть апартаменты – и восстановлю силы.

Или он останется на ночь в морге. Мысль похоронным саваном повисла в воздухе. Никто из нас не озвучил ее вслух.

После того как мы закончили переговоры с Сайманом, Джим проводил меня до дома. Я хотела вернуться с ним. Вдруг Дерек очнется, а меня не будет в той квартире оборотней?

У меня зародилась иррациональная идея, что мое нахождение там каким-то образом поможет ему. Но нет. Если бы я поехала с Джимом, я бы вообще глаз не сомкнула, а еще мне требовалось хорошенько подкрепиться. Вряд ли «Жнецы» пожелают, чтобы кто-то из их состава выбыл. Даже если Сайману удастся выполнить обещание, то они смогут начать охоту на нас. Я должна быть отдохнувшей и готовой ко всему. Поэтому я приняла душ, отмыв каждый квадратный дюйм кожи и волос душистым мылом и шампунем, съела

большой кусок холодной говядины с черным хлебом, помидорами и соответствующим количеством сыра, приняла приличное количество дорогого аспирина и вырубилась.

Я проснулась в восемь часов от трели телефона. Подняв голову, я уставилась на него. Он звонил и звонил, наполняя мою голову шумом. Включился автоответчик. И знакомый голос заставил меня сесть прямо.

– Кейт.

Кэрран. Вау. Двухчасового сна явно недостаточно, чтобы справиться с новой проблемой.

– Позвони мне, как только сможешь.

Я схватила трубку:

– Я тут.

– Ты прослушиваешь входящие?

– Ага. Спасаясь от разговоров с идиотами.

– Это оскорбление? – Его голос сорвался на рык.

– Ты – не идиот, – ответила я. – Ты просто беспощадный психопат с комплексом мессии. Что тебе нужно?

– Ты видела Джима?

– Нет.

– Он тебе не звонил?

– Нет.

Но его болваны вышибли из меня дух.

– А что насчет Дерека?

– Тоже – нет. Не видела его.

Повисла короткая пауза.

– Ты лжешь.

Опять он за свое.

– И что заставило тебя так подумать?

– Ты не спросила меня, в порядке ли Дерек.

Надо бы мне научиться вести деликатные дипломатические разговоры с утра пораньше.

– А мне все равно. Ты сказал, что включишь меня в расследование. Обещал сотрудничество и встречи. Помнишь, еще в пятницу? Сейчас воскресенье. Прошло сорок восемь часов. Ты надул меня, Кэрран. Как и всегда. Ты ждешь, что я поспешу тебе на помощь, но драгоценная Стая не может общаться с посторонними. Я не горю энтузиазмом.

И еще несу чушь. Много-много чуши.

– Ты бредишь.

Кэрран – два очка, Кейт – ноль.

– Дело крайне важное, Джим бросил мне вызов, – продолжил он. – Я не могу это так оставить. У него – семьдесят два часа, чтобы все решить. Потом мне придется найти его.

– Ты знаешь его много лет. Разве у него нет права на презумпцию невиновности?

– Теперь – нет. – Твердая оболочка треснула, и голос Кэррана дрогнул. На мгновение альфа шагнул назад, уступив место человеку. – Я не хочу его искать.

Я на миг задумалась.

– Думаю, он тоже этого не хочет.

– Тогда помоги мне. Скажи, что ты знаешь.

– Нет.

Он вздохнул:

– Забудь на мгновение, что говоришь со мной. Отставь свое эго. Я – Царь Зверей. Ты – член ордена. Ты подчиняешься мне в данном расследовании. Я приказываю тебе раскрыть информацию. Сделать свою работу.

Его слова меня укололи.

Я ведь действительно выполняла свою работу – в меру своих же возможностей.

– Ты ошибаешься. Я не подчиняюсь тебе. Мы с тобой на равных.

– Понимаю. Джим с тобой?

– Да. Мы занимаемся грубым сексом. Ты нас прервал.

Я повесила трубку.

Телефон зазвонил снова.

Автоответчик:

– ...не помогаешь, Ке...

Я сняла трубку, подержала секунду и положила обратно. Я не хотела лгать Кэррану. Даже если это ему во благо. Продолжать увиливать, разбрасываясь остротами, я уже не могла.

В моей спальне царил уютный полумрак. Узкая полоска света пробивалась сквозь щель между занавесками и падала прямо на меня.

Я зарылась лицом в подушку.

Я уплывала в страну грез, подушка закрывала раздражающий луч света, когда я услышала поворот ключа в дверном замке.

Единственный человек, у которого имелся ключ, – управляющий, и он никогда не входил без предупреждения.

Я заставила себя лежать неподвижно и ровно дышала. В голове возникла картина: мой зад в белых хлопчатобумажных трусиках торчит, голова – под подушкой. Не самая лучшая боевая стойка.

Я лежала, нервы на пределе, чувства были обострены. Очень мягкие шаги приблизились к кровати. Ближе. Ближе.

Сейчас!

Я обернулась, нанеся быстрый удар. Он попал в район живота противника, заставив незваного гостя отчетливо застонать и упасть. Я спрыгнула с кровати и бросилась к Погибели, но ее не было на том месте, где я оставила. Упав, я увидела ее далеко под кроватью. Он отшвырнул саблю по пути ко мне.

Стальная рука сжала мою лодыжку. Перевернувшись на спину, я со всей силы ударила его ногой по плечу.

Он охнул, и я увидела его лицо:

- Кэрран! - Я бы предпочла одержимого лунатика.

Хотя подождите...

Секундное изумление стоило мне того, что он, не мешкая, бросился на меня и молниеносно прижал меня к полу. Его ноги зажали мои. Мою правую руку он держал над моей головой, левую - между нашими телами.

Он наклонился, его лицо находилось в нескольких дюймах от меня, мой бок касался его груди.

Он свернул меня как посылку. Я вообще не могла пошевелиться.

- Я думала, что ко мне ворвался маньяк! - прорычала я.

- Так и есть.

- Что ты здесь делаешь?

- Ищу Джима в твоей постели.

- Его здесь нет.

- Вижу.

Золотые искры плясали в темно-серых глазах. Кэрран выглядел ужасно довольным собой - и немного голодным.

Я дернулась, но он только крепче стиснул меня. Было похоже на сражение в смирительной рубашке из нагретой стали. Он совершенно не собирался поддаваться. Прижатая его Звериным Величеством. Никогда не переживу этого.

- Теперь ты можешь меня отпустить, - сказала я.

- Ты мне разрешаешь?

- Да. Обещаю не делать тебе больно.

Намек на усмешку изогнул его губы. Он не собирался отпускать меня.

Дерьмо.

- Ты ведь наслаждаешься, не так ли?

Он кивнул. Белозубая улыбка сияла на его лице.

- Как ты вошел?

- У меня есть свои пути.

Меня озарило. Ведь именно он менял мне дверь два месяца назад, когда я была очень занята, пытаюсь не умереть.

- Ты сохранил ключ от моей квартиры. Сволочь. Как часто ты сюда приходишь?

- Время от времени.

- Зачем?

- Узнать, как ты. Это избавляет меня от необходимости сидеть у телефона в ожидании твоего звонка «иди и спаси меня».

- Можешь не беспокоиться: звонков больше не будет. Я лучше умру, чем наберу твой номер.

- Вот что меня беспокоит, - произнес он.

Его ноги прижимались к моим, бедра были крепкими, словно вырезанные из дерева. Его грудь прикасалась к моей. Если бы я могла повернуться немного вправо, мой зад сместился бы к его паху. Чуть левее – и мое лицо уткнется ему в шею.

– Я не одна из твоих подданных, – сообщила я. Он находился слишком близко, был слишком теплым и реальным. – Я не выполняю твоих приказов и уж точно не нуждаюсь в твоей защите.

– М-м-м, – пробормотал он.

Вероятно, он находил мое лицо невероятно захватывающим, потому что продолжал смотреть на меня, на мои глаза, на мой рот...

– Ты приходил сюда, когда я тут была?

– Иногда.

– Я бы тебя услышала.

– Ты вкалываешь по двенадцать часов до изнеможения, а я очень тихий.

Его хватка немного ослабла. Я лежала расслабленно. Вот и все, я сумела внушить ему ложное чувство безопасности. Мы были не так уж далеко от прикроватного столика, на нижней полке которого лежал кинжал.

– Царь Зверей – мой личный преследователь. Боже мой, просто мечта каждой девушки.

– Я не занимаюсь преследованием.

Я посмотрела на него с недоверием:

– И как ты это называешь?

– Контролем оппонента, чтобы тот не причинил мне ущерб.

– Что ты еще делаешь, находясь здесь? Читаешь мою почту? Ворошишь мое нижнее белье?

– Нет. Я не проверяю твои вещи. Просто прихожу сюда, чтобы убедиться, что ты в целости и сохранности. Мне нравится знать, что ты – в безопасности и спишь в своей постели. Я ничего не украл...

Я вырвала левую руку из его ладони и ударила локтем в солнечное сплетение. Он задохнулся и закашлялся.

Я бросилась к кинжалу, схватила его и оседлала вожака.

Теперь мои колени зажали его руки, острое уткнулось в горло Кэррана.

Он лежал неподвижно.

– Сдаюсь, – сказал он и улыбнулся: – Твой ход.

Итак, я сидела верхом на Царе Зверей в одном белье, приставив кинжал к его горлу.

Какой, черт возьми, мой следующий ход?

Его взгляд задержался на моем плече.

– Вижу следы когтей, – произнес он, его голос зазвучал резче. – Волчьих. Кто?

– Никто!

Гениально. Конечно, он мне поверит.

– Один из моих? – Золото молнией сверкнуло в его глазах.

Поскольку каждый оборотень в Атланте был «его», ответ очевиден.

- С каких пор ты проявляешь такую заботу о моем благополучии? Думаю, ты заблуждаешься в характере наших отношений. Ты и я, мы не подходим друг другу. Ты - помешанный на контроле психопат. Ты командуешь мной, я хочу тебя убить. Я упрямая, непокорная женщина. Я свожу тебя с ума, и ты хочешь меня придушить.

- Всего раз! Я сделал это только один раз!

- Мне было достаточно. Суть в том, что мы не пытаемся поддерживать хорошие отношения. Мы...

Он выдернул руки из-под моих коленей, притянул меня к себе и поцеловал. Его язык коснулся моих губ. Жар охватил мое тело. Его пальцы запутались в моих волосах. Внезапно мне захотелось узнать, какой он на вкус. Он целовал меня раньше, прямо перед тем, как мы сразились со сталкером из Ред-пойнта. Я уже несколько месяцев вспоминаю тот поцелуй.

Он не мог быть настолько хорошим, как твердила моя память. Я должна поцеловать его и изгнать то призрачное воспоминание, чтобы больше никогда об этом не думать.

Я открыла рот и впустила его.

О. Мой. Бог. Вселенная взорвалась. На вкус он был таким же упоительным, как дикое вино.

Я утонула в нем, опьяненная вкусом и запахом, соблазненная ощущением его твердого тела, обхватывающего мое. Голова кружилась.

Поцелуй меня еще. Поцелуй меня снова. Поцелуй меня, Кэрран.

Что опять со мной не так?

- Нет! - Я уперлась в каменную стену его груди.

Он держал меня бесконечно долгое мгновение и наконец отпустил с глухим голодным рычанием. Я прыгнула с него и отступила, пошатываясь.

- Ты совсем свихнулся?

- В чем дело? Забыла, что «этого не случится, даже если ты будешь последним мужчиной на Земле»?

- Убирайся!

Он растянулся на ковре с самодовольной улыбкой, нежась, как ленивый кот:

- Ну и как тебе?

- Плоско, - соврала я. - Ни одной искорки. Ничего такого. Будто брата в лоб чмокнула.

Моя голова до сих пор кружилась. Я хотела дотронуться до Кэррана, провести ладонями по его футболке, скользить пальцами по его твердым рукам... Я хотела почувствовать его губы на моих.

Нет! Никаких прикосновений! Никаких поцелуев! Нет, просто нет.

- Правда? Поэтому ты обнимала меня за шею?

Сучий сын.

- У меня было временное помешательство.

Я указала на дверь.

- Уверена, что не хочешь, чтобы я остался? Я сварю тебе кофе, спрошу, как прошел день...

- Вон. Сейчас же.

Он преувеличенно громко вздохнул и вскочил на ноги без помощи рук.

Показушник.

Он протянул мне мой кинжал, рукоятью вперед.

– Хочешь его обратно?

Он вынудил меня бросить кинжал! А ведь я никогда не расставалась с оружием, если только заранее этого не предусматривала.

Я выхватила кинжал из его руки и проводила Царя до порога, держа клинок между нами.

Кэрран открыл дверь и обернулся:

– Семьдесят два часа, Кейт, вот и все, что есть у Джима. Он знает, что я его ищу. Теперь ты тоже в курсе.

– Поняла, – рявкнула я.

– Уверена, что не хочешь поцеловать меня на прощание, *детка*?

– Как насчет прощального удара в горло?

Я захлопнула дверь, прислонилась к ней и соскользнула на пол, чтобы обдумать сложившуюся ситуацию. Царь Зверей. Лев Атланты. Сэр, Делай, Как Я Велел, Или Проваливай. Досаждающий, доводящий до бешенства, опасный ублюдок, который жутко напугал меня, после чего все тормоза в моем мозгу отключились.

Он поцеловал меня. Нет, он признался, что вломился в мою квартиру, чтобы посмотреть, как я сплю, прижал меня к полу, а затем поцеловал. Я должна была сломать ему нос. Но я поцеловала его в ответ. И мне хотелось большего.

Я пыталась посмотреть на это в перспективе. Я сказала ему, что никогда не буду с ним спать. Он ответил, что буду. Он играл и пытался меня победить. Кто-то однажды рассказал мне, что, если выстроить бывших любовниц Кэррана в ряд, можно запросто организовать парадное шествие.

Он присматривал меня для очередной зарубки на кровати. Если бы я сдалась, то смешалась бы с вереницей его подруг: Кейт Дэниелс, следователь ордена, с которой его Пушистое Величество развлекался, пока она не наскучила ему и он не перешел к гораздо более приятным вещам, попутно полностью искромсав ее репутацию. Открытые отношения с Кэрраном означали профессиональное самоубийство. Агенты ордена по определению беспристрастны. Никто не будет иметь со мной дело, если я буду делить кровать с вожаком оборотней. И самое важное – когда Кэрран потеряет интерес к моей персоне, он заберет мое сердце, расплющит его молотком в кровавую кашу, вручит мне останки и уйдет – совершенно спокойный.

Я понимала это, однако все было без толку. Он притягивал меня, как чертов магнит. Я хотела его больше, чем когда-либо в своей жизни хотела чего-нибудь.

В течение нескольких мгновений он заставил меня чувствовать себя в безопасности, ощущать себя желанной, нужной, но это была иллюзия. Я должна взять себя в руки.

Я окончательно разозлилась. Он думал, что имеет на меня права. Его Величество давно следовало грубо разбудить.

Я зарычала и пошла одеваться.

К семи часам я добралась до штаб-квартиры ордена в Атланте.

Это было непримечательное здание из грубого кирпича, однако защищенное так сильно, что во время магического прилива целая дивизия оборонщиков не смогла бы взять его штурмом. В городе имелся еще один объект недвижимости, принадлежащий рыцарям, конечно же современный и комфортный, но мое положение не было настолько высоким, чтобы знать его местонахождение.

Я поднялась на второй этаж и очутилась в коридоре. Длинный и серый, он казался туннелем, в конце которого вырисовывалась черная дверь. В ее центре был эмалевый щит в форме коршуна, а в самом центре сиял стальной геральдический лев. Каждому члену ордена становилось ясно, что перед ним – кабинет рыцаря-заступника, главы местного отделения и моего непосредственного босса.

«Доброе утро, дорогая», – в моей голове раздался голос Максина.

– Доброе утро, Максин, – произнесла я.

Технически я могла бы просто это подумать, если бы хорошенько сконцентрировалась, чтобы Максин уловила мою мысль, но мне было удобнее отвечать вслух. В пылу схватки я могла ментально схватить разум нежити и раздавить его, как блоху, но в мирных условиях являлась в телепатии абсолютным нулем.

Я остановилась перед дверью своего кабинета, открыла ее и проскользнула внутрь, ожидая увидеть стопку бумаг высотой в два фута. Но мой стол был чистым. Нетронутым. Никаких документов.

– Максин? Что случилось с моими файлами?

«Рыцарь-заступник решил сделать твой график более свободным».

– Это хорошо или плохо?

«Орден ценит тебя. Особенно когда речь идет о твоих заданиях в ночное время».

Ясно. Тед дал мне неофициальное разрешение на участие в Играх. Никакого расследования не будет. Наверняка он уже разузнал о турнире всю подноготную и теперь думал, что сделать дальше.

Значит, я подарила ему прекрасную возможность быть в гуще событий опосредованно. Он бросал меня в Игры, как палку в колесо. Я в свою очередь становилась расходным материалом. Любые проблемы государственного масштаба, возникшие при расследовании, списывались бы на неопытного агента мисс Кейт Дэниелс – весьма бестолковую особу. Я – не рыцарь и не обучена должным образом.

Орден бы отрицал любую правдивую информацию обо мне и о моей деятельности, описал меня как совершенно некомпетентного человека и выгнал бы вон.

Дверь открылась, и в кабинет вошла Андреа.

– Звонил Рафаэль. Думаю, только что прошел приказ по цепочке командования. Любой член Стаи, который нападет на тебя, будет иметь долгую неприятную встречу с Кэрраном.

Я помахала подруге:

– Класс! Понятия не имела, что я – хрупкий цветочек, нуждающийся в защите Его Величества.

– На тебя напали?

– Ага. Но я была хорошей и никого не убила.

Андреа села в кресло по другую сторону моего стола:

– Что происходит?

Я встала и активировала защиту. Тусклые оранжевые символы загорелись на полу, сплетаясь в витые узоры.

Спустя секунду в воздухе возникла оранжевая стена, запечатывающая дверь. Это заклинание использовал мой опекун, чтобы защитить кабинет. Люди рассказывали секреты рыцарям-прорицателям, будто на встрече с духовником или психологом.

Защита была звукоизоляционной, невидимой и магической. Даже телепатия Максина не

могла проникнуть сквозь нее. Мне потребовался месяц кропотливого поиска символов на полу, чтобы делать так, как Грег.

Я отперла верхний ящик стола, достала документы и положила на стол.

– Поклянись.

Андреа подняла руку:

– Я не буду разглашать информацию, которую узнаю здесь и сейчас, кроме тех случаев, когда это разрешено лицом, передавшим мне данные сведения. Я не буду использовать информацию для личной выгоды даже под принуждением, арестом, ради спасения собственной жизни или жизнью других людей. Клянусь своей честью рыцаря ордена.

Это была адская клятва. Из-за нарушения ее из Академии вылетело больше студентов, чем из-за провала экзамена или проверочного теста на силу воли. Когда человека избивают, топят, хлещут, а затем клеймят утюгом, он делает все что угодно.

У меня на спине остался узкий белый шрам, напоминание о том, куда поцеловало меня раскаленное железо. Я знала, что у Андреа – идентичный рубец. Мы никогда не забудем, какую информацию мы должны хранить: клятва, данная нами в Академии, будет сопровождать нас до конца наших дней, хотим мы этого или нет.

Мы никогда не раскроем тайн, которые нам доверили.

Даже в шальных мыслях.

Я передала подруге пачку документов. Она пробежала глазами страницы и посмотрела на меня.

Я заполнила пробелы, включая визит Кэррана.

Андреа пару раз моргнула:

– Отстой.

– Полный отстой тоже бы подошло.

– Глава службы безопасности Стаи стал отщепенцем, Дерек при смерти, а ты сошлась с Царем Зверей.

– Джим – не ренегат, в данный момент он просто не выполняет приказы.

– Это и значит быть отщепенцем!

Здесь я была вынуждена с ней согласиться.

– И кстати, мы с Кэрраном – не вместе.

Андреа покачала головой:

– Ты с какой планеты? Он забирается к тебе в квартиру, чтобы ночью подоткнуть тебе одеяло. Он прямо-таки жаждет тебя защищать. Он думает, что вы пара.

– Пусть думает все, что хочет. Но это все равно не станет правдой.

Андреа широко распахнула глаза:

– Слушай, Кейт, он относится к тебе как к альфа-самке. У вас – не совсем обычные для людей ухаживания. Он уже просил приготовить ему ужин? Это очень важная часть.

– Нет, не просил. – *Скорее ад замерзнет, чем я что-то приготовлю для Кэррана.* – Я ведь не оборотень. Правда, он вроде бы встречался с нормальными, я имею в виду человеческими девицами.

– В том-то и дело. – Андреа постучала ногтями по столу. – Прямое ухаживание, как у вас, это – вызов. Так альфа-самец сближается с альфа-самкой. Все завязано на борьбе за

власть и охоте, и у зверей нет времени на всякие тонкости. Понимаю, звучит странно, но такое поведение – комплимент с его стороны.

– Он может взять свой комплимент и засунуть туда, где не светит солнце.

– Можно я позаимствую цитату?

– Да пожалуйста. Я слишком много работала, чтобы стать его мимолетным увлечением.

Я потянулась, чтобы положить документы в ящик стола, и мои пальцы скользнули по старой обложке. «Принцесса-невеста». Той ночью, в Саванне, когда он почти меня поцеловал, он читал эту книжку, а когда я сказала ему проваливать, ответил: «Как пожелаешь».

Андреа нахмурилась.

– И куда ты катишься? Ты собираешься исчезнуть на какое-то время?

Я задумалась.

– Сперва мне нужно довести расследование до конца, а это невозможно, когда Кэрран стоит над душой.

– Могу я помочь?

– Да. Я отправлю запрос на анализ некоторых образцов серебра. На обработку потребуется пара дней. Если ты забереешь полученные данные, я буду только рада.

Андреа кивнула.

– Конечно, Кейт! Но я имела в виду – помощь в стиле пристрелить-кого-то.

– Нет. Не сейчас. Но я позвоню тебе, если мне понадобится пустить пулю в чью-то башку.

– Не забудь. Постарайся, чтобы тебя не убили.

– Постараюсь.

Мы посмотрели друг на друга.

– Как это было? – спросила она. – Целоваться с Кэрраном?

– Я не могу позволить, чтобы он снова меня поцеловал, потому что тогда непременно с ним пересплю.

Андреа проявила тактичность.

– По крайней мере, ты знаешь, как себя вести, – произнесла она наконец.

Я позвонила Джиму и покинула офис.

Петляя, я продиралась в толпе горожан, огибая телеги с поклажей.

Меня никто не преследовал, и я остановилась возле маленькой забегаловки, где продавали жареную курицу.

Гленда улыбнулась мне. Пухлую женщину с медового цвета волосами однажды ночью мучили призрачные змеи. Я потратила неделю, но нашла причину, скрывающуюся на чердаке дома Гленды, и избавила хозяйку от душителей.

Теперь я получила улыбку и куриные крылышки в корочке.

Я протянула десять баксов.

– Хочешь пять порций? – спросила Гленда.

– Нет. Я хочу воспользоваться телефоном.

Переговоры лучше вести вне офиса.

Гленда положила телефон на стойку, проверила, что он разблокирован, и забрала деньги.

Я позвонила в крепость, представилась лишенной эмоций женщине и попросила Царя Зверей. Менее чем через пятнадцать секунд раздался голос Кэррана.

– Я собираюсь скрыться – вместе с Джимом.

Тишина в трубке показалась мне зловещей. Возможно, вожак думал, что суперсила его поцелуев свела меня с ума. Вряд ли. Я не позволю ему убить Дерека. Это время, которое он не должен нести.

– Я думала о сегодняшнем утре, – сказала я, стараясь сохранять самообладание. – И проинструктировала управляющего, чтобы он поменял замки. Если я когда-либо снова поймаю тебя в своей квартире, то подам официальную жалобу. Мне пришлось взять у тебя еду, но у меня не было выбора. Ты спас меня пару раз, и ты видел меня почти что голой. Я понимаю, что ты оцениваешь ситуацию с позиции оборотня и ждешь, что я упаду на спину, раздвинув ноги.

– Необязательно, – промурлыкал он. – Ты можешь упасть на локти и колени, если хочешь. Или опереться на стену. Или лечь на кухонный стол. Думаю, я позволю тебе быть сверху, если ты сделаешь это, потратив некоторое время.

Я даже не скрипела зубами, а то он услышал бы. Нужно оставаться спокойной и разумной.

– Вот что я скажу: нет.

– Нет?

– Не будет ни падения, ни секса, ни нас с тобой.

– Я хотел поцеловать тебя, когда мы были в твоём доме. В Саванне.

Почему, черт возьми, у меня заколотилось сердце?

– И?

– Ты выглядела испуганной. Это не та реакция, на которую я надеялся.

Держи себя в руках, Кейт.

– Ты себе льстишь. Не такой уж ты и страшный.

– После того как я поцеловал тебя сегодня утром, ты опять испугалась. Сразу после того, как ты была готова растаять.

Растаять?

– Ты боишься, что между тобой и мной может что-то быть.

Вау. Я изо всех старалась проглотить маленькую пикантную подробность.

– Каждый раз, когда я думаю, что ты достиг предела высокомерия, ты показываешь мне новые высоты. Воистину, твой эгоизм подобен Вселенной – постоянно расширяется.

– Ты мечтала о том, чтобы затащить меня в постель сегодня утром.

– Я мечтала о том, как бы тебе врезать посильнее и с криками убежать. Ты ворвался ко мне без разрешения и всю меня обслуживал. Ты – чертов псих! И не говори мне, что от меня пахло желанием; я знаю, что это фигня!

– Мне не нужно было нюхать тебя. Все понятно по мечтательному взгляду твоих глаз – и по тому, как твой язык проник в мой рот.

- Наслаждайся воспоминаниями, – отрезала я. – Такое больше никогда не повторится.

- Ладно, ступай играть с Джимом. Когда понадобится, я разыщу вас обоих.

Высокомерный урод.

- Если ты найдешь нас до того момента, как истекут три дня, я приготовлю тебе проклятый ужин и подам его голой! – взорвалась я.

- Обещаешь?

- Да. Иди к черту!

Я с грохотом отшвырнула трубку. Жест, достойный агента ордена. Грузный пожилой мужчина, который подошел к прилавку, уставился на меня так, будто у меня выросли рога.

Гленда протянула мне деньги, которые я ей дала.

- Ну и разговор! Просто нечто! Он стоил десяти баксов.

Я обернулась как раз вовремя, чтобы увидеть Бренну, которая подъезжала, ведя на поводу еще одну лошадь.

Я заглянула к Дереку и задержалась около резервуара на полчаса, а затем в комнату зашел Дулитл, посмотрел на меня и решил, что мне нужен стакан чудесного чая со льдом. Я последовала за доком на кухню. Запах свежей выпечки перемешивался с насыщенным пикантным ароматом мяса, слегка приправленного специями.

Дулитл схватил меня в охапку и потащил к столу. Я взглянула на Джима, который возился с куском говяжьей вырезки, которая лежала на разделочной доске. Оборотень аккуратно отрезал от нее ровные ломтики толщиной в дюйм.

Я чуть не упала в обморок:

- Говядина Веллингтон слабой прожарки?

Джим нахмурился:

- У тебя в холодильнике никогда нет приличной еды.

- Ты сам, или Дерек, или Джули всегда съедаете все подчистую.

Вошла Бренна и достала из холодильника миску с салатом.

- Тарелки в шкафу, – сказал Джим.

Я вытащила четыре блюда, нашла столовое серебро и накрыла на стол. Дулитл поставил передо мной стакан чая со льдом. Я попробовала напиток. В нем оказалось столько сахара, что ложка, пожалуй, могла стоять совершенно самостоятельно.

Джим положил несколько ломтей мяса на мою тарелку.

Я умела готовить говядину Веллингтон. Его же была идеальной.

Бренна села рядом со мной.

- Извини за бедро.

Мне потребовалась секунда, чтобы связать саднящий укус на ноге со спокойной женщиной возле меня.

- Ничего страшного. Извини за иглу.

Шрам на ее горле практически исчез – я заметила только тонкую серую линию.

- Я в порядке, – ответила она. – Во мне уже бывало серебро.

- А где остальные? - спросила я.

Никто не ответил. Да уж, они разговорчивые - эти оборотни.

Я занялась едой и отправила кусочек говядины себе в рот. Райское наслаждение.

Джим тем временем резал свою порцию мяса с точностью хирурга.

- Кэрран звонил.

Оборотни затаили дыхание.

- Думала, что лучше скажу про Кэррана сразу же. Не хочу, чтоб ты подавился.

- Он что-нибудь говорил про меня? - спросил Джим.

- У тебя есть три дня, чтобы сдать, - произнесла я, подражая голосу Кэррана. - А потом ему придется тебя искать. А он этого не хочет.

- Что-нибудь еще?

- В основном он ругался. Я заявила, что у меня был жаркий секс, который он прервал.

Воцарилась тишина, которую нарушила Бренна. Она как-то странно хрюкнула и едва не пролила чай.

Джим долго пытался переварить мои слова.

- Лучше бы ты ничего подобного не говорила.

- Он не поверил.

Я остановилась на этой версии. Упоминание о моих утренних упражнениях и обещание подать ужин голышом довело бы Джима до апоплексического удара.

- Он не сможет нас здесь найти?

- Никогда не недооценивай господина, - ответил Дулитл.

- Кэрран настойчив, - добавил Джим и задумался. - В конце концов он доберется до нас. Но не сейчас. Давайте есть.

Я надеялась, что он прав. Если нет, нам обоим придется многое объяснить.

Мы ждали Саймана на парковке возле «Арены».

Оборотень прохаживался взад и вперед по стоянке. Он был одет в черные брюки и черный же кожаный жилет, на ногах красовались тяжелые ботинки со стальными носами. Темное, отделанное мехом пальто развевалось в такт его шагам.

Выглядел он как боец в самом расцвете сил, правда, весь его облик показался мне немного абсурдным: мышцы шеи бугрятся, походка - сама непринужденность. Дескать, глядите, какой я крутой.

Джим будто нарывался на драку.

- Тебе нужно обзавестись яркой одеждой, - заметила я. - А то еще примут за преуспевающего яппи двадцатого века.

- Этого никогда не случится.

Элегантная тачка Саймана скользнула на парковочное место. Метаморф вылез, элегантный и утонченный в облике Томаса Дюрана, открыл багажник и достал продолговатый предмет, обернутый полотном и завязанный шнуром.

Сайман закинул его на плечо, что оказалось не так-то просто: штуковина достигала в

длину примерно четырех с половиной футов и двух – в ширину.

Мы с Джимом направились к входной двери.

Сайман догнал нас и передал сверток оборотню. Тот даже не напрягся. Можно было подумать, что он взял перышко.

Зато метаморф с облегчением вздохнул и выпрямился.

– Пропуски вашей команды. – Сайман вручил мне два желтых прямоугольника – билеты на турнир – и замедлил шаг, намеренно отставая от нас.

Я протянула билеты охране. Парни пропустили нас, после чего мы угодили в железные объятия Рене.

В глазах женщины вспыхнуло узнавание. Она осмотрела Джима и повернулась ко мне:

– Поздравляю, дорогая. Ты поменяла партнера. Он хорошо к тебе относится?

– Он прямо плюшевый мишка, – заверила ее я.

Мишка выглядел так, словно страдал от нестерпимого желания кого-нибудь убить.

– Конечно, он такой. Ступайте. Зайдите в первое помещение справа и зарегистрируйтесь. – Рене взглянула на Саймана, который шествовал с триумфальным видом. – Поспешите. Твой бывший подрос. Мы не хотим, чтобы он опять закатил истерику.

Этаж бойцов в основном представлял собой коридор, замыкающийся в кольцо. Красногвардейцев там собралась целая туча. Просто целый рой. Ни дать ни взять мухи, облепившие дохлую лошадь. Здоровенные смертоносные мухи, вооруженные электрошокерами, цепями и сетками.

Никаких драк в коридоре. Внутри кольца находился зал для тренировок, расположенный прямо под «Ямой».

Ответвления в коридоре вели к комнатам, где участники ожидали своего поединка.

Джим прислонился к стене и застыл. Зрелище впечатляло. Молчаливый темный страж.

Патрульные с ним пока не связывались.

Я же вошла в комнату с приоткрытой дверью, плюхнулась на скамейку и осмотрела нашу новую среду обитания.

Так, раздевалка. Помещение оказалось, как здесь водится, вытянутым в длину и узким. Ни одна дверь не запиралась. В случае неприятностей пара стражей легко удержит здесь больше десятка участников. Дверь слева вела в раздевалку поменьше, с тремя душевыми и тремя туалетами, разделенными перегородками.

Еще одна дверь была распахнута. Я увидела комнату с восемью двухъярусными койками.

В документах ордена значилось, что команды изолированы и в течение трех дней они живут в своих бойцовых «апартаментах».

Толпа зрителей взревела, восхищенная чьей-то смертью. Вина грызла меня. Она преследовала меня, выжидая, пока я заскучаю, чтобы на кого-нибудь накинуться. Я должна сделать все, чтобы он снова не пострадал. Когда его избивали, он был совершенно один. Он знал, что никто и ничто ему не поможет. Последним его воспоминанием было, как расплавленное серебро лилось на его лицо.

Мое сердце сжалось. Я попыталась хоть как-то избавиться от гнетущих мыслей.

– Мой отец тут бы все одобрил. Он приводил меня на многие арены... могу сказать, что эта прекрасно оснащена и защищена.

Джим, который уже вошел в помещение, повернулся ко мне:

- Какой отец приведет ребенка на бойню?

- Тот, который хотел, чтобы его дочь привыкла к смерти. Полагаю, что его план удался.

- Ага. И он научил ругаться?

- Нет. Это я от тебя подцепила.

Мы посидели в тишине.

- Мой папа ненавидел убивать, - произнес Джим. - Не мог, даже когда должен был.

- Не все вырастают, чтобы стать монстрами.

В «Яме» раздался грохот, затем - звук удара. Зрители загудели.

Я взяла свои метательные ножи и начала полировать их тряпкой.

- Он был человеком, - проговорил Джим.

- Стая не обращала твоего отца?

Джим - полукровка. Он не мог меня одурачить, даже сохраняя свой грозный вид. В Стае всякое бывает, хотя обычно партнер оборотня становится перевертышем.

- Как все прошло с кланом кошек?

Он едва заметно пожал плечами:

- Мы - тоже из семейства кошачьих, но мы не лезем в чужие дела. Мой отец оказался желанным гостем, поскольку был врачом. В Стае их мало. Он и Дулитл были друзьями. Вместе учились.

Я вспомнила слова Саймана. Он сказал, что Джим расправился с убийцей его отца. История была жуткая и запутанная.

- Ну а твой отец... он сидел в тюрьме, да?

- Я расскажу. В общем, в одной семье появился люпус. Маленькая девочка. Рысь-оборотень. Ей исполнилось десять. Альфа отсутствовал, и родители привели ребенка к моему отцу, чтобы он усыпил ее. Гуманная смерть и все такое прочее.

Если оборотень превращался в люпуса, пути назад не было.

- Он не смог, - продолжал Джим. - Сделал ей укол, и она уснула. Он сообщил родителям ребенка, что оставит себе тело для вскрытия, мол, хочет разобраться, почему она стала люпусом. Они поверили ему. Он спрятал девочку в клетке, в подвале. Взял образцы ткани, чтобы попытаться найти лекарство. Она вырвалась и разорвала в клочья двух человек, прежде чем смогли поймать и усыпить ее. Одной из жертв оказалась беременная женщина. Был суд. Отец получил двадцать пять лет лишения свободы.

Джим не смотрел на меня.

- На второй день его пребывания в тюрьме покойный Дэвид Стайлз ударил его ножом в печень. Позже я нашел его и спросил: «Почему?» Он был не в том положении, чтобы лгать. Знаешь, что он мне ответил? - Джим повернулся ко мне: - Он ответил, потому что ему захотелось. Без всяких причин.

Я не представляла, что сказать.

- Мой отец помогал людям. Он относился к той девочке, будто она нормальная. А я - наоборот. Относился к нормальному ребенку как к бешеному люпусу и послал его практически на верную смерть. Теперь его изуродовали. Дулитл сказал мне, что его жизнь висит на волоске. Парень не протянет долго. Если бы мой отец был жив, он бы плюнул мне в лицо.

У меня тоже была старая рана. Джим словно сорвал корку и разбередил ее. У меня не было мази, но я могла показать ему свой шрам.

– Если бы мой папа знал, что я сознательно оказалась здесь ради другого человека, он бы считал себя неудачником.

Джим вскинул на меня глаза:

– Почему?

– С тех пор как я научилась ходить, он учил полагаться только на себя. Никогда не строить отношения или привязываться к людям, даже к нему. Он мог отправить меня с одним ножом в лес на несколько дней. Когда мне исполнилось двенадцать, он привел меня в исправительное учреждение в Уоррене, в штате Огайо. Я сбежала с бандой «Разрушителей» через месяц. Меня избивали, дважды почти изнасиловали. – Я сплела пальцы в знак банды.

Все еще помню как.

Джим просто пялился на меня.

– Друзья – опасная штука, – добавила я. – Ты чувствуешь ответственность за них. Хочешь, чтобы они были в безопасности. Ты стремишься помочь им, и они выбивают тебя из равновесия, а в следующий миг ты уже сидишь и плачешь, потому что ничего не успел. Они заставляют тебя чувствовать себя беспомощным. Вот почему мой отец хотел сделать меня социопатом. Такой человек не ведает жалости. И фокусируется на своей цели.

– Не совсем получилось, – прошептал Джим.

– Нет. У него имелся роковой изъян: отец заботился обо мне. Он спрашивал меня, что я хочу на ужин. Знал, что мне нравится зеленый, и, если бы у него был выбор между синим и зеленым свитером для меня, он бы купил зеленый, даже если тот был дороже. Я люблю плавать, и, когда мы путешествовали, он делал так, чтобы наш маршрут проходил рядом с озером или рекой. Он позволял мне высказывать свое мнение. Он видел во мне личность. Я была важна для него. Я видела, как он относился к другим, будто они были важны. Со мной такое не срабатывало. Правда, несмотря на его показное равнодушие, в Оклахоме есть городок, все население которого просто поклоняется ему... и еще в деревне в Гватемале ему поставили деревянную статую для защиты от злых духов. Папа всегда помогал людям, когда считал, что это правильно...

Я задумалась.

– У меня в голове сложился образ меня самой – той Кейт, которой хотел бы видеть меня отец. Но я никогда не сравнюсь с той идеальной Кейт. И не хочу. У меня – свои правила. Я их придерживаюсь. Они сложные. Если это означает, что в таком случае мой отец плюнет мне в лицо, пусть будет так.

Спустя два часа к нам заглянул Сайман. Его лицо раскраснелось.

– Жучок? И мой сверток.

Джим протянул ему сверток и бежевый диск размером с четвертак.

– Трекер, – сказал он. – Чем глубже в тело ты его запихнешь, тем лучше. Заставь проглотить его. Нельзя, чтобы его нашли чужаки.

Сайман взял трекер, направился к противоположной двери и закрыл ее за собой.

Потянулись минуты. За дверью что-то стучало.

– Думаешь, он сможет? – спросил Джим.

– Вряд ли. Но у нас нет выбора.

Мы посидели еще немного. В «Яме» что-то выло, отголоски глухого шума сотрясали

потолок.

– Холодно, – сказал Джим.

Мгновение спустя и я тоже почувствовала это: сухой, очень сильный холод, исходящий от двери, за которой скрылся Сайман. Я встала.

– Пойду проверю его.

Я постучала. Древесина льдом обожгла мои пальцы.

– Сайман?

Нет ответа.

Я толкнула дверь, и она распахнулась, впустив меня внутрь. Помещение изгибалось вправо, и я видела лишь небольшую часть, освещенную голубоватым светом колдоламп: душевую кабину, шторка которой сдвинута.

Длинная сосулька свисала с блестящей металлической насадки для душа.

– Есть кто-нибудь дома?

Слой инея покрывал пол. Я повернула направо, двигаясь медленно. Обувь слегка скользила. Я схватилась за стену и увидела его.

Ссутулившись, он сидел на скамейке, неподалеку лежал сверток.

На огромной спине существа бугрились узловатые мускулы. Кожа была такой белой и гладкой, что казалась абсолютно бескровной. Жесткие волосы падали на спину густой сине-зеленой гривой. Короткая шерсть тянулась вдоль позвоночника, исчезая в рваных штанах из волчьей шкуры.

Даже сидя, он был выше меня, слишком большой, чтобы быть человеком.

– Сайман?

Монстр повернул голову. Его глаза смотрели на меня, бледно-голубые, но озаренные изнутри такой силой, словно это были два куска льда, укравшие огонь алмаза.

Я увидела лицо настоящего воина, с чрезмерной точностью вырезанное мастером-скульптором: ужасающее, сильное, высокомерное, тронутое жестокостью.

Запавшие глазницы, защитные гребни синих бровей... Скулы четко выражены, нос – широкий, а линия челюсти донельзя мощная. Он бы без особых усилий мог перекусить кость. Исчез тот философ, элегантный эрудит, который разглагольствовал о роскоши. Осталось первобытное существо, холодное и древнее, как лед, сковывающий скамью, на которой он сидел.

Я хотела поднять руки, чтобы спастись от его взгляда, но заставила себя подойти к нему и села возле него. Он не пошевелился.

Рядом с ним я выглядела малышкой.

– Таков твой истинный облик? – тихо спросила я.

– Это форма, данная мне с рождения. – Его голос был глубокий, в нем слышался сдерживаемый рев.

– А золотой танцор на крыше?

– Он – тот, кем я мог бы стать. Или кем я должен был стать. Его частицы циркулируют во мне, и я способен легко принимать его образ, но я не заблуждаюсь. Вот он – настоящий я. Нельзя отрицать кровь.

Я с ним мысленно согласилась.

Раздался грохот. Шум толпы нарастал. Сайман поднял свою чудовищную голову к потолку.

– Я напуган. Что за ирония? Какая нелепая мысль! – Он вскинул массивную руку, предплечье было покрыто серебристо-голубыми волосами.

Пальцы Саймана дрожали.

– Ничего, – сказала я. – Только безумцы не боятся перед боем. Они не представляют, как умрут.

– Ты боишься, Кейт?

– Всегда.

– Тогда зачем ты это делаешь?

Я вздохнула:

– Страх и есть боль. Он ранит. Я погружаюсь в него и использую как точильный камень, скользящий по лезвию сабли. Он делает меня лучше, я становлюсь собранной. Но я не могу бояться слишком долго, иначе он измотает меня.

– Как ты тогда останавливаешь его?

– Убиваю.

Голубые глаза посмотрели на меня со странной смесью ужаса, смешанного с удивлением.

– И только? Никакой благородной цели?

– Ну... обычно имеется какая-то причина. Необходимость спасти кого-то или что-то. Друга, любовника, невинного, который не заслуживает того, чтобы быть раненным. Иногда я действую исключительно из-за эгоизма. Можно бороться за свое тело, доброе имя или здоровый рассудок. Иногда я просто выполняю свою работу. Но решить бороться и сделать это – две совершенно разные вещи.

– Как ты можешь так жить? Такое существование кажется невыносимым.

Я пожала плечами:

– Как и ты, я не питаю иллюзий. Меня зачали, родили, воспитали и обучили с одной-единственной целью: стать лучшим убийцей. Ничем иным я не занимаюсь.

И в конце концов я смогу убить Роланда, самого могущественного человека на Земле.

– Пора, – из-за двери донесся голос Джима.

Сайман судорожно вздохнул и поднялся. Массивная голова почти коснулась потолка.

Восемь с половиной футов. Вау.

– Тебе больше нравятся Асы?

Слово ударило меня будто молния. Головоломка сложилась.

Вот он танцует на крыше под хлопьями снега и, опьяненный магией, празднует «время богов». Он предстает передо мной то в облике обольстительной блондинки, то в виде импозантного мужчины, то превращается в кого-то еще и еще, – правда, его себялюбивое эго всегда остается при нем.

Теперь он стал огромным монстром, гигант, а не человек.

Я уставилась на него. Он не должен был существовать.

– Скажи, Кейт, я тебе нравлюсь?

- Да, - произнесла я, прокашлявшись. - Так ты все-таки - древний бог? Или кто-то из твоих божественных родственников приставал к простому смертному?

Впервые Сайман улыбнулся, обнажив белые зубы, которые вполне бы подошли полярному медведю.

- На четверть. Этого достаточно. Остальное - мороз и Homo sapiens.

Он поднял сверток с пола. Ткань соскользнула, и я увидела четырехфутовую дубину, усеянную металлическими шипами толще моих пальцев.

Сайман пригнулся и шагнул к выходу.

Я услышала испуганный рык Джима и тоже направилась к двери.

Сайман почти добрался до коридора, каждый шаг, как моих два.

Джим скалился.

- Давай. - Я проверила ножны с Погибелью и последовала за Сайманом.

Красногвардейцы прижимались к стенам.

Джим догнал меня.

- Что он такое, черт возьми?

- Викинги, - выдохнула я, переходя на бег.

- Не понял.

- Викинги называли своих богов Асами.

- Мне это ничего не говорит.

«Золотые ворота» замаячили перед нами, в освещенном прямоугольнике их проема я уже разглядела «Яму» и море зрителей.

Сайман замер в полумраке, дубина покоилась на его плече.

- Он сказал, что он на четверть - Ас. Наверняка его бабке поклонялись викинги. С другой стороны, есть только одно скандинавское божество, которое способно, как Сайман, менять облик. Это Локи, и он был не Асом. Обманщик и великан, ставший богом. Сайман - внук двух божеств, Джим.

С той же легкостью, с которой ребенок снимает с плеча бейсбольную биту, Сайман опустил дубину и выпрямился во весь рост.

Толпа затихла. Молчание затянулось, пока зрители пытались привыкнуть к громадному гуманоиду.

Сайман не стал ждать аплодисментов. С дубиной в руке он шагнул к «Яме».

«Жнец» уже поджидал противника. Тоже нечеловечески высокий с мускулами-канатами, он казался чемпионом-тяжелоатлетом. Его тело было настолько сильно развито, что напоминало изваяние мифологического героя. Если бы я с ним схлестнулась, мне бы пришлось наотмашь бить по суставу - если у него напрягутся мышцы, Погибель может их и не пробить.

На нем были только черные сапоги - и больше ничего. Завихрения узоров из хны покрывали каждый дюйм бледного тела. Он сжимал два тяжелых топора с заточенными лезвиями, каждый длиной в три фута. Предполагалось использовать их двумя руками.

Сайман неторопливо шагал сопернику навстречу. Он возвышался над «Жнецом», рост которого составлял примерно семь с половиной футов. Зато весили оба бойца приблизительно одинаково.

Можно было увидеть ребра Саймана, а вот «Жнецу» будет трудно, не присев, собрать монеты с пола.

Красногвардейцы захлопнули двери и поспешили в укрытие.

В тот же миг решимость покинула Саймана. Легкая дрожь вновь появилась в его руках. Он сгорбился. Я буквально ощущала его ужас, стоя на своем месте. «Жнец» тоже это почувствовал и ухмыльнулся, продемонстрировав заточенные зубы – треугольные, как у акулы.

Запах крови и горячего песка проник в мои ноздри. Я сощурилась от яркого света громадных колдоламп, шагнула к «Яме»... и столкнулась с охранником, преграждающим мне путь.

– Дальше нельзя! Если выйдешь за ворота, ваш боец проиграет схватку.

Он прав.

Я прислонилась к золотой арке. Джим встал рядом.

Теперь дело за Сайманом.

«Жнец» подбросил один из своих топоров в воздух. Тот закрутился, голубоватый клинок засиял, поймав свет факела, а после боец ловко поймал его. Толпе это понравилось.

Раздался гул гонга. Едва его глубокий звон затих, Сайман оглянулся на нас.

– Давай! – хрипло и со странным акцентом прорычал «Жнец».

– Подходи! И я укорочу тебя до нужного размера!

Сайман замешкался.

– Ну!

Сайман оглянулся на меня. Его глаза затуманились от страха. Не следовало вообще отправлять его в эту проклятую «Яму». Никакой он не воин. Неважно, насколько он велик физически, если у него не хватит смелости убить ради выживания, то скоро на куски разорвут его самого.

– Иди, – прошептала я.

Первый шаг, как водится, – самый трудный. Когда он переборет страх, сковавший его, и нанесет удар, с ним все будет в порядке.

Но он должен сделать этот шаг.

«Жнец» широко раскинул руки над головой, словно прося у публики объяснений. Раздались насмешки и улюлюканья, сначала единичные, но они набирали силу, пока не превратились в громкий рев.

«Жнец» взмахнул топорами. Шум стих.

– Сейчас я тебя укорочу! – объявил он.

И он двинулся вперед, ссутулившись и подняв свое оружие.

Сайман попятился. Противник ухмыльнулся, скорчил гримасу и продолжил идти.

А потом он напал на Саймана.

Тот увернулся, но топор в левой ручище «Жнеца» задел его бедро. Кровь обагрила морозно-белую кожу. Шок отразился на физиономии Саймана.

Боец с топорами замер, наслаждаясь аплодисментами.

Сайман уставился на рану. Его губы дрожали. Брови сдвинулись. Дикий свет заплесал в его бледных глазах.

Боль, поняла я. Вот его спусковой крючок. Сайман боялся ее, и стоит ей коснуться его, он сделает все, чтобы не испытывать ее снова.

Он издал дикий вопль и взмахнул дубиной. «Жнец» отскочил в сторону, и дубина с грохотом ударилась об пол, взрыхлив песок. Сайман взмахнул своим оружием снова и бросился в атаку.

«Жнец» отпрыгнул назад. Стальные шипы вспороли его лицо.

«Жнец» нырял влево, вправо, но противник бил его дубиной, будто она ничего не весила.

Монстр с топорами бросился наутек.

Взгляд Саймана стал совершенно бессмысленным. Он заревел и бросился за «Жнецом» через всю Яму.

Теперь его лицо действительно внушало ужас. Саймана обуяла ярость, затмив его разум. Я была не уверена, осознавал ли он сейчас свое местонахождение, но он точно знал, что должен уничтожить убегающего от него «Жнеца».

– Заморозь его, – пробормотал Джим.

Наши взгляды пересеклись, и он покачал головой. Как и скандинавские воины из древних од, Саймана поглотила ярость берсерка, он зашел слишком далеко, чтобы вспомнить, что у него есть магия.

«Жнец» остановился. Когда дубина просвистела около его груди, срезав короткий клочок шерсти, он развернулся и ударил топором, который держал в правой руке, по ее рукояти, пытаясь выбить Саймана из равновесия. Хороший ход.

Дубина, подкрепленная ударом «Жнеца», по инерции пролетела бы дальше, предоставив последнему свободу рассечь руку и бок Саймана.

Топор соединился с дубиной. Лед поглотил синее лезвие, поднялся по рукояти к ручище «Жнеца» и сковал его кулак. Тот закричал. В отчаянии ударил соперника по локтю, но великан отпустил дубину, бросив ее – и Жнеца – на цепь, ограждающую «Яму».

Я не отрываясь смотрела на бойца. У него практически не было шансов отлететь в сторону.

Сайман возвышался над ним с самым безумным видом. Наконец, соединив руки в огромный кулак, он обрушил их, будто молот, на череп противника.

В последний момент тот увернулся, и удар попал в его правое плечо. Хрустнули кости. «Жнец» завыл. Сайман потянулся к нему. Мощные руки схватили плоть бойца.

Сайман поднял его, словно тот был ребенком, и разmozжил физиономию «Жнеца» собственной головой.

Потекла кровь, измазав лоб и щеки Саймана. Он швырнул соперника на ограду из переплетенных цепей и принялся мутузить его кулаками, разразившись целой серией безумных ударов.

Звенья затряслись. С каждым сокрушительным ударом цепи врезались в мускулистую спину «Жнеца», оставляя кровавые ромбовидные выбоины. Его голова болталась. Рыча, Сайман бил и бил, не обращая внимания на красное месиво из крови и костей, испачкавшее и песок, и его самого.

Звенья врезались все глубже и глубже.

– Так он его перережет пополам, – прорычал Джим.

Толпа молчала, ошеломленная свирепым натиском.

Только тяжелое дыхание Саймана, пропитанное яростными возгласами, эхом разносилось по «Яме».

Я повернулась к охраннику:

– «Жнец» мертв! Вытаскивайте его!

Красногвардеец уставился на меня как на душевнобольную:

– Совсем свихнулась? Никто не собирается к нему идти! Никто не хочет умирать.

Группа патрульных столпилась за нами.

– Господи, – пробормотал один из них.

Нам ничего не оставалось, только стоять и наблюдать за тем, как Сайман изливает свой гнев на измочаленный кусок мяса, еще недавно бывший «Жнецом».

Четыре минуты спустя магия схлынула, и победитель остановился, отойдя от трупа.

То, что сползло на пол «Ямы» не имело ничего общего ни с животным, ни с человеком, ни с монстром.

Мокрая, красная, мягкая, это была просто туша. Неподалеку от нее валялись черные сапоги.

Сайман забрал свою дубину. Его транс улетучился.

Он оглянулся, удивленно покачал головой и выпрямился.

Одиноким мужской голос слева закричал:

– Да-а-а-а-а!

Зал взорвался лавиной аплодисментов.

Сайман повернулся, вдохновленный приветствиями, и споткнулся, наступив на залитый кровью сапог.

Он собирался войти в историю «Ямы» как первый герой-победитель с мгновенной регенерацией, истекающий кровью.

– Сюда! – Я подпрыгнула и замахала руками. – Иди сюда!

Ошеломленный Сайман еле волочил ноги.

– Мы здесь! – Рык Джима на мгновение заглушил крики зрителей, ударив по моей барабанной перепонке.

Я засунула палец в ухо и немного покрутила.

Сайман дернулся и повернулся к нам. В бледных глазах вспыхнуло узнавание, и он захромал, ковыляя к нам и волоча за собой дубину.

Охранник распахнул ворота и сорвался с места, как испуганный кролик.

Сайман остановился.

Ради бога.

– Давай сюда! – Я замахала руками. – Ну!

Он опять потащился к нам, используя дубинку как костыль. У него подкашивались ноги, и он бы упал, но Джим подставил свое плечо. Внезапно коридор заполнился охранниками. Они окружили нас, и вокруг будто выросла стена.

– Потеря крови. – Голос Саймана сорвался, задохнувшись.

– В следующий раз не забывай лечиться, – проворчал Джим, удерживая его в вертикальном положении.

– Я победил.

– Да, тебе удалось, – согласилась я. – Ты большой молодец.

Сайман бросил дубину на пол. Я подняла ее, стараясь не сгибаться наполовину под весом оружия. Она и впрямь тяжела для меня. Как минимум шестьдесят фунтов. Я перекинула ее через плечо.

Мы брели по коридору в сопровождении охранников.

– Ты засунул жучок? – спросил Джим.

– Да. Затолкал в грудь. Мне нужно сесть.

– Возьми себя в руки, мы почти добрались.

Напряжение не отражалось на лице Джима, но мышцы на руках уже набухли.

– Кончено, – выдохнул Сайман. – Я так рад, что все кончено.

– Хорошо, джентльмены.

Я подумала указать на то, что не была джентльменом, но голос Рене звучал столь сурово (дескать, заткнись, я работаю), что я решила не спорить и не препираться.

Она осмотрела нас. Сайман сидел на полу, привалившись к стене. Он выпил почти галлон воды, пока кровотечение наконец не прекратилось. Рана начала заживать, и метаморф смежил веки.

Джим стоял неподалеку. Он выглядел так мрачно, что охранники явно чувствовали себя не слишком уютно.

Тем не менее четыре красногвардейца заблокировали вход в помещение, а двое их напарников топтались рядом с Рене. Они наблюдали за нами, словно мы были ворами в ювелирном магазине.

– «Жнецы» – новая команда. Это их первое поражение.

Технически – второе, если считать парня на парковке.

– Мы соблюдаем устав. «Жнецы» наказаны. У вас есть ровно час, чтобы привести помещение в порядок и отправиться в путь, чтобы набрать фору. Настоятельно призываю вас не задерживаться. Мы хотим избежать неприятностей за пределами «Ямы».

Снаружи раздались громкие возгласы.

– «Жнецы» здесь, чтобы поздравить вас.

– Вы в своем уме? – Я встала между дверью и Сайманом.

Погибель уже заблестела в моей руке. Я не помню, как вытащила ее.

– Это двадцатилетняя традиция, – ответила Рене.

Охранники расступились, и к нам ворвались Март и его татуированный приятель.

Рене и красногвардейцы напоминали собак, которые только что заметили оленя.

Март бросил на меня взгляд тысячелетнего мудреца.

– Поздравляем вас с победой! – произнес Цезарь.

– Вот и хорошо. Они слышали ваши поздравления, – тихо сказала Рене. – Теперь уходите.

Март продолжал пялиться на меня.

- Ступайте, - настойчивей повторила Рене.

Март кивнул и направился к двери. В последний момент он оглянулся и швырнул в меня нечто вроде палочки. Я отскочила в сторону, но это было лишнее.

Красногвардеец рядом со мной рубанул воздух лезвием короткого меча, разрезав палочку в полете.

Две половинки моей заколки упали на пол. Небольшой сувенир, который кто-то извлек из тела змееныша на стоянке и доставил Марту.

Рапира Рене едва не уперлась «Жнецу» в горло.

- Повторишь, и ваша команда будет навсегда дисквалифицирована.

Март улыбнулся мне: очаровательная улыбка, полная искренней радости.

Я оскалилась. Ну, сделай это!

Он слегка поклонился, не обращая внимания на ядовитый кончик рапиры в дюйме от его шеи, повернулся на носочках и слинял.

Рене последовала за ним.

Мы привели великана в апартаменты Дюрана под тем предлогом, что хозяин хочет познакомиться с победителем.

Сайман рухнул на роскошную кровать.

Огромное тело содрогнулось, и через секунду монстр превратился в Томаса Дюрана, после чего Сайман закрыл глаза и уснул. Я накрыла его одеялом, и мы вышли.

Мы покинули «Арену» без каких-либо происшествий, сели верхом и отправились в сторону Даунтауна.

Джим выглядел так, словно его завернули в колючую проволоку: напряженный, взвинченный. Он держался прямо и старался сохранять неподвижность.

- Эта лошадь заслуживает медали за то, что не сбросила тебя.

Поток непристойной брани хлынул на меня. Проведя значительное время в компании оборотня, я быстро уловила суть его неудовольствия из грязной тирады. Если бы он знал, что технологии собираются нагрянуть, то взял бы с собой средство передвижения, потребляющее кучу горючего, вместо двух кусков мяса с худыми ногами и истеричным нравом.

Мы повернули на юг и обогнули Даунтаун. Теперь мы ехали к южной оконечности Юникорн-лейн.

«Жнецы» всегда направлялись по прямой на север. Вероятно, они смогли бы учуять наш запах, если бы мы использовали их проторенный маршрут, но так они ничего не заподозрят. Мы проявляли осторожность.

Мы добрались до цели после четырех утра.

До восхода солнца еще далеко. Впереди раскинулась Юникорн-лейн. Губительный шрам Атланты.

Разрушенные офисные высотки, скрученные и выпотрошенные, растянулись слева и справа. Ни дать ни взять - обломки кормы поврежденных кораблей, которые вот-вот потонут в бурном море изломанного асфальта. Лунный свет сверкал на грудях разбитого стекла, остатков тысяч разбитых окон. Желтые ворсинки ядовитого мха стекали с заброшенных линий электропередачи. Еще за несколько кварталов до Юникорн ландшафт стал слишком неровным и трудным для наших лошадей.

В отличие от северного участка, где улицы иногда доходили прямо до Юникорн-лейн, здесь мусор захламлял все окрестности, превращая дороги в реки сточных вод. Из-за

вони у меня заслезилась глаза. У меня никогда не было жгучего желания носить использованный подгузник на лице, но, думаю, для моего носа эффект был бы очень похожим.

При нашем приближении из тени вышел мужчина. Я узнала его. Динго.

Он отдал Джиму комплект ключей от машины.

– Они нагнали вас, – хрипло произнес он. – Около получаса назад. Пришли с севера, проехали около мили и остановились.

Джим кивнул. Динго, забрав лошадей, растворился в полумраке. Мой напарник нырнул в разрушенное здание, я последовала за ним. Там уже стоял джип Стаи.

Джим коснулся цифрового дисплея, прикрепленного к приборной панели. На экране зажглась зеленая сетка, и я узнала очертания Юникорн-лейн. Маленькая зеленая точка мигнула рядом с центром.

Джим нахмурился:

– Быстрые ублюдки.

«Жнецы» догнали нас здесь, несмотря на час форы. Правда, мы выбрали длинный путь, однако они проявили нечеловеческую скорость.

Джим сбросил пальто и передал мне прямоугольную коробочку. Я открыла ее. Камуфляжная краска. Три разных цвета, каждый занимает свою секцию. Было даже маленькое зеркало.

Такую краску надо растирать между ладонями, чтобы согреть ее. Иначе лицо будет поцарапано, словно тебя погладили мотком колючей проволоки.

– Подумать только! У тебя все схвачено.

– У меня есть связи, – ответил Джим и усмехнулся одними губами.

Я намазала щеки и лоб слоем коричневого камуфляжа, украсив себя напоследок пятнами серого и зеленого, чтобы посильнее исказить черты лица.

Джим легко нанес краску, даже не глядя в зеркало.

Точка не двигалась.

Я проверила свой пояс: бинты, скотч, травы. Нет набора регенерации. Ладно. Они почему-то не срабатывают в десяти процентах из ста. Невозможно предугадать, поможет ли такое средство на Юникорн-лейн. Может, при его использовании у меня вырастут лишние зубы, а может, от тела оторвется кусок кожи вместе с мясом.

Придется заботиться о ранах по старинке.

Мы вышли из джипа и пошли вдоль улицы.

Спустя полчаса мы добрались до изогнутого пластикового корпуса огромной вывески, рекламирующей марку давно забытой косметики. Мы находились примерно в полумиле южнее от цели, обозначенной на дисплее зеленой точкой. Еще немного, и мы наверняка столкнемся с дозорными.

Ничто не указывало на то, что «Жнецы» их расставили, но кто сказал, что они не заботятся о собственной шкуре?

А ведь нам еще топтать и топтать по Юникорн. Хорошо хоть, что магический прилив схлынул.

– Хочешь пойти первым? – предложила я.

Джим покачал головой:

- Ты води, я за тобой.

На Юникорн-лейн мое чувство магии гораздо лучше, чем у него.

- Никогда бы не подумала, что доживу до этого момента.

- Ты, может, и не увидишь рассвет.

Впереди баррикада из валунов преграждала нам путь, влажная и блестящая от потусторонних испарений. Я проскользнула между ними.

Ничего не трогай. Не думай.

Доверься чувствам.

Я знала, что позади меня Джим шагнет ровно туда же, куда и я. Он замрет, когда я остановлюсь.

Мы перебрались в узкий переулок, обогнув обломки. Мох над нами вздрагивал на переплетении проводов электропередачи, капая едкой слизью.

Справа от нас находилось ветхое здание. В окне второго этажа что-то блеснуло. Так и есть - пара горящих глаз. Узкие, залитые алым цветом, лишенные радужной оболочкой, они следили за нашими перемещениями, но их владелец ничего не предпринимал.

Мы обогнули какую-то грязную махину, и я обнаружила слева от себя металлическую клетку. Она была достаточно большой, чтобы вместить человека, и выглядела совершенно новой. Никакой ржавчины. Никаких царапин. Я продолжила идти, не сводя с нее глаз.

Давай, Кейт.

Десять футов. Восемь. Семь.

Что-то не так. Я застыла.

Клетка дернулась, раскрывшись, как цветок. Прутья согнулись. Металл струился подобно воде, превращаясь в жуткие лапки насекомого, которые оканчивались бритвенно-острыми когтями. Еще секунда, и в сумраке возникло туловище, покрытое черной щетиной. Монстр изогнулся и прыгнул на нас, вытянув лапки-стержни и когти, чтобы прикончить незваных гостей.

Я поднырнула под туловище твари и вонзила Погибель прямо ей в живот.

Я сгорбилась в темном подполье очередного полуразрушенного здания. Позади меня стоял Джим. Раздался шорох. Я знала, что оборотень заранее вытащил маленький флакон из кармана. Я завела руку за спину, схватила рубашку и задрала ее, обнажив спину. Жидкость полилась на саднящую рану на позвоночнике и опалила меня жжением дезинфицирующего средства.

Я услышала слабое шуршание медицинского скотча. Джим шлепнул бинт на порез и приклеил его. Последнее, что мне нужно, - истечь кровью на Юникорн-лейн.

Правда, учитывая мою невезучесть, можно предположить, что моя кровь сейчас достигнет точки кипения. За те полчаса, что прошли с тех пор, как мы ступили на Юникорн, на нас нападали уже четыре раза, причем твари были совершенно мне неизвестны.

Пальто Джима превращалось в отрепья, а кровь свидетельствовала о том, что целостность его могучего облика подвержена серьезной угрозе.

Я опустила свою рубашку и посмотрела вверх. Прямо перед нами находилось массивное здание. Не отель или офисный центр - те имели тенденции раскалываться, когда они падали, как бревна, или разрушаться сверху вниз, поэтажно сжираемые магией. Нет, это строение оказалось длинным и приземистым. Может, торговый центр? Один из тех

гигантских, но уже исчезнувших универмагов вроде «Сирс» или «Белк»?

Здание, с которого еще не совсем слезла коричневая краска, стояло в центре Юникорн. Крыша и верхний этаж отсутствовали, поглощенные магией. Скрученные стальные балки выступали из-под гипсокартона, как из-под полусгнившего каркаса. Зелень блестела сквозь крупные щели в самой конструкции.

Я посмотрела на Джима. Он кивнул. База «Жнецов». Должно быть.

Мы присели на корточки. Пять минут.

Еще пять. Постепенно окрестности окрасились тусклым светом, предвещающим восход солнца. Теперь зеленый покров за зданием стал кристально ясным: деревья. Насколько мне известно, в центре Юникорн-лейн не было парков. Откуда взялась растительность?

Войти в логово «Жнецов», которые наверняка поджидают нас во всеоружии, показалось мне новым верхом глупости. Я не настолько амбициозна.

Гораздо лучше сделать ставку на стену.

Ползи, забирайся наверх, осмотри игровое поле.

Но пока мы сидели. Прислушивались. Наблюдали. Ждали.

Никакого движения. Никакого шума. Я коснулась своего носа. Джим покачал головой. Никаких нужных нам запахов.

Магия накрыла нас удушающим приливом. Жестокая сила бурлила на Юникорн-лейн.

Она пронзила и меня: у меня перехватило дыхание, а потом все вдруг стихло. Я погрузилась в обманчивое спокойствие. Не очень хорошо.

Низкий грохот нарастал в тишине. Джим зашипел. Поток воздуха вырвался из здания, будто огромная труба попыталась исполнить фанфары, но ей удалось сыграть только одну мощную ноту, настолько заряженную магией, что она скользнула по моей коже как физическое прикосновение. Звук приглушенного торнадо прокатился в безмолвии предзакатного часа. Я слышала его дюжину раз в своей жизни – и всегда с экрана телевизора. Это был гул двигателя самолета. Откуда?

Я помчалась через улицу. Джим пробежал мимо меня, вскочил на стену и полез, как геккон, наверх. Хорошо быть ягуаром-оборотнем. Я врезалась в стену и начала карабкаться, находя за что уцепиться в осыпающейся штукатурке и оголенном каркасе здания.

Джим добрался до участка, где осыпалась стена, и коротко, болезненно вскрикнул. Его руки отдернулись, позвоночник выгнулся, а ноги оторвались от стены.

Он держался за какой-то карниз и бился в конвульсиях.

Я продолжала карабкаться наверх. Пальцы зацепились за выступ, и штукатурка развалилась под давлением моих рук. Я соскользнула, но ухватилась за железный прут и продолжила подниматься.

Жуткое давящее ощущение прокатилось по моей коже, будто грубый, как наждак, язык соскоблил слой клеток с каждого дюйма моего тела. Немного оторвал от лица, от плоти, скрытой одеждой, изрезал пальцы ног, промчался внутри ушей, ноздрей и даже отсек частицы с глаз.

Защита. «Жнецы» поставили подрывные мины-ловушки на верхнюю часть здания. Умно. Я не почувствовала их. Мы угодили в засаду.

Боль пронзила меня, обжигая каждый миллиметр тела. Я закричала, забилась в судорогах, но захлопнула рот, когда огонь опалил его изнутри. Стук моего сердца напомнил уши громким, быстрым ритмом. Я чувствовала, как меня опутывают, уничтожая мою плоть, клетку за клеткой. Не в силах сделать ничего, кроме как молотить ногами и извиваться, я вращалась на невидимом вертеле. Рядом со мной раздался треск

раздираемой одежды Джима. Ягуар вырвался наружу. Времени было в обрез. Нам требовались отчаянные средства. Я выплюнула слово силы:

- Даир.

Отпусти.

Магия вырвалась из меня ослепительной вспышкой агонии, будто я сунула руку в живот и вырвала комок внутренностей. Я видела только черноту и чувствовала вкус крови.

Защита распалась и исчезла. Ноги ударились о твердую реальность стены, и я, ослепшая, застыла, боясь пошевелиться. Шок после происшедшего пронзил меня.

Во время Вспышки легко использовать слова силы. Но теперь магия вновь отхлынула, и если я произнесу еще одно – без отдыха, – то рискую потерять сознание. Что-то приземлилось рядом со мной. Твердые руки схватили меня, успокаивая, кончики ногтей царапали мою кожу. Джим.

Темнота, блокирующая мое зрение, рассеялась, и я увидела два зеленых глаза, всматривающихся в мое лицо. Джим повернулся и ткнул лапой в сторону деревьев. Взглянув в том направлении, куда указывал его коготь, я ахнула.

Широкая лесистая долина плавно спускалась вниз, а затем резко переходила в голубые вершины гор за ее пределами. Окрашенные мхом скалы серыми шипами пробивались сквозь зелень. Между ними виднелись кроны исполинских деревьев: стволы достигали головокружительных высот, ветви увивали виноградные лозы с красивыми желтыми цветами. Тут и там сидели яркие птицы, будто сверкающие драгоценности. Ветер доносил до меня цветочный аромат, смешанный с запахом моря.

Я оглянулась назад. Городское кладбище. Посмотрела вперед: сказочные джунгли. Зачарованная долина может вместить по крайней мере большую часть Атланты.

Я прилипла к стене, продолжая размышлять. Это иное измерение, карман реальности, наполненный магией? Или портал? Если «Жнецы» чувствовали необходимость защитить его ловушками и убить любого злоумышленника, то, должно быть, место имеет для них огромную ценность. Возможно, там находится их дом.

Рядом со мной Джим, вытянув шею, вдохнул ветерок, как делают оборотни, когда хотят изучить запахи. Перевертыш трансформировался у меня на глазах. Очертания тела изменялись, перетекали, приобретали другую форму под воздействием джунглей. Обычно неуклюжий в боевом облике, он стал лощеным и изысканным, как изящный кинжал, его человеческая и звериная стороны обрели идеальный баланс. Пальто стало золотистым, черные бархатные завитки-розочки оттеняли блестящую ткань. Джим открыл рот, и я услышала мягкое рычание, напоминающее кошачье мурлыканье.

Звук был заглушен раскатом грома.

Ослепительное сияющее строение показалось на востоке джунглей, медленно вздымаясь над деревьями.

Квадратной формы, с углами, оканчивающимися приземистыми башнями с серебряными куполами, оно смахивало на дворец. Первый этаж был сплошной стеной со множеством скульптур, его поверхность сияла металлическим отблеском.

На вершине стены находился колонный зал: гигантские воздушные арки, образованные тонкими колоннами и огороженные низкими решетчатыми перилами. Выше, на крыше здания, был разбит цветущий сад с декоративными водопадами – буйство экзотики, – по сравнению с ним даже джунгли казались бесплодными. Причудливые деревья раскинули свои ветви, покрытые кроваво-красными гирляндами виноградных лоз.

Тысячи цветов распустились в один миг.

Гул нарастал. Дворец увеличивался в размерах, стремясь достигнуть неба. Облако пара клубилось у его основания, сливаясь в плотную завесу тумана. Мгновение спустя строение поднялось еще выше и унеслось прочь.

Я моргнула пару раз и протянула Джиму руку:

– Ущипни меня.

Когти царапнули мою плоть.

Ой.

Я посмотрела на пару красных точек на предплечье и, облизнув их, ощутила острый укус магии в язык. Ага. Правда. Я только что видела, как улетел золотой дворец.

Джунгли расступились, и я увидела огромную поляну, которая отмечала то место, где «отдыхал» дворец. Она не пустовала: там было множество полуразрушенных зданий из песчаника с двускатными крышами. Они выделялись на фоне буйной зелени, а еще я заметила руины ворот, обвитые лианами, а за ними – высокий каменный шпиль.

– Дом, милый дом? – пробормотала я.

– Мы должны зайти в гости. Я голоден.

Я чуть вниз не упала. Джим не мог говорить в таком обличье. Ну, раньше не мог. Грозные челюсти перемалывали слова в клочья, но я понимала их смысл.

– Джунгли пошли тебе на пользу, – сказала я.

– Место что надо.

– Если мы пойдем туда, то нет никаких гарантий, что выберемся.

Джим пожал плечами:

– Пока ты в деле, я тоже.

Я огляделась.

Мускулистая рука с силой обхватила меня за талию. Джим оттолкнулся от крыши, и внезапно мы оказались в воздухе, летя высоко над землей. Мое сердце пыталось выпрыгнуть из горла. Мы пробили купол из крон деревьев и приземлились на толстую ветку. Я вспомнила, что надо дышать.

– Предупреждай в следующий раз.

Джим издал хриплый звук, подозрительно напоминающий смех.

– Добро пожаловать в джунгли.

Мы оказались в самой настоящей чаще. Стройные стволы с глянцевой овальной листвой перемежались с высокими тиковыми деревьями и пышными растениями. Тут и там виднелись фикусы и неизвестные мне кустарники с розовыми и фиолетовыми цветками, похожими на орхидеи. Темную кору изогнутых акаций усыпал слой желтой пыльцы мимозы.

На деревьях с искривленными стволами висели гроздья оранжево-красных бутонов, таких ярких, что казалось, будто ветви охвачены пламенем. Виноградные лозы оплетали это великолепие, наполняя воздух ароматом, отдаленно напоминающим жасмин.

Я старалась двигаться как можно тише, но Джим уже дважды показал мне зубы. Он проскользнул сквозь листву на мягких лапах: тихий и смертоносный, как призрак.

Мы забрались на вершину пологого холма, чтобы обозреть окрестности.

Внизу раскинулись руины древнего города. Между полуразвалившимися строениями виднелись гранитные валуны. Здания и квадратные павильоны смахивали на островки, выступающие из моря зеленой травы. Заросшая улица, вымощенная гладкими четырехугольными плитами, проходила по диагонали слева от нас и заканчивалась

рыночной площадью.

В дальнем конце поляны внешние стены башни пронзали небо: высокое квадратное основание, на котором располагались все меньшие по размеру ярусы такой же формы. Конструкция смахивала на дравидский храм. Хотя кто его знает? Я не эксперт по Индии.

Я посмотрела на Джима. Он живо вскочил на крышу ближайшего сооружения и начал изучать старый город. Я же спряталась в зарослях и замерла в ожидании.

Птицы вокруг меня пели дюжину мелодий. Я наблюдала за джунглями. Никаких признаков млекопитающих. Никаких рептилий, скользящих по веткам деревьев, никаких отпечатков лап или царапин на стволах. Казалось бы, здесь должны быть обезьяны, лисы и, возможно, волки. Но – нет.

Только птицы продолжали выводить свои трели.

Джим вернулся ко мне.

– В одном здании можно жить. И я видел «Жнецов»: как минимум троих.

– Охотники?

– Наверное. Много звериных запахов – и еще кровь.

Значит, я ошиблась насчет животных.

А в действиях «Жнецов» есть смысл – летать в волшебном дворце здорово, но ведь все равно надо добывать себе пищу.

На их месте я бы оставляла здесь охотничьи группы и время от времени навещала их, чтобы забрать мясо.

– И человеческая кровь тоже, – добавил Джим.

А вот это никогда не означало ничего хорошего.

Мы направились в руины, Джим по крышам и по земле, прижимаясь к древним стенам. Незнакомые цветы, оранжевые, лимонно-желтые и алые, цвели среди останков зданий. Пьянящие ароматы плыли в воздухе, придавая пикантность ветерку. Я чувствовала запах сандалового дерева, ванили, корицы, жасмина и чего-то цитрусового... Может, кое-кто из «Жнецов» изготавливал духи?

Мы добрались до широкой площади, отмеченной статуей каменной колесницы. Четыре крылатых слона, запряженные в нее, были вырезаны с точностью до деталей: от клыков до кисточек на пополах. Каждый достигал размера сенбернара. Колесница, стоящая на богато украшенных колесах, которые, казалось, действительно могут вращаться, идеально бы подошла летающему дворцу.

В ней сидел и каменный истукан – примерно такого же размера, что и слоны. Многочисленные руки, словно перья павлиньего хвоста, распускались от плеч существа с несколькими головами. Я не могла видеть другую сторону, но, если статуя была симметричной, их могло оказаться по крайней мере десять.

Я смотрела на лица изваяния. Одно было мужским и идеальным по красоте, другие просто оказались мордами чудовищ.

Джим прыгнул на крышу здания, стоящего напротив скульптуры. Присев на корточки, оборотень посмотрел на меня. Я опустилась на колени у колеса повозки. Строение, на котором устроился мой напарник, было темным, вытянутым, с крепкими стенами, узкими окошками. И хорошо отремонтировано.

Логово «Жнецов». Какая прелесть.

Джим ткнул большим пальцем через плечо. Ясно. Прячься.

Я бросилась в сторону и пробежала через руины обратно. Вытащила Погибель из ножен и начала пробираться вдоль остатков городской стены, чтобы занять более выгодную

позицию.

В конце концов я остановилась: отсюда я могла наблюдать за всем происходящим на площади.

Джим прыгнул с крыши. Пасть оборотня широко открылась. Раздался протяжный раскатистый рев, который окончился раздраженным кошачьим ворчаньем.

Вызов.

В ответ раздался глухой гул. Двое вышли из здания. Я видела их со спины. Мужские фигуры, широкоплечие, плотного телосложения, в одинаковых брюках и футболках.

Джим сплюнул и снова зарычал, чтобы привлечь внимание «Жнецов». Никто не слышал и не видел меня.

Один из здоровяков сорвал с себя футболку. Кожа на его спине треснула. Монстр содрал человеческую плоть с левого плеча, обнажив деформированную ключицу.

Его руки сжимали остатки кожи и стягивали ее с тела, как тонкий больничный халат. Монстр отбросил клочья и стал надуваться и набухать: вскоре он достиг семи футов в высоту. Густой черный мех в оранжевую полоску, схожий с тигровой шкурой, обтягивал наподобие трико. Он развел руки в стороны, и я поняла, что случилось с его ключицей, второй набор плеч ответвлялся от позвоночника, располагаясь параллельно в одном ряду с первым. Четыре мускулистые ручищи согнулись, царапая воздух.

Его приятель издал хриплый вздох и тоже сбросил одежду. Он остался в облике человека с соответствующим количеством конечностей – спасибо Господу за маленькие радости, зато вместо кожи на его теле поблескивала кроваво-красная чешуя.

Я, конечно, ожидала, что нас тепло встретят, но никто даже не упомянул про бесплатный стриптиз.

Джим опять зарычал. Четырехрукий уродец наклонился вперед. Оглушительный рев накрыл меня, глубокий, первобытный звук древнего хищника, охотящегося за своей добычей в темноте.

Он заглушил рычание Джима, и тот сделал шаг назад.

Монстр взревел еще громче, принимая отступление оборотня как должное и обещая не проявлять милосердия.

Тварь была больше Джима и на сто фунтов тяжелее.

Перевертыш зашипел. Четыре ручищи жестом подозвали его. Ягуар прыгнул на противника. В тот момент, когда они столкнулись вихрем зубов и костей, я вонзила Погибель в спину красночешуйчатого. Лезвие вошло чуть глубже, разрежало позвоночник и вышло наружу с фонтанчиком крови. «Жнец» повернулся, но ноги подвели хозяина. Он рухнул на землю, показав мне свое лицо: человеческое и невероятно прекрасное.

Джунгли застонали. Кто-то гибкий и стройный перепрыгнул через меня и приземлился на камни. Женщина? Самка? Мятно-зеленое тело было покрыто шерстью на груди и животе и усыпано иглами, как у дикобраза. Пальцы оканчивались когтями длиной в мою ладонь.

Незнакомка посмотрела на меня желтыми глазами и бросилась в атаку.

Когтистая рука сильно меня ударила. Я уклонилась влево, но противница поймала меня. Боль пронзила мой бок.

Особь ринулась, пытаясь поразить меня сзади. Я позволила ей это сделать, развернула клинок в другую сторону и нанесла удар в мягкие внутренности – прямо под грудную клетку. Погибель вгрызлась в плоть, встретив упругое сопротивление, и я вытащила лезвие наружу.

Самка атаковала меня левой рукой, игнорируя кровь, хлещущую из живота. Я обернулась и отступила, уклоняясь. Когти просвистели рядом с моей щекой. Я снова увернулась. Удар, удар, удар. Никакого изящества и особой подготовки. Так дерутся коты: царапают то, что видят. Как тот змееныш на стоянке.

Я поднырнула под когти и порезала внутреннюю часть бедра особи. Это стоило мне новой вспышки боли в спине, и я откатилась назад.

Удар, удар, удар. Танцуй со мной, детка.

С каждым шагом ее мех все сильнее обагрят кровь.

Она потеряла смертоносную скорость. Ее грудь вздымалась. Она споткнулась, качнулась, и я поймала ее, насадив на меч. Погибель прошла ее грудную клетку, вышла из спины, яркая от артериальной крови.

На противоположной стороне площади четырехрукий урод оторвался от Джима, бросился к деревьям, подпрыгнул на нечеловеческую высоту и скрылся в ветвях. С рычанием оборотень последовал за ним и тоже исчез в джунглях. Бежать за ними и присоединяться к драке бесполезно: пустая трата времени. Я не могла сравниться с ними в скорости, и вряд ли леопарду требуется моя помощь в лесной охоте.

Я сняла безвольное тело с сабли и направилась к чешуйчатой твари.

Он распростерся на траве, быстро и неглубоко глотая воздух. Дверь в здание зияла черным прямоугольником.

Я взмахнула «Погибелью», стряхивая с нее кровь, и вошла в дом.

Мне понадобилось меньше минуты, чтобы проверить три огромных мрачных комнаты. Пусто.

Я вернулась наружу и присела на корточки рядом с чешуйчатым. Рана в спине оказалась глубокой. Я разбила ему часть позвоночника, и даже при ускоренной регенерации в ближайшее время он ходить не будет.

– Неделю назад молодой перевертыш пытался отобрать у вас девушку, – сказала я. – Вы избили его, пытали и бросили около офиса оборотней, но оставили в живых. Зачем?

Надеюсь, он понимает по-английски.

Чешуйчатые губы растянулись в гримасе, которая могла быть улыбкой, если бы не змеиные клыки.

– Отправить... сообщение.

– Что за сообщение?

– Мы сильнее. Мы одержим победу над полукровками.

Ладненько.

– Кто такие полукровки? Оборотни?

– Наполовину люди, наполовину звери... Две основные расы становятся одной. Отбросы мира... Мы застанем врасплох... Мы одоеем... Мы... – Он закашлялся.

– Есть надежда на мир?

Чешуйчатый напрягся, чтобы оторвать голову от земли. Алмазные зрачки буравили меня.

– Мы... не... заключаем мир, – добавил он еле слышно. – Не... заключаем... договоры. Мы убиваем. Убивай и сжигай. Ешь мясо. Празднуй. Господствуй в лагерях полукровок...

– Значит, вам нужна территория Стаи?

«Жнец» напрягся, чтобы сказать что-то еще. Я наклонилась к нему. Он сделал последнее усилие.

– Изнасилую, – пообещал он. – Много, много раз. Пока ты не истечешь кровью...

– Польщена.

Он поднял руку и провел короткую линию на моей груди.

– Вырежу твое сердце... не буду готовить на огне... съем его сырым, когда все полукровки сдохнут.

Разговор застыл.

– Кто вы такие?

– Воины... величайшие.

Трудно быть величайшим, когда твой позвоночник поврежден.

– Как тебя зовут? У тебя есть имя?

Он закатил глаза к небу.

– Слава... армия... кровь, как расцвет алого цветка... Скоро. Очень скоро. У нас будет камень. Мы выполним обещание, данное Султану Смерти, и уничтожим полукровок... Мы займем их место, станем сильнее, и, когда придет наше время... мы должны... научить Султана Смерти смирению.

– Кто такой этот Султан?

Глаза «Жнеца» полыхнули упрямым отказом.

Я сунула руку за пояс, достала флягу с жидкостью для розжига и спички.

– Эта жидкость любит огонь. И горит очень долго и жарко. Скажи мне, как отменить магию, которую вы наложили на оборотня, и я не вылью ее тебе на грудь и не подожгу.

– Человек... я выше... тебя.

– Но не выше боли. – Я стянула крышку с фляги.

Он оскалился и сглотнул. Не издал ни звука. Его глаза закатились. Короткие, резкие стоны вырывались из горла, будто он внезапно онемел. Он вздрогнул, вцепился в свою шею...

Он задыхался.

Я воткнула Погибель меж его клыков.

Двадцатью минутами позже гортанный кашель оповестил о возвращении Джима. Я ждала его у тела чешуйчатого. Он прыгнул с дерева и бросил обмякшее тело на землю. Выпученные мертвые глаза уставились на меня. Да уж, уродливый тип. Так мог выглядеть гибрид тигра и китайской храмовой собачки.

– Оборотень? – спросила я.

– Нет. Пахнет неправильно.

Ягуар взглянул на две распростертые фигуры и пнул чешуйчатого. Тот молчал, и Джим слегка фыркнул.

– Проглотил собственный язык, – объяснила я.

Джим вздохнул, чисто кошачий фатализм исказил его полужвериную личину.

– Ты что-нибудь узнала, прежде чем он сдох?

- Они сделали это с Дерексом в качестве объявления войны. Согласно его словам, вы – отбросы, помесь основных рас людей и животных, и заключить мир с вами невозможно. Они ненавидят Стаю и собираются убить вас в славной бойне, заполучить камень, а потом закатить пир на весь мир из вашей плоти. Они заключили союз с каким-то Султаном Смерти. Он поможет им убить вас, после чего они надеются обмануть и его. Чуть не забыла: они меня изнасилуют много-много раз.

Было трудно закатить глаза в обличье химеры. Джим приложил невероятные усилия.

- Кто такой Султан Смерти?

- Без понятия.

Роланд наверняка подойдет по всем пунктам. Я не сказала это вслух. Роланд – центр моего существования.

Сколько я себя знаю, я понимала, что должна убить его и что если когда-то он услышит о моем существовании, то пойдет на все и пожертвует всем, что у него есть, чтобы уничтожить меня. Его власть невероятна. Легенды ходили на протяжении веков, и у каждой древней цивилизации имелись записи о его правлении. Охотиться на него – сродни охоте на божество. Мне нужно накопить побольше опыта и набраться сил, прежде чем я смогу хотя бы задуматься о возможности будущего противостояния. Пока мои способности не позволяют мне даже отслеживать его. Поэтому приходилось прятаться, осознавая, что меня могут раскрыть в любую минуту.

Моя паранойя зашла так далеко, что удивительно, как я не начала искать агентов Роланда у себя под кроватью.

Любая таинственная угроза, неизвестная опасность или простое упоминание о магически могущественном существе – все автоматически наводило меня на мысли о Роланде. Да, Султан Смерти – это прозвище идеально подходит ему: ведь он принес нежить в мир. Но прозвище может относиться и к кому-то другому. То, что на нем заикнулась я, не означало, что и остальной мир – тоже.

- Что снова возвращает нас к «Волчьему алмазу». У меня такое чувство, что они планируют использовать его в качестве оружия. Послушай, он же сказал: «У нас будет камень», как любой из оборонщиков мог бы сказать: «У нас будет поддержка с воздуха».

Джим выругался.

Я провела его внутрь, в первую комнату. Каменный стол занимал почти все свободное пространство. На нем лежали останки жертвы Саймана. Клочья плоти с крошечным количеством костей возвышались, как мясные отрубы в лавке. Рядом стояли черные сапоги. Я подошла к огромному морозильнику из нержавеющей стали, расположенному у стола.

Он не работал – в руинах не нашлось ни единой электрической розетки, – но был заполнен сырым мясом. Стейки, котлеты, ребрышки, свиные отбивные, ломти вяленой оленины... одни были завернуты в пластик, другие – в пергаментную бумагу, а третьи – просто лежали стопками. С некоторых еще стекала кровь.

Я отвернулась и указала налево, там, в углу, лежали длинные куски мяса с кожей цвета кофе со сливками.

Джим вдохнул и отпрянул:

- Человек?

- Да.

Он зарычал и сплюнул. У меня была почти такая же реакция, когда я только поняла, что это такое.

Ублюдки поймали какого-то человека, убили его, порезали и сунули в морозилку, чтобы съесть. Мы никогда не узнаем его имени. Или пол, если уж на то пошло.

Кто-то не вернулся домой, и никто никогда не узнает почему. Меня затошнило.

Джим взглянул на стол, где лежали останки «Жнеца».

– Каннибалы.

– Равные возможности хищников: любая плоть – мясо. Они не проводят различий между ними. Здесь есть еще.

Джим пошел за мной во вторую комнату. Пыльная и пустая, она могла предложить несколько соломенных ковриков, сваленных как попало. На стене висело панно с тремя сценами. Оно было прикреплено скотчем, а нарисовано на листе простой коричневой бумаги. Первая картина с броскими красными, зелеными и золотыми красками изображала адскую кузницу. Водопад расплавленного металла стекал в широкий бассейн. Наковальни стояли слева и справа, молнии и скрученные металлические инструменты болтались на крюках на потолке, черный дым поднимался, затеняя края панно и скручиваясь, образовывал рамку вокруг кузницы.

Демон поднял гигантский молот, критически разглядывая наполовину выкованный меч в своей руке. Темная борода скрывала его лицо, глаза светились алым.

На соседней панели была изображена комната, усыпанная подушками. Красивый мужчина лежал в ее центре, одетый в прозрачные одежды и окруженный обнаженными женщинами с гирляндами цветов. На полу стояли вазы с фруктами. Изящный мужчина оказался тем самым кузнецом: темная борода выдавала его. Он довольно-таки хорошо привел себя в порядок.

Третья часть панно была не закончена. Поверх слабого карандашного наброска успели только нанести бледно-золотистый тон.

Изысканный мужчина из средней части картины стал богом: у него было три дополнительных головы и шесть рук. Одно лицо смотрело прямо на меня, два других он повернул в профиль, а контур сзади намекало на четвертое – отвернувшееся от меня. Север, восток, юг и запад.

Два огромных крыла торчали из его плеч, а между ними переливался иллюзорный город: множество изящных башен и куполов, защищенных стеной. Стиль росписи не указывал ни на какую конкретную мифологию, скорее изображение походило на комиксы. Позы стилизованы, мускулатура мужчины сильно преувеличена, а каждая из женщин на панно – а куда же без них? – была оснащена крошечной попкой, длинными ногами и идеально круглой грудью, смахивающей на вымя.

– Ничего не напоминает? – Я посмотрела на Джима.

Он покачал головой.

– Аналогично.

Я сняла панно со стены и скатала его в трубку.

Оборотень сгреб останки «Жнеца» со стола и последовал за мной.

Я вернулась к морозильнику. Мне хотелось похоронить расчлененного человека, но у нас уже не было времени. Я сняла с пояса кожаный мешочек, развязала скрепляющий его шнурок и посыпала мясо темно-зеленым порошком, стараясь не вдыхать и не прикасаться к нему.

– Приправляешь? – спросил Джим.

Я обернулась. Оборотень застыл на пороге.

– Водяной болиголов. Его еще называют цикута. – Я убрала мешочек. – Тридцать минут, и рвота во все стороны, сильные судороги, ну или навсегда повредит нервную систему. Небольшой подарок от меня к столу «Жнецов».

Джим вышел наружу, схватил четырехрукого урода и многозначительно уставился на остальные тела, раскинувшиеся на земле. Вот наши улики. Мне точно придется выбрать себе какую-то тварь. Чешуйчатого монстра, зеленую особь с иглами дикобраза или

измочаленную тушу жертвы Саймана.

Хм, дайте-ка подумать.

Нести трупы при ясном свете дня – особенно если у одного четыре руки – исключает само понятие «не привлекать внимания» и сигнализирует взрывами фейерверков. В особенности когда те, если кто их несет, залиты кровью и вообще выглядят так, будто их протащили сквозь живую изгородь. Не говоря уже о том, что один из них – оборотень в боевом облике а другой – женщина, которая сгибается под неудобоваримым грузом.

К счастью, окраины Юникорн-лейн были пустынно. Нужно относиться к определенной породе придурков, чтобы вообще подойти сюда. Вероятно, Атланта испытывала в них нехватку, и сегодня мы с Джимом оказались единственными придурками такого уровня.

Неудачливая жертва Саймана, наверное, весила тонну. Мы без проблем выбрались из джунглей, но я потратила почти все силы на то, чтобы протащить окровавленную тушу по всей Юникорн. Я ступила на своего рода неизведанную территорию, где только следующий шаг имел значение. С трудом могу вспомнить, как я отыскала укрытие, где был джип. Я очень удивилась, обнаружив вместо него телегу с запряженной в нее парой лошадей. Вероятно, динго позже привел их сюда сразу после очередного магического прилива.

Жаль, мы его не застали.

Еще я помнила, как укладывала трупы в повозку, укрывала их брезентом и протискивалась вперед, чтобы править. Джим, будучи лидером в списке самых разыскиваемых преступников Кэррана, должен находиться вне поля его зрения. Затем мы ехали через весь город в утреннем потоке разномастных средств передвижения.

Бок и спина горели от боли, любезно не давая мне уснуть. Слой грязи смешался с кровью «Жнецов» на моей коже, правда, лучи осеннего солнца высушили все это, образовав корку на лице и волосах. Зато не пришлось стоять в пробках. Наездники и водители, едва заметив телегу и девушку, перемазанную в крови, тут же уступали мне дорогу.

Я ехала и думала о Роланде.

У меня нет матери. Вместо нее у меня был Ворон, тот человек, которого я назвала отцом. Высокий, с коротко подстриженными русыми волосами, он твердой рукой направлял меня в детстве. Он мог убить кого угодно и решить любой вопрос. Он мог все исправить.

Я была готова на все ради его редкой улыбки. Итак, Ворона я считала своим отцом. Вот первая из двух моих основополагающих констант. Второй оказался Роланд.

Он появился из ниоткуда, как сказка, которую Ворон мог бы рассказать мне перед сном. Жил-был один человек. В течение веков он успел поработать строителем, ремесленником, побыть целителем, священником, пророком, воином и колдуном. Он оказывался и рабом, и тираном. Магия пришла в упадок, воцарились технологии. Затем магия воцарилась снова. Он не умирал, а продолжал свою борьбу за совершенство, сам древний, как песок, одержимый идеей идеального мира.

Ему давали сотни имен, хотя теперь он называл себя Роландом. Он являлся учителем для многих мужчин и был любовником для многих женщин, но не любил никого так сильно, как мою маму.

Она – умная, добрая и щедрая – наполнила жизнь Роланда смыслом. Моя мать хотела ребенка. Прошли тысячелетия, прежде чем он решился стать отцом, потому что он знал, что дитя унаследует и силу его древней крови, и все его амбиции в придачу.

Роланд развязал столько войн, что не хотел еще и убивать восставших против него детей.

Но он столь сильно любил мою маму, что решился. Только ребенок сделал бы ее по-настоящему счастливой.

Она носила меня уже два месяца, когда он начал сомневаться. Он заиклился на том, что ребенок будет против него, и решил убить его в материнской утробе.

Но моя мама любила нерожденного малыша. Чем более одержимым становился ее мужчина, тем сильнее она отдалялась от него.

У Роланда был военачальник. Его называли *Voron*, потому что на поле битвы он всегда приносил с собой смерть.

И он влюбился в мою мать.

Когда Роланд уехал, она сбежала вместе с Вороном и родила меня в положенный срок.

Несколько блаженных месяцев семья была счастлива. Но Роланд преследовал женщину и своего бывшего военачальника.

Моя мать знала, что Ворон сильнее, чем он, и сделала свой выбор. Она осталась, чтобы задержать моего отца, и велела Ворону бежать вместе с ее ребенком.

Она вонзила кинжал в глаз Роланду, но он успел убить ее.

Тут сказка и заканчивалась, но с тех пор, как Ворон начал мне ее рассказывать, я всегда проверяла перед сном, лежит ли нож у меня под кроватью.

Уже тогда я надеялась убить своего родного отца.

Куда бы мы ни пошли, что бы ни делали, повсюду я ощущала присутствие Роланда. Он являлся целью и причиной моего существования. Он дал мне жизнь, а я заберу его.

Я выучила все повадки Роланда. Ворон был его военачальником в течение полувека и столетиями служил бы ему еще, оставаясь молодым и сильным, если бы не появилась моя мама.

Он научил меня всему, что знал о бывшем повелителе. Ворон показал мне его фотографию, и я запомнила его, прежде чем мы сожгли ее.

Я узнавала его лицо на картинках в книгах по истории и однажды нашла его на одной картине эпохи Возрождения. Там была запечатлена битва, в которой он принимал участие.

Я читала то небольшое, что написано о нем в Библии. Я могла назвать имена его подчиненных и имела представление о его любимом оружии. Возраст Роланда давал ему безграничную власть. Он мог одновременно контролировать армию монстров. В битвах он мог использовать свою кровь, превращая ее в непробиваемую броню или в разрушительную силу, сметающую все на своем пути.

Проклятая кровь, давшая силу его дочери.

Но и Ворон оказался величайшим воином. Он отдал мне каждую крупицу своей премудрости, закаляя меня, как лезвие.

Стань сильнее. Выживи. Убей Роланда. Закончи это навсегда. До тех пор прячься.

Четыре месяца назад я приняла осознанное решение перестать скрываться. Но меня мучают сомнения. Мне не хватало опыта, чтобы встретиться с Роландом, но теперь я играла в открытую.

Наша схватка станет неизбежной.

Инстинкт подсказывал мне, что он и есть тот самый Султан Смерти. Значит, если я продолжу тянуть за ниточки в этом запутанном клубке проблем, то смогу в конце концов натолкнуться на кого-то из внутреннего круга Роланда.

Вот что пугало меня до глубины души.

Я боялась Роланда. Но еще сильнее я боялась за Дерека. И Кэррана.

Когда я подъехала к убежищу оборотней, утро было в самом разгаре. Я откинула брезент. Джим спал, развалившись на трупах. Он уже принял человеческий облик и лежал абсолютно голый. Я потрясла его, похоже, он впал в беспамятство Спящей

красавицы, но я не собиралась его целовать, чтобы разбудить.

Я постучала в дверь. Нет ответа. Подергала за ручку – и она распахнулась. Просунув голову внутрь, я крикнула пару раз, но никто так и не появился, чтобы мне помочь.

Бренна должна была следить за дверью. Единственное, что могло вынудить ее уйти, это...

Пожалуйста, Боже, не дай Дереку умереть.

При мысли о резервуаре у меня подгибались ноги. Если дело совсем плохо, вряд ли я смогу вынести то, что увижу...

Нужно идти туда, но я не могла заставить себя двигаться. Сглотнув, я уставилась на проем.

Трупы. Лучше я заберу их. Хорошая идея.

Выяснилось, что протащить внутрь четырехрукую тварь жутко тяжело.

Я пыталась целых три минуты, пока мое терпение не иссякло. Но к тому моменту, как Бренна появилась на самом верху лестничного пролета, у меня уже было все под контролем.

– Дерек мертв?

– Еще нет.

Волна облегчения накрыла меня. Нужно найти подходящее место, чтобы сесть.

– Я думала, ты охраняешь вход, – пропыхтела я.

– Так и есть. Но мне пришлось кое-кого впустить. – Она уставилась на труп у моих ног.

– Это ведь не Кэрран? – спросила я.

– Нет.

– Отлично. – Я собрала четыре отрубленных руки и кивнула на мертвого уродца. – Не сможешь?

Дулитл взглянул на меня и прописал горячий душ. Полчаса спустя, вымывшись, перебинтовавшись и взяв у Бренны кружку с кофе, я почувствовала себя почти человеком. Дулитл скрылся в глубине дома, чтобы продолжить свое бдение над Дерекком.

Остались только я и трупы. Когда я выпила примерно полкружки, в комнату ввалился Джим. Он выглядел злым. А еще казалось, что у него похмелье. Он одарил меня хмурым взглядом и плюхнулся в кресло.

– И что теперь?

– Ждем.

– Чего?

– Моего эксперта. Она сейчас с Дерекком.

Какое-то время мы просто молча сидели. Я была погружена в свои мысли. Дулитл был лучшим медмагом в своем деле, бесспорно. Боль в спине практически прошла, а в боку стала всего лишь отдаленным эхом. Но я так устала, что едва могла сконцентрироваться.

Нужно узнать у Андреа о результатах анализа серебра. Я попыталась позвонить. Гудков не было.

В комнату вошла девушка. Очень стройная и миниатюрная. Кожа цвета миндаля, лицо – широкое и круглое. Она смотрела на мир сквозь очки с толстенными линзами. Глаза –

темно-карие, почти черные с долей азиатской родословной в разрезе.

Она не отрывала от меня взгляд, пока я закрывала за ней дверь.

- Индонезия, - произнесла она, поправив свою сумку на плече.

- Что?

- Ты пыталась понять, откуда я родом. Индонезия.

- Я - Кейт.

- Дали.

Она посмотрела на Джима. Когда она прошла мимо меня, я заметила книгу, которая едва не вываливалась из сумки. На обложке красовался худощавый блондин. Он размахивал неправдоподобно огромным мечом и позировал с тремя стратегически расположенными у его ног девушками. У одной из них на голове торчали кошачьи уши.

Дали уставилась на Джима своим сбивающим с толка взглядом:

- Ты мне должен. Если он узнает, что я здесь, я - покойник.

Он это кто? Надеюсь, не Кэрран.

- Ответственность я беру на себя, - сказал Джим.

- Где трупы? - спросила Дали.

- У тебя за спиной.

Дали обернулась и, споткнувшись о ножищи монстра, точно бы неизящно шлепнулась на пол, будь она обычным человеком. Но ей удалось подпрыгнуть и приземлиться с идеальным равновесием, если не грацией.

Рефлексы оборотней всегда спешат на помощь.

Дали поправила очки и гневно посмотрела на меня.

- Я не настолько слепая, - заявила она. - Я рассеянная.

А возможно, еще и телепат.

- Нет, - ответила она. - Просто не дура.

О'кей.

Дали осмотрела труп с четырьмя отрубленными руками.

- Вот черт. Полимелическая симметрия. Лишние конечности? А тебе пришлось поработать ножом?

- Ага. Он не пролезал в дверь.

- Кажется, ты этим гордишься.

Верно. Отличный пример быстрого мышления в сложной ситуации.

Дали пожала плечами, позволив сумке соскользнуть на пол, и уставилась на зияющую рану в груди твари.

Джим и правда его не пожалел.

- Расскажите мне все.

Я описала защиту, джунгли, летающий дворец, руины, каменную колесницу с многоголовым возницей и драку. Джим изредка вставлял свои комментарии. Дали кивнула, взяла одну из рук монстра и нахмурилась...

- Кто же не должен знать, что ты здесь? - спросила я.

Пожалуйста, только не Кэрран, пожалуйста...

- Царь Зверей, - ответил Джим.

Нет!

- Технически она - под домашним арестом.

- За что?

- Я каталась. - Дали приподняла ногу трупа и изучила когти. - Тихий и сговорчивый. Совсем никакого трупного окоченения.

- Он посадил тебя под домашний арест просто потому, что ты каталась?

- Она подсыпала сильное седативное, кажется рогипнол, телохранителю, угнала тачку и поехала по гоночной трассе Баззард-хайвей.

Лицо Джима было не теплее айсберга.

- Ты расстроен, что из-за меня Тео глупо выглядел. - Дали выпрямилась. - Я не виновата в том, что твоя машина для убийств была чересчур возбуждена перспективой добраться своими лапами до моих крошечных грудей. Ну и что с того? Парень забыл проверить свой напиток. Честно говоря, не понимаю, что здесь вообще такого.

- Ты практически слепая, ты не можешь сдать экзамен, чтобы получить права, и ты паршиво водишь, - процедил Джим и клацнул зубами. - Ты - угроза.

- Водители приезжают на Баззард не ради безопасности. Им нужны острые ощущения. Если бы они узнали, что я практически слепая, то им стало бы только интересней. Это мое тело. Я могу делать с ним все, что захочу. Если я пожелаю разбиться, то у меня должна быть возможность это сделать.

- Да, но до шоссе еще нужно доехать, - встряла я. Мне совершенно необходимо побольше кофе. - Если ты попадешь в аварию и поранишься или, что еще хуже, причинишь вред кому-то другому, водителю или пешеходу, может ребенку, что тогда?

Дали моргнула.

- Знаешь, это именно то, что твердил Кэрран. Почти слово в слово. - Она вздохнула. - Давайте согласимся с тем, что я совершила не самый умный поступок. У тебя есть что-то еще, кроме трупов?

Джим протянул ей свернутое панно.

Она взяла его и ненадолго задумалась.

- Вот, ты держи этот конец, а ты, Джим, другой. О'кей, расходитесь в разные стороны.

Она хотела, чтобы я пошевелилась. Наверное, Дали совсем рехнулась при виде меня.

Мы с Джимом пятились, пока панно полностью не развернулось.

Дали оглядела его, кивнула и махнула рукой:

- Можете отпускать. Итак, у вас есть идеи, к какой мифологии все это относится?

Я ляпнула наугад:

- Индийская. Для начала у нас есть джунгли, руины, мне они показались похожими на дравидский храм, затем каменная колесница, запряженная слонами, и гуманоид со множеством рук и голов. Еще мы имеем в своем распоряжении тигроподобного монстра с четырьмя ручищами. Интересно, в каких мифах встречаются такие существа? Столько голов может быть только у драконов. И нельзя списывать со счетов титанов. Но в том месте все было какое-то слишком странное. Кроме того, девушка по имени Ливи назвала

одного из «Жнецов» Асаан. Я проверила, это термин для гуру или учителя-практика дравидийских боевых искусств.

Дали долго смотрела на меня.

– Ты тоже не глупа.

– Да, но больше мне ничего не известно.

– Я считаю, что вы прикончили ракшаса. – Она слегка пнула труп ногой. – И, если я права, вы оба в полном дерьме.

– Сначала был Вишну, исключая тот факт, что тогда он являлся Нараяной, воплощением Высшей Божественности. – Дали села на пол рядом с мертвым телом. – Нараяна плавал в безбрежных водах, обернутый великим змеем-альбиносом, и чудесно проводил время, пока из его пупка не вырос лотос. В нем возродился бог Брахма, создатель миров. Он оглянулся, увидел, что Нараяна доволен плаванием, и без всякой видимой причины стал одержим идеей, что воды каким-то образом будут украдены. Поэтому он создал четырех защитников, две пары. Первая из них пообещала поклоняться водам. Это – якша. Вторые поклялись защищать воды, и стали они ракшасами.

– Расскажи о сильных и слабых сторонах, – попросил Джим.

– Ракшасы рождаются воинами. Для того их и создали. По легенде, они рождаются в тот же день, что и были зачаты, а после сразу вырастают до возраста собственной матери. Они плотоядны и не стесняются употреблять в пищу человеческое мясо. Они бывают самых разных форм и размеров, а еще они отличные иллюзионисты и колдуны.

Я вздохнула. Превосходно.

– Почему-то я думала, что ракшасы – человекоподобные тигры, как оборотень в боевом облике, но с головой хищника.

Дали кивнула:

– Чаще всего их изображают как монстров, напоминающих тигров, потому что этот зверь – самое страшное существо, которое мог вообразить индийский скульптор или художник. Слоны крупнее, но они – вегетарианцы и в основном держатся своих, ну а тигры – хитрые, смертоносные и могут активно охотиться на людей.

Человекоподобная зверюга, вооруженная парой лишних рук и интеллектом, станет кошмаром для кого угодно.

– Ракшасы понимают, что тигры вызывают у людей ужас, и часто принимают этот облик, однако легенды гласят, что они могут быть как уродливыми, так и прекрасными. Из трех братьев ракшасов, один может быть неописуемо красивым, другой – великаном, а третий иметь десяток голов. Но вообще-то версии различаются. Некоторые источники утверждают, что никогда нельзя узнать истинную форму ракшаса – только тот облик, который они предпочитают более всего.

– Что-нибудь еще? – тихо поинтересовался Джим.

– Они могут летать.

Какая удача!

– Наши не летали. Они неестественно высоко прыгали.

– Может, они не умеют летать, или в тот момент магический прилив закончился... или дело в том, что недостаточно людей верит в миф. А может, все три причины сразу. Выбирайте.

– Значит, ракшасы – это оборотни? – спросила я.

Дали опять задумалась.

– Да, можно сказать и так. Но не такие, как мы. Они своего рода иллюзионисты. Вы сказали, они сняли свою человеческую кожу? Где же она? Вы принесли разорванную одежду. Мне трудно поверить, что вы оба забыли про кожу.

Я сосредоточилась, вспоминая события.

– Она просто исчезла.

Дали склонила голову.

– Правильно. Была ли магия или нет, вы не смогли бы их физически упаковать, – она снова пнула труп, – в человеческую оболочку. Кстати, ракшасы не снимают кожу со своих жертв. Они поедают людей – физически, умственно, духовно или всеми вышеперечисленными способами сразу, а затем принимают их облик.

В голове забрезжил свет.

– Они не срывали кожу! Это была иллюзия. Тактика запугивания.

– В точку. Они притворялись, будто сбрасывают человеческую кожу, потому что хотели вывести вас из равновесия. Ракшасы – крайне высокомерны и хитры, но не особо умны. Их легендарный повелитель, Равана, яркий тому пример: десять голов, но маленький мозг. Летающий дворец, который вы видели, если, конечно, оба не спятили в ту минуту, скорее всего, Пушпака Вимана, древний летательный аппарат. Равана присвоил его себе, отобрав у первоначального владельца, и летал на нем туда-сюда, пока не наткнулся на Шиву Разрушителя во время его отдыха. – Дали сделала паузу для драматического эффекта.

Индуистская мифология не была моей сильной стороной, но даже я знала о Шиве. Любого бога, титулованного «Разрушителем миров», следует воспринимать всерьез. Когда он не наслаждался домашней жизнью с любящей женой и двумя сыновьями, то бегал по лесам. Его обвивали змеи, а из одежды на нем была разорванная, все еще истекающая кровью шкура тигра. Он освеживал грозных зверей легким движением мизинца. Его гнев связывали с образом Рудры, бушующего подобно шторму. В разрушительном аспекте он абсолютно ужасен. В милостивом же – его было легко позабавить. На его лбу скрывался третий глаз, который, будучи открытым, сжигал все на своем пути, время от времени разрушая Вселенную.

В общем, то, что связано с Шивой, нужно изучать в лайковых перчатках, при этом надев костюм химзащиты четвертого уровня и желательно спрятавшись в танке.

Дали улыбнулась:

– Равана умудрился разозлить Шиву. И тот посадил его в клетку с каменными прутьями. Равана должен был сидеть в ней и петь, пока бог не устанет его слушать и не отпустит.

Пленник оказался из породы ракшасов, да еще с большой буквы: высокомерный, вспыльчивый и подчиненный инстинктам. Он был олицетворением всего того, чем «Жнецы» хотели стать. Итак, вы связались с показушниками, убежденными в собственном превосходстве. Для них вы – забавная живность, обожающая аудитория. Они выжмут все ради драматического эффекта. Они тащатся от игры на публику.

Джим и я переглянулись. Если ты кайфуешь, развлекая стадо, то Полночные Игры – самое подходящее для этого место.

Я перевернула кружку вверх дном, пытаясь найти еще хоть каплю кофе. Пусто. Тем не менее благоприятный фактор толпы являлся приятным бонусом. Они нацелились на камень. Почему? Я барахталась в море отрывочной информации и не могла толком ничего придумать.

Пазл складывался во что-то логичное. Я открыла было рот, чтобы спросить Дали о топазе, но Джим опередил меня.

– Можешь как-то объяснить про джунгли?

Она скорчила гримаску.

– Понятия не имею. Возможно, вы угодили в карман глубинной магии. Или открылся портал в волшебную страну. Мне нужны дополнительные сведения, чтобы ответить на вопрос. И я ужасно хочу пить, мой язык сейчас похож на бумагу.

Дали облизнула губы, Джим пошел на кухню, вернулся со стаканом воды и вручил его девушке.

Она моментально осушила половину.

– Ракшасы ненавидят нас.

– «Нас» – оборотней или «нас» – нормальных людей? – спросила я.

– И то и другое. Это возвращает нас к Раване. Он – из амбициозных ребят. У него – десять голов, и каждый век он жертвовал одной из них, отрубая ее. Наконец у него осталась только единственная голова, и терпение богов истощилось. Они сошлись на совет и спросили его, какого черта ему в принципе надо? Он потребовал иммунитета от всех рас, кроме людей и животных. Он считал нас незначительными слабаками, которые не сумеют причинить ему вред. Как только он получил свой иммунитет, то приступил к завоеванию небес, сжег город богов, убил всех танцовщиц... Вот Вишну и решил, что с него хватит. Он отправился на Землю, чтобы возродиться как человек, Рама. Собрал армию и уничтожил Равану. Звери тоже ему помогали...

Если ракшасы и правда настолько высокомерны, то они возненавидели бы людей и животных с пылом тысячи солнц. А оборотни являлись одновременно и теми и другими. Поощрение к геноциду. Теперь отвращение «Жнецов» к полукровкам имело смысл.

– Есть ли в мифах что-то о топазе под названием «Волчий алмаз»? Или о крупном драгоценном камне желтого цвета?

Дали наморщила лоб:

– Топаз связан с Брихаспати – Юпитером.

– Римским богом? – удивился Джим.

– Нет, планетой. Тогда мир не вращался вокруг греко-римского пантеона. Рудра Мани, драгоценность Шивы, – тоже золотистая. Он носит ее на шее. Кстати, именно он одарил ракшасов даром летать.

– «Волчий алмаз» совсем не маленький, – сказала я. – Могущественный камень.

– Рудра Мани тоже довольно-таки здоровый. С голову младенца.

Сайман говорил про размер «Волчьего алмаза». Тот вроде бы с кулак человека...

Значит, либо большой кулак, либо крохотный ребенок...

(Если только Сайман не имел в виду кулак ледяного великана.)

– Что ты знаешь о нем?

Дали закатила глаза:

– Это должен быть камень добродетели. Он также принадлежит Шиве, если вы понимаете, о чем я. С этим богом никогда не знаешь, что получишь. Он может увидеть какого-нибудь малыша, подумать, что он милый, наградить его даром полета и способностью повзрослеть за день. Или может начать топтать демонов забавы ради.

Джим скрестил огромные руки на груди.

– Похоже, у нас есть камень, принадлежащий биполярному богу с диким чувством юмора.

– Ага. Но о Рудра Мани мало информации. Я еще покопаюсь. Мы даже не знаем, является ли ваш топаз Рудра Мани, или это совсем другой камешек. – Дали вздохнула. – Слишком все у вас расплывчато.

Я бы не удивилась, если бы «Волчий алмаз» оказался замаскированным Рудра Мани.

Мифические элементы, как правило, не возникают на пустом месте.

У нас были ракшасы, тесно связанные с Шивой в индуистских мифах, а у последнего был драгоценный камень.

Ракшасы собирались выиграть в турнире, чтобы заполучить топаз. Было бы опрометчиво предполагать, что эти два камня – не одно и то же.

По крайней мере, Шивы здесь не будет. Вспышка приходила и уходила, поэтому он не мог проявиться. Вот и хорошо, с какой стороны ни посмотри.

Я уставилась на окровавленную тушу. Не повезло бойцу с топорами – он встретил Саймана. Рядом с четырехруким монстром он казался почти эфемерным.

– Почему он все еще человек?

– Что? – Дали сморщила нос.

– Парень разорвал кожу, начал реветь и размахивать четырьмя руками при первой же возможности. А боец остался в человеческом облике. Почему?

Дали поставила чашку на стол:

– Хм, ты допускаешь, что чувак с топорами – не человек. Но даже если он демон, возможно, он просто не хотел менять форму. И на турнире ему не хотелось быть в своем истинном обличье.

– Его избили до смерти, – возразил Джим. – Как-то странно, что он не срывал оболочку...

Внезапно меня осенило.

– Возможно, он не мог изменить форму! Наверняка что-то ему помешало. Нечто похожее на то, что не дает Дереку перекинуться. Предмет. Заклинание. Что-то, подавляющее магию.

Джим подхватил:

– А ведь они обманывали м-сканер! Их же считали людьми.

Дали сбросила туфли и начала стаскивать рубашку:

– Вот теперь мне срочно надо перекинуться. Я сильнее ощущаю магию в облике зверя – да и обоняние будет лучше.

Я уставилась в пол. Оборотни в основном делились на два лагеря: некоторые отличались скромностью, а другие не задумываясь раздевались в самом пафосном рыбном ресторане Атланты «Маркет хайвей».

Очевидно, Дали относилась ко второму типу.

Глубокий, низкий кошачий рык прокатился по комнатам каскадом, и у меня мурашки забегали по позвоночнику.

И я решила посмотреть на Дали.

В гостиной появилась белая тигрица. Сияющая, будто покрытая свежим снегом. Она посмотрела на меня льдисто-голубыми глазами, огромными, потусторонними, в них, казалось, запечатлелся вечный дух Севера, тайги и зимней охоты.

Угольно-черные полосы подчеркивали сильные мускулы.

Больше чем обычное животное, больше чем ликантроп в зверином обличье, Дали была величественна.

Я даже дышать не могла.

А потом она чихнула. И снова чихнула, моргая. Когда она снова подняла голову, я поняла, что только один бесстрастный глаз смотрел прямо на меня. Другой уставился в сторону. Тигриная сущность оказалась косоглазой, как сиамский кот.

Тигрица подняла лапу, насмешливо посмотрела на нее, опустила и низко зарычала с озадаченным выражением на морде.

– Да, это твои лапы, – терпеливо объяснил Джим.

При звуке его голоса тигрица попятилась, наткнулась на труп монстра и плюхнулась на тело самым неподобающим образом.

– Ты испортишь улики, – произнес Джим.

Тигрица вскочила, обернулась, чуть не сбив меня с ног.

Рычание вырвалось из ее пасти.

– Да, в комнате есть мертвецы. Ложись, Дали, и расслабься. И ты придешь в себя.

Тигрица подчинилась, всматриваясь в тела с откровенным подозрением.

– После смены облика у нее случилась кратковременная потеря памяти, – объяснил Джим. – Через минуту пройдет. Косоглазие тоже исчезнет. Некоторые кошки так реагируют на стресс.

– Она становится агрессивной?

Вот это – последнее, что мне сейчас нужно! Не собираюсь получить выговор за то, что я использовала чрезмерную силу для умирения буйного косоглазого оборотня с временной амнезией.

На лице Джима появилось подозрительное выражение, настолько необычное для его непробиваемого облика, что мне потребовалось мгновение, чтобы распознать его как смущение.

– Нет. Ее тошнит от сырого мяса и крови.

– Что?

– Она не будет кусаться или царапаться, иначе ее вырвет. Дали – вегетарианка.

Ничего себе!

– Но, когда она в облике зверя... – Он покачал головой. – Она ест траву. Не спрашивай.

Дали встала и понюхала труп с отрубленными руками. Она начала с ног: крупная кошачья морда медленно продвигалась на четверть дюйма над кожей. Темный нос задержался на длинных пальцах левой нижней конечности. Изучив острые когти твари, Дали принялась обнюхивать голени и колени чудовища. Затем она замерла, лизнула твердую часть коленной чашечки и двинулась к бедру.

Остановилась, добравшись до промежности, переместилась вправо и повторила то же самое с другой ногой, тщательно принюхиваясь.

Ей потребовалось целых пять минут, чтобы закончить свое обследование.

– Есть что-нибудь? – спросила я.

Дали покачала своей великолепной головой. Проклятие. Я подумала о Дерее, который умирал в резервуаре.

– Ладно, – произнес Джим. – Перекидывайся. Я придумал, что еще спросить.

Тигрица кивнула. Ее белая шкура растягивалась, дрожала, но оставалась на теле.

– Дали? – голос Джима был спокойным и размеренным.

Белый мех втянулся и тут же встопорщился снова. Лыдисто-голубые глаза уставились на меня, и в их кристальной глубине я увидела панику.

Тигрица сделала рывок и побежала.

Она мчалась по комнате, наступая на трупы. Пушистое плечо задело плафон в форме тюльпана, и он тотчас упал и разбился водопадом осколков.

Дали проигнорировала их и столкнулась с плоским экраном настенного телевизора. Металлический корпус соскользнул с крюка и с грохотом обрушился на череп тигрицы. Я поморщилась.

Дали резко обернулась. Ее взгляд стал совершенно диким. Она уже хотела продолжить свой бег снова, но путь преградил Джим.

Он не шевелился и смотрел на нее, не отрывая взгляд.

Она вздрогнула. Мех встал дыбом. Тигрица зарычала. Джим просто стоял. Его глаза сияли, как изумруды.

С тяжелым вздохом Дали легла, прижавшись к полу.

Альфа кошек в действии.

Джим опустился на колени рядом с ней:

– Ты можешь изменить облик?

Она жалобно заскулила. Я поняла это, как нет.

Струйки крови сочились из огромных лап тигрицы и пятнали белоснежную шерсть. Учитывая ее отвращение к крови, она, вероятно, не стала бы зализывать раны. Я принесла аптечку, которую Дулитл использовал, чтобы залатать меня, вытащила пинцет и устроилась на полу.

Дали протянула мне большущую лапу. Я открыла бутылку с антисептиком, вылила немного на кусок марли и вытерла кровь с подушечек.

Три стеклянных осколка врезались в плоть, трофеи ее славной битвы с лампой.

– Я хочу, чтобы ты продолжала попытки вернуться к человеческому облику, – проговорил Джим. – Не напрягайся, но продолжай упорствовать.

Я подцепила первый осколок пинцетом и вырвала его из лапы. Хлынула кровь. Дали дернулась, потянув меня за собой. Боль пронзила мой бок. Я поморщилась. Там меня латал Дулитл.

– Спокойно, пожалуйста.

Дали опять заскулила и позволила мне заняться ее лапой. Порез был серьезный.

Итак, теперь у нее и Дерека – одни и те же симптомы: неспособность перекинуться и замедленная регенерация.

Я положила окровавленный кусок матового белого стекла на крышку аптечки.

– Давай поговорим о запахах. – Голос Джима был ровным, успокаивающим. – Ты почувствовала что-то странное на теле?

Дали покачала головой из стороны в сторону.

Я вырвала очередной осколок из тигриной лапы.

– Помимо формы, чувствуешь еще в чем-то себя иначе?

Дали мякнула. В этом-то и проблема с оборотнями в зверином обличье: они не могли говорить и, разумеется, писать. Вопросы с ответами «да» или «нет» были нашим

единственным спасительным вариантом.

Я подцепила третий осколок, но пинцет соскользнул. Стекло вонзилось слишком глубоко.

– Дали, раздвинь пальцы, если можешь.

Огромные когти вырвались из подушечек.

– Спасибо. – Я подцепила кусочек и вытащила его.

Тигровая плоть вскипела под моими пальцами, и я обнаружила, что держу человеческую руку.

– Боже мой! – высоким дрожащим голосом воскликнула Дали. – Боже мой!

– Что ты сделала? – Джим наклонился вперед, собравшись, будто увидел добычу.

Слезы навернулись на глаза девушки.

– Я думала, что застряла навсегда. – Она оглядела комнату. – Я все порушила. И твоя рана... Я так виновата.

– Не беспокойся, – пробормотала я, сосредоточившись на осколке. Мне он показался желтым. Лампа была матово-белая. – Такое со мной постоянно случается.

Я схватила аптечку, держа ее на всякий случай под пинцетом, если вдруг по дороге уроню осколок, встала и отнесла его к окну. Он сверкал, отбрасывая желтые отблески на белую крышку. Привет, Мистер Ключ.

Джим уставился на осколок:

– Топаз?

– Думаю, да. На что споришь, что это кусок «Волчьего алмаза»?

А что? «Жнецы» хотели заполучить пресловутый камень, чтобы использовать его в качестве оружия против оборотней. Два плюс два равнялось кровавому кусочку силиката в моей руке.

– Как по-вашему, он не дает трансформироваться?

Джим стащил его с пинцета, после чего полоснул себя острыми ногтями по ладони и засунул осколок в порез.

В глазах оборотня зажегся зеленый огонек. Губы дрожали. Тело Джима содрогнулось, волосы на руках встали дыбом. Его взгляд стал совершенно диким, но облик остался человеческим.

Он молча извлек осколок и бросил его на крышку аптечки, будто тот был раскален добела.

Вот оно. Оружие, необходимое ракшасам, чтобы уничтожить Стаю. Драгоценный камень не может быть украден: его нужно выиграть, иначе на вора падет проклятие. Они начали участвовать в Полуночных Играх, чтобы заполучить его и разбить вдребезги на множество осколков. Таким образом они не дадут перевертышам принять звериное или боевое обличье. Без трансформации и регенерации Стая превратится в фарш для мясорубки демонов.

– Я, наверное, наступила на него, когда прикоснулась к телу, – пролепетала Дали.

– Ты хотела сказать, когда потопталась по трупам. – Джим дернулся, словно отряхивался от воды. – Один из осколков у парня. Но м-сканер не обнаружит его.

Дали осторожно дотронулась до кусочка.

– Он такой крошечный. Сканер недостаточно чувствителен, чтобы обнаружить его, когда

магия на спаде.

– Я не хочу разрезать Дерека на ленточки в его поисках. Вряд ли он выдержит... Должно же быть другое решение, – сказал Джим.

В моей голове сформировался план:

– Я еду в Мейкон.

Джим моргнул, и в его глазах вспыхнул свет:

– Джули, твоя подопечная. Она учится неподалеку от Мейкона. И она чертовски чувствительная.

Джули, девочка-подросток. Ее я встретила во время Вспышки. Малышка обладала талантом «один-на-миллион».

Она была чувствительной и могла считывать цвета магии лучше, чем любой м-сканер. Она училась в Академии искусств: в лучшем заведении, которое я только могла найти, – всего в двух часах езды по лей-линии.

Я кивнула:

– Если кто-то и сможет найти осколок в теле Дерека, то это она.

Я постучала пальцем по стойке, прижав телефонную трубку к уху, и проверила марлю, которую я притиснула к ребрам. Кровь все еще шла.

На том конце провода что-то щелкнуло, и меня поприветствовал успокаивающий женский голос.

– Мисс Дэниелс?

– Добрый день.

– Меня зовут Ситлали. Я – куратор Джули.

– Помню. Мы встречались.

В памяти возникла картинка: миниатюрная смуглая женщины с глазами Мадонны.

Очень сильный эмпат. Эмпаты, словно серферы, катались на волнах эмоций людей, чувствуя горе или радость других так, будто они были их собственными. Из них выходили отличные психиатры, хотя иногда пациенты сводили их с ума.

Я нахмурилась. Что-то случилось. Я не просила позвать куратора Джули к телефону.

– Мисс Дэниелс...

– Кейт.

– Вы предвидите будущее?

– Понятия не имею. Почему вы спрашиваете?

– Я пишу вам письмо касательно Джули, и мне стало интересно, могла ли моя концентрация вызвать ваш звонок?

О нет.

– Что она сделала?

– У девочки небольшие неприятности.

Да, Джули состояла из проблем. Однако она была моей малышкой, и, несмотря на доброту в голосе Ситлали, все мои иголки разом встали дыбом. Я попыталась скрыть враждебность в своем ответе:

- Продолжайте.

- Из-за пробелов в ее образовании она вынуждена посещать дополнительные занятия.

- Мы обсуждали это до ее поступления.

- Академически Джули прогрессирует с опережением графика. Не сомневаюсь, что девочка догонит своих сверстников к концу года, - заверила меня Ситлали. - Но она испытывает сложности с социальной адаптацией.

Последние два года девочка практически жила на улице, прячась от местных банд.

А подонок-бойфренд часто промывал ей мозги. Чего они ждали от нее?

Ситлали тихо откашлялась. Наверняка куратор словила мое нешуточное раздражение.

Я сделала глубокий вздох и попыталась избавить свою голову от перегрузок. Эмоции отступили, скрываясь где-то на задворках подсознания.

Медитация, которую я изучила в детстве, снова мне помогла. Правда, я редко ее применяла, потому что мне нравилось быть на пике. Страх, злость, гнев, любовь, страсть - все это я использовала, чтобы во время битвы стать сильнее. Но я знала, как подавлять эмоции, и чем старше я становилась, тем легче мне было это делать.

- Мне жаль. Я не хотела причинять вам неудобства. Вы описывали проблемы Джули...

- Спасибо. Дети могут быть жестокими в ее возрасте. Они яростно борются за свою личность. Для них важно установить иерархию. Джули оказалась в невыгодном положении. Порой девочка комплексует и не может завоевать популярность. Она не слишком хороша в спорте, частично из-за недоедания, частично потому, что у нее нет выдающихся талантов в данной области. У нас есть превосходные спортсмены, и она понимает, что никогда не станет звездой. Она не преуспевает в боевых искусствах. Конечно, ученики находят ее магическую чувствительность впечатляющей, но, скажу вам честно, больше они ценят огненную магию.

- То есть Джули - не спортсменка, не боец, она посещает дополнительные занятия, и ее магия тусклая, поскольку она не может мгновенно выдыхать огонь или плавить металлы.

- Фактически вы правы. Некоторые дети, находясь в том же положении, обращаются к семейной истории, чтобы завоевать доверие других ребят.

- У Джули нет выдающихся членов семьи.

Никаких героев или великих магов.

- У нее есть вы.

- Вау.

- Она рассказывает истории. Красивые и страшные - про демонов, богинь и ведьм. Я знаю, что так она делится своими настоящими воспоминаниями, поскольку чувствую ее искренность. Но ее сверстники...

- Они доводят ее, потому что думают, что она лжет.

- Да. Мы пристально следим за ситуацией. Она не пострадала от какого-либо насилия. Но Джули - эмоциональный ребенок...

- Она - кусок пластиковой взрывчатки со снятым предохранителем.

- Уместное сравнение. У нее есть нож.

Я закрыла глаза и сосчитала до трех. Я забрала все ножи малышки и дважды обыскала ее, прежде чем довезла ее до здания Академии.

- Девочка отказывается расстаться с ним. Мы можем физически отнять нож. Но подобный поступок значительно усилит ущерб, уже нанесенный ее эго. Было бы гораздо

лучше, если бы она добровольно отказалась от него, но боюсь, вы единственный человек, кто на данном этапе сможет ее уговорить.

Я посмотрела на часы. Одиннадцать.

По моим внутренним ощущениям смахивало на шесть пополудни.

– Какое расписание у Джули на оставшуюся часть дня?

Повисла пауза.

– Дополнительная алгебра до тринадцати часов, перерыв на ланч, который длится тридцать минут, инструктаж по дополнительной тайной магии до трех, общественные науки до четырех и стрельба из лука до пяти...

– Она занимается стрельбой из лука с другими учениками?

– Да. Занятия проводятся на открытом воздухе.

Если я поспешу, то успею.

– Не могли бы вы сделать мне одолжение? Пожалуйста, потихоньку скажите Джули за ланчем, только чтобы другие дети услышали, что ее тетя собирается забрать ее во время занятий по стрельбе.

– Разумеется.

Я повесила трубку и увидела Джима, прислонившегося к дверному проему.

– Малышка в порядке?

– Да. Я ухожу. Надо ее забрать.

– Я пошлю кого-нибудь с тобой.

– Мне не нужен эскорт.

Джим положил руки на стол и уставился на меня.

– Я предполагаю худшее. Если бы я был на их месте, то у меня бы имелся способ отследить своих будущих мертвецов. Я бы наблюдал за домом. Я бы пошел за тобой и напал на тебя, застав врасплох. Я бы выбрал правильный момент, когда ты будешь слабее всего, когда с тобой будет ребенок. Ты умрешь. Джули умрет. Дерек умрет. Я не говорю тебе, как махать саблей. Тут ты спец, Кейт. Но послушай меня. Возьми кого-нибудь с собой.

Мой бок наконец перестал кровоточить. Магия медикаментозного заклинания Дулитла восполнила упущенное и восстановила урон.

– Керосин? – спросила я.

Джим полез в шкаф и вручил мне бутылку жидкости для розжига и коробок спичек.

Я подошла к раковине, бросила марлю, полила ее жидкостью и подожгла.

– Справедливо. Позволь мне взять Рафаэля.

– Гиену? – Лицо Джима скривилось от отвращения. – Ты хочешь вовлечь Рафаэля?

– Никто из вас не может пойти. На случай, если ты упустил, у Стаи есть ориентировка на тебя и всю твою команду. Но Кэрран никогда бы не отдал приказ задержать меня.

– Кажется, ты слишком самоуверенна.

Я знала, как работает мозг Кэррана. Если меня привезут к жожаку, для него это будет не так приятно, как поймать желанную добычу самому. Он не упустит свой шанс.

Конечно, если я сейчас протреплюсь Джиму, то буду вынуждена ввести его в курс дела,

что приведет к излишним подробностям.

Я вспомнила все – и бесконечные подколы вроде: «ты не только будешь спать со мной, но и станешь умолять меня». И безумные утренние выходы. И обещание ужина нагишом.

О чем, черт возьми, я думала, целуя его?

– Я вне юрисдикции Кэррана, – тщательно подбирая слова, произнесла я. Надеюсь, он клюнет. – У него нет полномочий. Приказывая Стае задержать меня, санкционирует похищение сотрудника правоохранительных органов. – *Что ни на секунду не остановит Кэррана.* – Позволь мне взять Рафаэля.

– С чего ты взяла, что он не выдаст нас Царю?

– Рафаэль влюблен в мою лучшую подругу. Я попрошу его помочь мне забрать Джулию. Технически он в любом случае не будет знать, что помогает тебе и твоим ребятам.

Джим покачал головой, набрал номер и передал мне трубку.

– Говори с ним ты.

Я слушала гудки.

– Сможешь достать лошадей, которые будут ждать нас на лей-станции в Мейконе? Нечто крутое, на чем я бы не прокатилась и через миллион лет?

Джим пессимистично пожал плечами:

– Ага.

– Алло? – вкрадчиво прошептал Рафаэль.

– Привет, будь добр окажи мне услугу.

Рафаэль ждал меня у лей-линии, прислонившись к джипу. Машину модернизировали, и теперь она работала на зачарованной воде: можно было подумать, что владелец тачки решил голыми руками вырвать двигатель через капот.

Ну а Рафаэль выглядел... Слов просто не нашлось.

Я объяснила ему свой план по телефону, и оборотень встречал меня во всей красе: черные высокие ботинки до колен, черные же кожаные штаны в обтяжку и кожаная кираса, облегающая его как вторая кожа. Над плечом виднелась винтовка. Здоровенный тяжелый меч, три фута в длину и почти шесть дюймов в ширину, висел на поясе в коротких ножнах, дополняя ансамбль.

Рафаэль с легкостью вытащил его из ножен: верхнюю часть клинка испещряли руны. В сочетании с густым водопадом черных волос Рафаэля и его дымчато-голубыми глазами эффект был убийственный. Я уже сомневалась, что мне нужно больше – кардиохирургия, чтобы перезапустить сердце, или пластика для возвращения челюсти на место.

Две дамы-возницы ожидали отправки платформы по лей-линии. Они смотрели на Рафаэля, стараясь не пускать слюни. Когда я приблизилась, одна из них, рыжеволосая, толкнула локтем другую и сказала:

– Мы ожидаем из Мейкона кучу никельных затычек.

Боеприпасы. Пули – дорогой товар. Некоторые торговцы брали их вместо денег, так и появился термин «никельные затычки».

Рафаэль ослепил их улыбкой:

– Я – не бандит.

– Жаль, – растаяла рыжеволосая. – Ты можешь задержать мой груз в любое время.

Он поклонился. Казалось, дамы близки к обмороку. Я подошла и встала рядом с ним, вдруг женщины плюнут на предрассудки и набросятся на парня прямо на платформе?

Рыжеволосая посмотрела на меня:

– Вот облом.

Я смерила ее мрачным взглядом. Дамы быстро ретировались. Их нельзя обвинить. Я переделалась. В отличие от Рафаэля, который сиял, я была облачена в однотонную, поглощающую свет черную выделанную кожу – от кончиков мягких сапог до эффектного плаща, который мне пришлось позаимствовать у Джима.

Я выглядела как кусок тьмы в облике женщины. Джим тоже был не рад тому, что позволил мне взять кое-что из его гардероба, но что поделаешь? У меня не было одежды, которая могла послужить мне надлежащим образом, а время поджимало.

Все мы жили на таймере, который мы одолжили у Дерека, а его жизнь висела на волоске.

Плащ в сочетании с черным кожаным жилетом сделал меня достаточно угрожающей. Мне не хватало только гигантской неоновой вывески с вращающимися бенгальскими огнями, провозглашающей: ТЯЖЕЛЫЙ СЛУЧАЙ. ОЧЕРЕДЬ НА ПОЛУЧЕНИЕ ПИНКА ПОД ЗАД НАХОДИТСЯ СПРАВА.

Губы Рафаэля растянулись в широкой ухмылке.

– Если ты засмеешься, я убью тебя, – предупредила я его.

– Зачем винтовка? Все знают, что ты не умеешь стрелять.

Кто такие эти «все» и не хотели бы они встать передо мной, желательно в пределах десяти футов, чтобы я могла более подробно обсудить вопрос?

– Я неплохо стреляю.

Просто промахиваюсь в восьмидесяти процентах случаев. Во всяком случае, из ружья. Я лучше обращалась с арбалетом, а еще хорошо кручу нож.

– Ты знаешь, что руны на твоём мече – чушь?

– Ага, но они выглядят загадочно.

Лей-линия замерцала перед нами. Некоторые поэтические описания сравнивали данное явление с подъемом теплого воздуха над раскаленным асфальтом. На самом деле эффект был более выраженным: короткая, контролируемая судорога, будто невидимый клапан открылся, изрыгнув искажающую пространство вспышку, и резко закрылся. Лей-поток – нешуточная вещь. Магия заструилась примерно в полутора футах от земли. Она подхватывала вас и тянула за собой со скоростью от шестидесяти до ста миль в час. Любые безмозглые существа, пожелавшие влиться в поток, могли попрощаться с ногами, обрубленными чуть ниже колена.

В основном люди пользовались лей-такси – грубыми деревянными платформами, скрепленными вместе, но, конечно, подходило все, что оказывалось достаточно крепким и могло удерживать пассажира. Тачка. Доска для серфинга. Кусок старой крыши. Однажды я видела парня, который ехал на стремянке. Не то чтобы я хотела попробовать, но...

Рафаэль поставил джип на «нейтралку». Мы подкатали машину через платформу к лей-линии. Поток содрогнулся. Я запрыгнула в салон, секунду спустя ко мне присоединился Рафаэль.

Автомобиль соскользнул на лей-линию.

Магические челюсти потока сомкнулись вокруг нас. Мое сердце екнуло, и я сглотнула ком в горле.

Планета продолжала весело вращаться под нами.

Поехали!

Рафаэль вытащил книгу в мягкой обложке и передал ее мне. На обложке, сделанной еще в то время, когда компьютерные манипуляции с изображениями достигли уровня высокого искусства, был нарисован невероятно привлекательный мужчина. Он наклонился над поверженным врагом: нога, обутая в черный сапог, попирала труп морского чудовища. Золотистая шевелюра ниспадала на плечи красавца, резко контрастируя с его загорелой кожей и повязкой, прикрывающей левый глаз. Белая полупрозрачная рубашка распахнулась, обнажая стальной пресс и идеальную мускулатуру груди с эрегированными сосками. Мощные мышцы натянули ткань штанов, которые были расстегнуты и свободно сидели на бедрах, с легкостью намекая на самый большой стояк в мире.

Выше кричащими золотыми буквами значилось: Лорна Стерлинг «Девственная госпожа».

– Роман номер четыре для коллекции Андреа? – предположила я.

Рафаэль кивнул и забрал книгу у меня из рук.

– У меня есть и другая, которую она хотела. Ты можешь мне кое-что объяснить?

Боже.

– Могу попробовать.

Он постучал книгой по обтянутому кожей колену:

– Пират держит брата одной цыпочки в заложниках для получения выкупа, чтобы она переспала с ним. Эти мужчины, они какие-то ненастоящие. Псевдоплохие парни, втихоря мечтающие о любви «достойной» женщины.

– Ты правда это прочитал?

Он бросил на меня злобный взгляд:

– Конечно. Все они кишат пиратами, разбойниками, которые крадут девиц. Кажется, они так поступают, чтобы у них не было недостатка в сексе. Им нужен кто-то, чьей жизнью они могли бы управлять.

Вау. Вероятно, Рафаэлю пришлось прятаться под одеялом, чтобы никто не усомнился в его мужественности. Либо он и впрямь влюблен в Андреа, либо у него – крайняя степень похоти.

– Парни эти настолько плохие и агрессивные, что любой, кто их увидит, от страха мочится. А потом главный герой обязательно встречает какую-то девушку и вдруг оказывается, что он – не альфа-самец, а никем не понятый маленький мальчик, который жаждет рассказать о своих чувствах.

– В твоём рассуждении есть смысл?

Он повернулся ко мне:

– Я не могу вести себя подобным образом. Если Андреа хочет, чтобы я был таким, тогда мне вообще не стоит беспокоиться.

Я вздохнула:

– У тебя есть фетиш, связанный с переодеваниями? Французская горничная, медсестра...

– Католическая школьница.

Бинго.

– Ты не против, чтобы Андреа надела клетчатую юбку и гольфы?

– Нет.

Его взгляд остекленел, и он ускользнул куда-то далеко отсюда.

Я щелкнула пальцами:

– Рафаэль! Сосредоточься.

Он моргнул.

– Я подозреваю – и это только дикое предположение, – что Андреа будет не против, если время от времени ты будешь одеваться как пират. Но я бы не советовала держать ее родственников в заложниках. Тогда она запросто выстрелит тебе в голову. Несколько раз. Серебряными пулями.

Взгляд Рафаэля прояснился.

– Понятно.

– Раз уж мы откровенничаем, думаю, ты тоже сможешь кое-что прояснить для меня. Допустим, есть альфа-самец. Допустим, он решил, что ему нравится женщина. Как бы он начал... обольщать, подкатывать? Как это правильно назвать?

– Лезть к ней в трусики? – предположил Рафаэль.

– Да. Точно.

Он откинулся на спинку сиденья.

– Ты должна понимать, что буды – не шакалы, шакалы – не крысы, а крысы – не волки. У каждого клана имеются свои маленькие причуды. Но в принципе речь идет о том, чтобы доказать, что самец достаточно умен, способен обеспечить и защитить самку и их совместных детенышей, если таковые родятся.

– Это включает взлом и проникновение?

Легкая улыбка запорхала на губах Рафаэля.

– Вижу, что Его Величество уже сделал ход. Он попросил тебя приготовить ему ужин, да?

Я зарычала:

– Это не обо мне и Кэрране.

Он рассмеялся:

– По сути, да. Я про взлом и проникновение. Такова Стая, ей принадлежит огромная территория. Конечно, у каждого клана имеется участок, который традиционно считается его исключительной собственностью. Например, в нашем распоряжении четыре квадратных мили вокруг нашего дома... Мы не нарушаем границы, Кейт. Члены определенного клана всегда могут побыть друг с другом.

А про тот случай, который ты описала, я могу кое-что сказать. Есть жилище женщины, на которую положил глаз альфа, да? И вот события начинают разворачиваться, но не на территории клана, а у нее. Понимаешь меня? Когда ты добиваешься партнера, ты пытаешься многое ему доказать и потому метишь чужую территорию.

– Ага.

– Обратни тщательно все обдумывают. Это вопрос гордости. И у любого клана есть традиции. Крысы тащатся от еды. Когда Роберт, альфа-крыса, пытался вынудить Томаса обратить на него внимание, то наполнил его матрас конфетками «Эм-энд-эмс». Представляешь, Кейт? Прямолинейно, зато сработало. Они вместе уже двадцать лет.

А у волков все завязано на шике и приличиях. Возьмем Дженнифер, их альфу. Она и ее сестры – думаю, что их шестеро, – встречаются два раза в неделю на чай. Они англичанки. Дженнифер однажды упомянула одному из своих друзей, что все ее блюда расколоты и не подходят друг другу и ей нужен новый сервиз. В то время за ней

ухаживал один волк. У клана, кстати, остались прекрасные воспоминания об этом. В общем, поклонник проник к ней в квартиру. У него с собой был антикварный сервиз, между прочим, в идеальном состоянии, и парень поставил его в кухонный шкаф... и не только...

Короче, когда Джен пришла домой, она обнаружила подарок. У нее в раковине лежали чашка и тарелка, и ухажер заменил даже их и наполнил водой, как и было.

Рафаэль немного помолчал и продолжал:

– Как по мне, немного выхолощено. Но волчицы прямо млели. Хотя, по-моему, они просто свихнулись. Так стильно, элегантно и возвышенно...

Он закатил глаза.

Я не смогла устоять:

– Что делают буды?

– Мы стараемся быть смешными. – Его глаза сверкнули. – Моя мама должна была уехать из города, и пока ее не было, отец приклеил мебель к потолку.

Я представила, как Тетушка Би заходит домой, обнаруживает такую картину, и хихикнула.

– Что сказала твоя мама?

– Она разозлилась из-за кота.

Я уставилась на него:

– Твой папа?..

– Нет, – Рафаэль покачал головой. – Нет, он не гонялся за котом с тюбиком клея, зачем поступать так жестоко? Он взял переноску, прилепил ее к потолку и сунул внутрь домашнего любимца.

Я понимала, к чему он клонит, но не хотела прерывать парня. Он так хорошо рассказывал! И меня все еще разбирал смех.

– Котик разозлился и описался, а поскольку переноска была вверх ногами, то это вылилось на пол. Тогда всю работал вентилятор, и ветер превратил мочу в дождь...

Согнувшись пополам, я расхохоталась.

Рафаэль улыбался:

– Папа попытался как-то убраться, но она ведь уже попала на ковер! Небольшой просчет со стороны отца. Он у нас не был кошатником.

– Такое сложно превзойти, – выдавила я.

– Точно.

– Ты собираешься сделать сюрприз для Андреа?

На его лице появилось хитрое выражение.

– Я думал об этом. Он должен ее впечатлить.

Я фыркнула:

– Что делают кошки?

Рафаэль покачал головой:

– Они странные. Непредсказуемые.

Мы оба замолчали.

– Ну а Кэрран? – наконец спросил он.

Я кинула на него взгляд, означающий угрозу верной и неминуемой смерти.

Рафаэль лишь пожал плечами:

– Твоя очередь. Ты мне должна за эту поездку. Меня могут притащить под арест к Кэррану за помощь тебе и ягуару.

– Я никогда не говорила, что помогаю Джиму.

Рафаэль развел руками:

– Я не идиот. Выкладывай про Царя Зверей.

– Но ты никому не проболтаешься? Я серьезно.

Он кивнул.

– Он врывается ко мне домой и смотрит, как я сплю.

Хмурое выражение омрачило красивое лицо Рафаэля.

– Прямолинейно. Я, конечно, не ждал, что Кэрран выкинет нечто сложное, но это слишком легко для него. Примитивно. Он делал что-нибудь необычное? Мебель переставлял?

– Нет.

Он нахмурился еще сильнее.

Я постучала пальцами по рулю.

– Смысл в том, чтобы дать понять женщине, что он имеет право быть на ее территории и в случае чего – сбежать невредимым?

Рафаэль кивнул.

– Вряд ли Кэрран планировал, что я когда-нибудь узнаю, что он на меня смотрит. У него это просто сорвалось с языка. Зачем изворачиваться и что-то придумывать, если ты не позволяешь женщине увидеть результат твоих действий?

– Не знаю. – Рафаэль беспомощно посмотрел на меня. – Понятия не имею, что творится в его голове.

Теперь нас стало двое.

Мир сжался, джип протестующе заскрежетал. Мне показалось, что мое тело сдавило, словно губку. На мгновение я почувствовала, как мои атомы слились воедино, даже ближе, чем позволяли законы физики, а затем лей-линия выплюнула нас.

Машину тряхнуло, и она замерла. Я посмотрела в окно. Неподалеку от джипа стояла темноволосая женщина с двумя вороными лошадьми. Я вылезла. Фризские. Около шестнадцати ладоней в холке. Огромные, черные, с развевающимися волнистыми гривами и мохнатыми щетками на ногах цвета полуночи.

Рыцарские кони с атласной шкурой. Мощные, красивые и адски впечатляющие. Спасибо, Джим.

– Это для нас?

Женщина посмотрела на меня с нескрываемым подозрением:

– Имя?

– Кейт Дэниелс.

- Тогда да. Вот Маркус, а там - Вирсавия.

- Я возьму кобылу, - сказал Рафаэль.

- Будьте осторожней с моими детками.

- Мы проедем две мили до Академии искусств и вернемся, - пообещала я. - Не волнуйтесь. С ними ничего не случится.

- Ничего?

- Они будут в целости и сохранности.

Мы сели верхом. Женщина осмотрела меня, изучила Рафаэля и хмыкнула:

- Зря я не захватила камеру. Фото стало бы потрясающей рекламой.

За исключением того, что техника бы не сработала во время магического прилива, но я была слишком вежливой, чтобы указывать на это.

Мы рысью поехали по тропинке. Маркус оказался до смешного покладистым. Он сразу же послушался меня и буквально читал мои мысли. Если когда-нибудь я окончательно свихнусь и соберусь купить себе лошадь, то я знаю, какую именно.

Минут через пять мы увидели Академию.

Комплекс напоминал крепость, восьмиугольник, окруженный восьмифутовой же стеной с арочным входом и опускающейся решеткой. Пара охранников патрулировала цитадель, и они без колебаний направили на нас охотничьи луки. Часовой у ворот проверял мое удостоверение добрые двадцать секунд - черная одежда, оружие и вороные лошади имеют свои недостатки. Наконец он кивнул.

- Мы вас ждали. Ваша девочка в дальнем конце двора, слева.

Он махнул нам.

Я подтолкнула Маркуса, и он сразу перешел на галоп. Мы скакали вокруг главного здания, мой плащ эффектно развевался.

Группа примерно из двадцати подростков стояла на приличном расстоянии от полосатых кругов мишеней для стрельбы, которые прислонили к стене. Четверо направили свои луки на цели, а остальные в порядке очереди сгрудились у гигантского вяза. За учениками пристально наблюдали двое - крупный мужчина в кольчуге и невысокая смуглая женщина. Ситлали, куратор. Отлично.

Учащиеся заметили нас и бесшумно двинулись навстречу.

Я осмотрела их и увидела светловолосую девчушку, все еще слишком маленькую и худенькую для своих тринадцати лет. Вот и моя малышка.

Стоит позади.

Мы подъехали поближе. Маркус недовольно загарцевал подо мной. Ему явно хотелось показать свою прыть.

Я пыталась выглядеть соответствующе смертоносной. Рафаэль сердито покосился на меня. Голодный рубиновый блеск затопил взгляд оборотня. Притворщик! Мальчики побледнели. Девочки храбро старались не упасть в обморок.

Джули очнулась от потрясения и принялась работать локтями, пробиваясь ко мне. Я пристально посмотрела на нее. Она вздрогнула.

- Нож, - приказала я.

Она пошарила в складках своей одежды и достала один из моих черных кинжалов. Проклятие. Я пересчитывала их на днях, и, могу поклясться, они были на месте.

Я взмолилась, чтобы Маркус стоял спокойно, выхватила кинжал из рук Джули и тотчас метнула его – нож со свистом вонзился в кору вяза.

Кто-то ахнул.

– Ты сможешь его забрать после выпускного.

Джули все смекнула:

– Да, мэм.

Она назвала меня «мэм». Я ждала, что небо расколется и изрыгнет четырех всадников Апокалипсиса, но по какой-то причине они не появились.

– До меня дошли слухи о тебе.

– Простите, мэм?

– Мне нужно напомнить тебе, что ты подписала соглашение о неразглашении с орденом?

Лицо Джули было определенно полно раскаяния.

– Ты хотела здесь учиться. Если я узнаю, что ты снова разглашаешь секретную информацию, я заберу тебя оттуда и отправлю в Академию ордена быстрее, чем ты сможешь моргнуть. Я ясно выразилась?

– Да, мэм. – Джули вытянулась в струнку.

– Ты пойдешь со мной.

– Я должна собрать вещи?

– Нет, у нас нет времени. Стае требуется немедленная помощь.

А точнее, срочная помощь требуется Дереку.

Это был знак. Рафаэль спрыгнул с седла, что он проделал с захватывающей дух грацией. Оборотень подошел к девочке и галантно поклонился.

– Джули, здравствуйте! Царь Зверей интересуется, все ли с вами в порядке?

Она тоже удостоила его весьма вежливым поклоном.

– Я в порядке. Пожалуйста, поблагодарите Его Светлость за внимание.

– Вы сможете сделать это сами. Он будет очень рад вас видеть.

Рафаэль протянул ей руку, чтобы посадить ее на Маркуса. Джули не мешкала ни секунды и спустя мгновение уже сидела позади меня.

Ее тощие ручки обернулись вокруг моей талии.

Рафаэль, немного разбежавшись, запрыгнул на лошадь без помощи рук. Мы развернули лошадей и сорвались с места. Мы миновали ворота, с грохотом пронеслись по тропинке, скрылись за поворотом и, исчезнув из поля зрения дозорных на стенах, натянули поводья.

Лошади перешли на быстрый шаг.

– Это была самая крутая вещь на свете! – произнесла Джули, задыхаясь.

– Надо же поднять твой личный рейтинг. Но дальше действуй сама. Я не могу волшебным образом появляться и жестокостью подавлять твоих одноклассников каждый раз, когда кто-то ведет себя как придурок. Если кто-то спросит тебя о том, что произошло, ты очень серьезно им ответишь, что не можешь об этом говорить. Люди терпеть не могут, когда кто-то знает то, чего не знают они. Неведение сведет их с ума.

Она обняла меня еще крепче:

- Спасибо.

- Мне правда нужна твоя помощь.

- Что случилось?

- Дерек в опасности.

- О нет, - прошептала Джули и крепче обняла меня.

Джули беззвучно плакала, стоя на коленях у изуродованного тела Дерека. Слезы градом катились по ее щекам. Я ждала. На него было больно смотреть, но она должна через это пройти, иначе не смогла бы помочь.

Примерно через пять минут малышка пошевелилась и провела тыльной стороной ладони по носу. Я протянула ей платок. Она вытерла глаза, высморкалась и кивнула.

- О'кей.

Джим и Дулитл подошли к дверям. Я чувствовала, что остальные прячутся в сумраке, наблюдая. Рафаэль был среди них. Я объяснила ему, что пособничество не приведет его ни к чему хорошему, но он только усмехнулся и последовал со мной и Джули.

Он и Джим поговорили пару минут, а затем его пустили внутрь.

Джим сел рядом с малышкой и открыл коробку из-под печенья. На белой марле лежали два бледно-желтых осколка: один из четырехрукого трупа, на который наткнулась Дали, другой - из жертвы Саймана. Во время вскрытия Дулитл обнаружил второй кусочек, застрявший в руке «Жнеца».

Док и Джим пытались объяснить мне, во что успело превратиться тело после моего отсутствия, но я не смогла полностью сосредоточиться на их словах. Вероятно, они тоже, хотя я уловила, что они запихнули ракшаса в мешок для трупов и спрятали его в одном из подвальных помещений (вдобавок они вроде бы отговаривали меня от посещения подвала).

Джули подняла осколок и сконцентрировалась, пристально глядя на острый скол желтого камня. Она долго смотрела на него, бросила в коробку и перевела взгляд на волчонка.

- Здесь. - Тонкий палец указал на изуродованное бедро Дерека.

В смуглой руке Дулитла мелькнул скальпель. Док сделал аккуратный надрез, раскрыл плоть пальцами и погрузил внутрь кровоостанавливающий пинцет. Я задержала дыхание.

Он вытащил пинцет. Окровавленный осколок поблескивал под ярким светом лампы.

- Спасибо тебе, Господи. - Дулитл бросил его в банку.

Вот и все. Наконец-то.

- Здесь. - Джули указала на левый бок Дерека.

Док замешкался.

- Режьте.

Палец коснулся ребер Дерека.

Дулитл снова сделал надрез. Второй осколок отправился к первому.

- Тут. - Палец завис над центром грудной клетки оборотня, где черный шрам от ожогов пересекал его мышцы.

Черт, сколько же штук они засунули в него?

Дулитл повторил свои действия.

– Ничего нет.

– Глубже, – велела Джули.

Темная кровь хлынула из пореза. Я содрогнулась.

Спустя вечность док произнес:

– Вот он.

Я услышала тихий звук осколка, падающего в коробку.

– Есть еще? – спросил Дулитл.

– Нет, – ответила Джули.

Я подняла взгляд. Ничего не изменилось. Дерек лежал неподвижно.

– Что теперь?

– Теперь надо ждать, – сказал док.

Я сидела не шевелясь на низком стуле и не сводила глаз с Дерека.

Прошло три часа с тех пор, как Дулитл вынул осколки.

Волчонок не двигался. Тело оставалось прежним.

В соседней комнате Дулитл дремал в раскладном кресле, даже сейчас его лицо было уставшим и изможденным. Он не спал два дня подряд, пытаясь удержать Дерека в мире живых, но в конце концов и дока настигло чувство беспомощности. В течение первого часа после того, как Джули нашла осколки, мы сидели в беспокойном ожидании. Затем надежда медленно превратилась в уныние. Я смотрела, как это сказывается на Дулитле, пока в итоге он не оставил свое бдение и не удалился. Я проверила его по дороге в ванную: он упал в кресло, погрузившись в сон.

Малышка появилась на пороге, держа две кружки в руках. Она подошла, протянула одну из них мне и устроилась на полу у моих ног. Я сделала глоток. Горячий чай с лимоном.

Я научила Джули правильно заваривать чай. Видимо, запомнила.

– Зачем клетка? – спросила она, указывая на углубление в полу, где слабо поблескивали серебряные и стальные прутья. – Я чуть не провалилась в нее.

– Она для люпусов. Такая есть в каждом убежище оборотней – на всякий случай.

Если Дерек сорвется, Джиму и Дулитлу надо сразу его запереть. Это была не то, о чем я хотела бы думать. И, конечно, не то, о чем мне следовало говорить с малышкой.

– Как вы познакомились? – еле слышно спросила она.

– Что?

– Дерек и ты. Как вы познакомились?

Мне не хотелось ворошить прошлое. Однако это лучше, чем упиваться отчаянием.

– Я искала убийцу Грегга. Орден дал мне последнее дело, которым занимался мой опекун, и я шла по тому же пути, что и он, пытаясь выяснить, почему его убили. Дело привело меня к Стае. Тогда я еще была не в курсе того, что Грегг очень тесно сотрудничал с оборотнями. Между ними возникло чувство взаимного доверия. Но они ничего не знали обо мне, как и я о них. Зато я понимала, что Грегг был разорван чьими-то когтями.

Я сделала еще один глоток чая.

– Я вышла на Джима – мы вместе выполняли заказы гильдии, – и он рассказал Кэррану о моем расследовании. Тот решил выяснить, что известно мне. Он заставил Джима договориться со мной о встрече. Из всех мест он выбрал Юникорн-лейн.

Джули фыркнула:

– Вот так сюрприз.

– Да. Теперь, оглядываясь назад, я понимаю, что это испытание. Его Пушистое Величество пытался оценить, из чего я сделана, и я ему показала. – Я пожала плечами. – Век живи, век учись.

Стольких проблем можно было избежать, если бы я не присела в темноте и не крикнула: «Кис-кис-кис! Киска!»

– Что случилось дальше?

– В результате Стая пригласила меня на одно из своих собраний, чтобы обсудить детали более подробно. Ты видела, как они относятся к посторонним. Сперва укусят, потом извиняются. Они притащили меня в свою крепость посреди ночи и отвели в зал. Я обнаружила там полторы тысячи оборотней, которые оказались совсем не рады меня видеть.

– Ты испугалась?

– Я боялась, что напортачу. К тому моменту я поняла, что если не смогу заставить Стаю сотрудничать со мной, то усложню себе жизнь. Они не принимали меня всерьез, но я постояла за себя и начала переговоры с Царем Зверей, хотя мне было очень сильно не по себе. К такому я не привыкла.

– Я понимаю тебя, – пробормотала Джули. – Стараешься, стараешься и все равно чувствуешь себя глупо. Кажется, что остальным известен какой-то секрет, который делает их лучше и умнее.

Я погладила ее по тонким волосам.

– В Академии тебе несладко, да?

– Иногда. Обычно нормально. Но там есть подлые люди, которые делают отвратительные вещи, но если ты выразишь свое неодобрение, то они просто делают вид, что ты – полная дура, – процедила она сквозь зубы, стиснув кулаки. – Они выставляют меня сумасшедшей. Если бы мы были на улице, я бы их ударила. Но если я так поступлю, это будет означать, что я не могу победить по их тупым правилам.

– Тогда ты точно знаешь, что я чувствовала.

Я могла ударить. Легко. А вот хитрые подколки и работа с запутанными полуправдами заставляли меня хотеть выпрыгнуть из кожи вон.

– Что ты сделала?

– Я решила пройти, и вдруг группа молодых оборотней преградила мне путь. Перевертыши начали хамить мне. Я догадалась, что именно Кэрран науськивал их на меня. Царь Зверей хотел посмотреть, как я себя поведу. Один из них коснулся меня, но я связала его словом силы и заставила защищать меня от остальных.

– Дерек, – догадалась Джули.

– Ага. А потом все превратилось в большую сложную сделку, поскольку Кэрран решил, что я бросаю ему вызов, забирая его волка. – Я вздохнула. – В общем, Дерек поклялся на крови, что будет меня защищать, чтобы жожаку не пришлось его убивать. Сейчас он освобожден, но ведь ты помнишь, какой он. Парень решил, что несет за меня ответственность, ну а я чувствую ответственность за его шкуру...

С хриплым криком Дерек дернулся и сорвал с рук трубки для внутривенного вливания.

– Приведи Дулитла! – Я бросилась к резервуару.

Заскорузлые руки схватили меня. Безумные глаза вспыхнули белым огнем на изуродованном лице. Дерек вцепился в меня, стиснув мои пальцы, душераздирающие хриплые крики вырывались из горла волчонка.

– Ты в безопасности! – заорала я ему на ухо. – Все хорошо, Дерек!

Его кожа деформировалась, готовая лопнуть. Темный разрез рта раскрылся:

– Больно! Больно! Больно!

К нам вбежал док со шприцем. Гибкие пальцы Рафаэля сжали запястья Дерека, надавливая на болевые точки, но волчонок держал меня с отчаянной свирепостью. Он рванул меня на себя и потащил в резервуар.

Он вцепился за мои плечи и продолжал кричать:

– Больно!

– Отпусти ее! – Дулитл безрезультатно вонзил иглу в руку Дерека. – Боль слишком сильная! Он становится люпусом!

Рафаэль боролся с парнем, пытаясь оторвать его от меня, но волчонок усилил хватку. Дулитл бросил шприц и схватил Дерека за левое запястье.

Клыки прорезались и громко лязгнули во рту Дерека.

– Отпусти ее! – рявкнул док.

Кто-то сунул шмат сырого мяса в рот Дерека. Он отпустил меня, впился в кусок и начал измельчать. Кровавый сок брызнул во все стороны.

Я выбралась из резервуара.

Джим стоял рядом с баком и тряс перед Дерексом толстым ломтем непрожаренного стейка. Парень выхватил его из пальцев ягуара и в бешенстве разорвал.

Мелодичный голос Джима был сладким, как колыбельная:

– Ешь, волк. Теперь ты в безопасности. Все закончилось. Оставь безумие позади.

Некто, когда-то бывший Дерексом, зарычал и принялся пережевывать мясо. Звуки кормежки хищника, жуткие и сочные, наполнили комнату. Я протерла глаза, смахнула с себя зеленую слизь (жидкость в резервуаре оказалась густой) и увидела в дверях Джули.

Бледная, как призрак, малышка во все глаза пялилась на Дерека.

Джим оттолкнул ее, вышел из комнаты и принес корыто, заполненное фаршем для гамбургеров. Он поставил его на пол. Дерек опустился на четвереньки. Его сломанные ноги подогнулись, и он рухнул лицом в мясо. Я направилась к двери и взяла Джули за плечо.

Она сбросила мою руку:

– Нет.

– Нам не нужно это видеть.

Дулитл швырнул на стол кожаный саквояж и открыл его. Блеснули выложенные аккуратно в ряд металлические лезвия.

– Но...

– Нет.

Я вытолкнула ее вон.

Рафаэль закрыл за нами дверь и помог мне унести кричащую Джули.

В кухонных шкафчиках стояли деревянные баночки с этикетками, подписанными от руки. В емкости с надписью «САХАР» хранилась мука. Там, где значилась «МУКА», было столько молотого перца чили, что я расчихалась.

В банке с этикеткой «ПЕРЕЦ ЧИЛИ» обнаружились патроны сорок пятого калибра. Подойдут к пушке «Смит и Вессон». Я зарычала.

Уснув рядом с Джули на диване, я проснулась пять часов спустя, не в состоянии рационально мыслить из-за того, что моя голова раскалывалась.

– Что-то ищешь? – В кухню заглянула Дали.

– Нет, в прятки играю.

Ну что за глупый вопрос.

Дали моргнула.

– Не хочешь приготовить кофе? Я чувствую его запах на нижней полке. Первая или вторая банка слева.

Я открыла первую банку с надписью «СОДА» и заглянула внутрь. Кофе.

– Что случилось с этикетками?

Дали пожала плечами:

– Ты в доме оборотня из семейства кошачьих, чья работа заключается в шпионаже. Он думает, что умный. Я была бы осторожна с ящиком для столового серебра. Вдруг там бомба?

Я взяла маленький кофейник и принялась за дело.

– Как Дерек?

– Не знаю. Дверь до сих пор закрыта. Они там уже очень долго.

Кофе закипел.

Я сняла кофейник с огня, убрала пенку и позволила закипеть второй раз. Дали достала кружки.

– Я узнала о камне кое-что новое.

Я налила ей кофе. Дали наблюдала за мной.

– А я всегда проливаю половину, – проговорила она. – И еще все выкипает.

Ловкость рук, наверное, – единственное, в чем я была хороша.

– Что насчет камня?

– В паре древних текстов написано, что Рудра Мани обладает способностью усмирять зверей и исцелять страдания людей.

По-моему, в описании был скрыт более глубокий подтекст: способность подавлять животную природу оборотня и «запирать» перевертыша в рамках человечности.

– В смысле, он исцеляет страдания?

Дали уставилась в свою кружку.

– Когда в тебе сидит осколок, кажется, что отрезали часть тебя. Ужасное чувство. Я бы предпочла быть убитой.

Я бы хотела того же в подобной ситуации. Сродни отказу от моей магии. Я ненавидела

человека, который наградила меня ею. Меня отталкивали ее проявления, и я отказалась от нее. Но это же часть меня. С ней я чувствовала себя целой, к лучшему или худшему.

Магия и возможность ее использовать сделали меня той, кем я стала. Я такая, какая есть. Против своей природы не пойдешь, это сведет тебя с ума.

– Рудра – одно из имен Шивы, – добавила Дали. – Оно означает «строгий» или «бескомпромиссный».

Как символично. Ведь оборотни своего рода компромисс между зверем и человеком. Камень заставлял их стать либо одним, либо другим.

Я думала о перевертышах по дороге к дому, когда мы ехали по лей-линии. К тому времени я уже слишком оцепенела, чтобы беспокоиться о Дерекке, – я описывала его состояние Джули, и это было – будто вскрыть старую рану. Сначала – резкая боль от содранной болячки, а потом идет кровь и рана немеет.

Поэтому я переключилась на орден. Размышляла о неспособности Теда и его верных сторонников идти на компромисс.

Тед хотел, чтобы люди оставались людьми, чего бы им ни стоили их усилия.

Темная буря собралась на горизонте моего разума с Рудра Мани четко в ее центре.

– Тебе знакомо имя Султан Смерти? – спросила я.

Дали замерла, а затем покачала головой:

– Нет.

Я помолчала. Кстати, я же еще не узнала результат анализа расплавленного серебра! Дерекка. Магический прилив отхлынул, когда я спала, но, похоже, опять набирал силу. Я пододвинула к себе телефон. Гудок. Наконец-то.

Телефон – одно из тех нестабильных устройств, которые иногда работали во время магии.

Большинство людей не понимали, как он работает. Для них это – практически волшебство, и иногда магические волны «разделяли» такую точку зрения.

Я набрала домашний номер Андреа. На втором гудке она ответила.

– Привет.

– Привет.

– Я только что получила результаты, – произнесла она. В ее голосе ни капли юмора. – Это не серебро, а электричество.

Ясно. Электричество – природный сплав серебра и золота с щепоткой меди – обладал невероятной алхимической мощью. А еще был чрезвычайно ядовитым для оборотней.

– У тебя недостаточно высокий уровень допуска, чтобы знать остальное, поэтому тебе они ничего не скажут, – заявила подруга. – Конкретный сплав – очень старый и крайне ядовит для перевертышей. У меня самой – высокая терпимость к серебру. Но его я даже не могу держать, Кейт. Ты помнишь соглашение, которое мы заключили во время Вспышки?

– Да.

Мы договорились, что я никогда не проболтаюсь ордену, что Андреа – звереныш. В свою очередь подруга будет помалкивать о том, что у меня полно конкретной информации о Роланде (последнее может спровоцировать коллективный припадок истерии среди рыцарей ордена).

– Есть только один человек, у которого имеется доступ к большому количеству сплава. Состав довольно специфический...

- Около пятидесяти пяти процентов золота, сорок пять – серебра, три процента меди, а остальное – случайный мусор.

- Да.

Samos electrum, полученный из монет, отчеканенных на греческом острове в Северном Эгейском море в 600 году до нашей эры.

Мое сердце пропустило удар. Логика проиграла, а моя неразумная паранойя восторжествовала.

- Полагаю, ты в курсе, то это означает, – произнесла она.

- Угу. Спасибо, – ответила я.

- Будь осторожна.

Я повесила трубку.

Роланд. Только он владел запасом пресловутого электрума.

Без сомнения, он хотел, чтобы сокровище тратили экономно, возможно изготовив из него пули или колья, однако ракшасы расплавили его, чтобы вылить на лицо Дерека.

Уроды.

Итак, Роланд оказался Султаном Смерти. Если я продолжу противостоять ракшасам, то вступлю в конфронтацию с его агентами. Меня обнаружат.

- Ты в порядке? – спросила Дали.

- Лучше не бывает, – ответила я.

Волна горячего гнева накрыла меня. Если бы меня раскрыли, я стала бы бороться с ним всеми силами, как и моя мама. Это была иррациональная, абсолютно идиотская мысль, и я упивалась ею. Я чудовищно устала от приступов паники, но я не сдамся.

Джим поднялся по лестнице.

- Он очнулся и разговаривает.

Я бросилась вниз, оставив свой кофе.

Он сидел на кровати, его ноги укрывала синяя простыня. Он был в человеческом обличье, цвет кожи вернулся к нормальному.

Волосы, как и раньше, стали темно-каштановыми.

Вот и все, что осталось от прежнего Дерека.

Его лицо утратило идеальную симметрию. Черты приобрели суровость и грубую твердость.

Я всмотрелась в него: теперь его лицо от верхней губы и до линии волос на лбу казалось слегка неровным, будто разбитые кости черепа срослись не совсем правильно. Раньше, если он приходил в какое-нибудь злачное место, кто-то ему свистел и говорил, что он слишком хорошенький. Теперь люди смотрели бы в свои стаканы и шептались друг другу: «Вот парень, который повидал много всякого».

Он поднял на меня взгляд. Темные бархатные глаза уставились на меня. Обычно в них искрилось лукавство, пробивавшееся сквозь мрачное самообладание волка. Сейчас от него не осталось и следа.

- Привет, Кейт.

Его губы шевелились, но мне потребовалась секунда, чтобы соотнести низкий скрипучий голос с самим Дерексом.

- Повреждены голосовые связки? – спросила я.

Он кивнул.

- Это навсегда, – тихо произнес Дулитл и вышел из комнаты.

- У тебя такой голос, будто ты зарабатываешь на жизнь убийством людей, – сообщила я ему.

- Да и выгляжу так же, – улыбнулся он.

Эффект был пугающим.

- На тебе есть место, по которому можно ударить?

- Зависит от того, кто будет бить.

- Я.

Дерек поморщился:

- Тогда нет.

- Уверен? У меня за пару дней накопилось много груза, который нужно сбросить. – Мой голос сорвался.

Я пыталась взять себя в руки.

- Абсолютно.

Моя вина, тревога, беспокойство, боль и сожаление – все то, что я тщательно упаковала и спрятала в самые глубокие уголки сознания, чтобы я еще хоть как-то могла функционировать, внезапно мгновенно разрослось и стало давить на меня. Я боролась, чтобы сдержаться, но это было сродни попыткам бороться с приливом. Намека на облегчение было достаточно, чтобы поток прорвался и потопил меня.

Позвоночник превратился в мокрую тряпочку. Я прижала руки к бокам, пытаюсь сохранить равновесие и не упасть. Твердый, горячий ком встал в горле. Мое сердце глухо билось. Это было больно, очень, и я даже не понимала, откуда исходит боль. Я просто знала, что она есть. Холод и жжение одновременно окутали меня, и мне пришлось стиснуть зубы, чтобы они не стучали.

- Кейт, – откуда-то до меня донесся встревоженный голос Дерека.

Если бы я только могла сказать, что я в порядке.

Мне хотелось заплакать или кому-то пожаловаться: я очень нуждалась в освобождении, но мои глаза оставались сухими, и боль никак не отпускала, терзая меня изнутри.

Дерек наклонился ко мне. Он побледнел, новое лицо застыло как маска.

- Прости.

Он уткнулся лбом в мои волосы, обняв меня за плечи. Я повисла в собственном, полном боли мире, словно пылинка посреди бури.

- Ты не можешь больше так со мной поступать, – сейчас мой голос звучал как заржавевший, будто я им не пользовалась годами. – Ты не можешь показывать мне, что у тебя есть проблемы, и не позволять помочь. Не давая мне ничего сделать.

- Не буду, – пообещал он.

- Я не сумею справиться с чувством вины.

- Обещаю, я не буду.

Все, о ком я осмелилась заботиться, все, кого я любила, умирали – жестоко и мучительно. Мама погибла, воткнув нож в глаз Роланду, поскольку он хотел убить меня.

Ее украли у меня прежде, чем у меня появилась возможность ее запомнить. Папа скончался в своей постели. Я даже не знала, как или почему. Он отправил меня на тренировочный забег на три дня в пустыню – там были только я и нож.

Запах поразил меня в десяти ярдах от входной двери. А потом я увидела отца. Труп распух. Кожа покрылась волдырями, из тела уже вытекла жидкость. Он выпотрошил себя сам – меч был зажат в его руке.

Мне уже исполнилось пятнадцать.

А Грега убили. За несколько недель до его смерти мы поссорились и расстались в обиде друг на друга.

Его разорвали и искромсали, будто протащили через терку для сыра.

Брана ранили в спину. Он был почти бессмертен, однако скончался у меня на руках. Я так отчаянно пыталась сохранить ему жизнь, что чуть не сделала нежитью.

Похоже, Смерть преследовала меня, как коварный и трусливый враг, дразня меня, сжирая края моего мира, забирая тех, кто мне дорог. Она не просто убивала, она стирала с лица земли. Каждый раз, когда я отвлекалась, она хватала еще одного моего друга и уничтожала его.

Дерек идеально вписался в схему, и часть меня с абсолютной уверенностью знала – он умрет так же, как и остальные. Я столь ярко представляла картину его гибели, что практически видела себя стоящей над его трупом.

Объяснять все это было бы утомительно и больно.

– Я думала, что ты тоже умрешь, – просто сказала я.

– И я. Прости.

Долгое время мы сидели и молчали. Наконец буря внутри меня улеглась, и я пошевелилась, Дерек отпустил меня и опустил голову, скрывая свое лицо.

Когда он снова посмотрел на меня, к нему вновь вернулось присущее волку самообладание.

– Какие же мы упертые придурки.

– Да, мы жесткие, – с гримасой согласился он.

– Расскажи мне о девушке.

– Ее зовут Оливия, – начал он. – Ливи. Я встретил ее на Играх. Она куда-то ускользала, когда бои начинались, но обратила на меня внимание, и мы немного пообщались. Она очень молода. У ее родителей есть деньги. Родные ее любят, но она несчастна.

– Бедная богатая девочка?

Он кивнул:

– Ливи никогда не знала своего настоящего отца. Ее мама вышла замуж за отчима, когда девочке было два года. По словам Ливи, мать одевала ее как маленькую куклу. Они оба обращались с ней, будто она – такой золотой ребенок. Вроде как она особенная. Ну а потом она выросла и поняла, что она – хорошенькая, но не такая уж и особенная: не такая умная и талантливая и не одарена магией. Она говорила мне, что сочиняла истории о том, что ее настоящий отец был волшебным принцем.

– Ей хотелось стать чем-то большим, чем она есть? – догадалась я.

– Да.

Трудно вырасти, веря, что ты – звезда, а затем разбить голову об осознание того, что так считали только твои родители.

- Поэтому Ливи завела себе «особого» богатого парня. Он не слишком ей нравился, но обращался с ней так, будто она ходила по облакам, совсем как ее мама. Он привел ее на Игры, и они столкнулись с «Жнецами». Они узнали ее... Джим заявил, что ты знаешь о ракшасах, да, Кейт? А Ливи... ей тут же сообщили, что она – полукровка. Если она присоединится к ним, они позволят ей пройти ритуал, который даст ей силу. Она сможет, как и они, менять свой облик и летать. Была только одна загвоздка: начав ритуал, пути назад не будет.

Меня затошнило.

- Она согласилась?

- Да. - Дерек поморщился. - Она говорила, что хотела посещать разные шикарные клубы, где тусуются ее друзья, и продемонстрировать им, на что она теперь способна.

- Как мелко и глупо.

- Да, - подтвердил он.

- Она завершила обряд?

- Нет. Он – долгий, длится несколько недель. Они начинали с мелочей. Убить нескольких животных. Поначалу ей это даже немного нравилось. Правда. Она рассказывала об испытаниях взволнованно. Она гордилась собой. Считала, что она по-настоящему крутая. Но вскоре все стало хуже некуда.

- Насколько плохо?

- Они заставили ее делать плохие вещи. - Дерек немного помолчал. - Что-то, возможно, еще было для чего-то нужно, но остальное... Они заставляли ее мучить других ракшасов, которых якобы следовало наказывать. Не знаю, действительно испытания должны были помочь... Думаю, «Жнецы» просто наслаждались, наблюдая, как она развращает себя. Она решила, что уже не выдержит.

- Только выхода нет, - произнесла я.

- Да. Ливи попросила меня о помощи. Я согласился, но предупредил ее, что один я не справлюсь. Нужно заключить сделку, чтобы привлечь Стаю. Она пообещала выложить нам все о ракшасах и о камне. Говорила, что какой-то загадочный парень сговорился с ними и посулил им «Волчий алмаз». Они хотели использовать его против нас. Ливи уверяла меня, что сделает все, если мы ее вытащим. - Он вздохнул. - А остальное тебе известно. Я поехал к Джиму, но он сразу отстранил меня. Я отправился к Сайману, чтобы украсть билеты, отдал тебе записку и двинулся к месту встречи, чтобы забрать ее. Когда я добрался туда, они меня ждали. По крайней мере, я неплохо дрался.

- Она была там?

Он покивал.

- Что она сделала?

- Ничего. Смотрела, - ответил он.

- Не пыталась помочь? Не протестовала?

Он отрицательно покачал головой.

- Расскажи мне об избиении.

- Они прыгнули на меня. Четверо на одного. С первым же ударом в меня угодило два осколка. Потом их стало больше. Цезарь, здоровый тип с татуировками, руководил всеми. Чернила соскальзывают с его тела и превращаются в змей с несколькими головами. Когда они кусают, они прямо прожигают тебя насквозь. Ну и вот... Я сражался. И проиграл. Было больно.

Цезарь должен умереть.

- Ты собираешься идти к Ливи снова? – спросила я, хотя уже знала ответ.

- Как только достаточно окрепну. Теперь уже недолго. Док говорит, что вирус в моем теле был подавлен, но продолжал размножаться, пока осколки находились внутри. Сейчас я выздоравливаю с рекордной скоростью. Буду на ногах через несколько часов.

- Ты ведь понимаешь, что она тебя не любит?

- Ага. – Он сглотнул. – Для заключительного обряда она должна съесть человеческое дитя. И она так и сделает, потому что слаба, но тогда назад пути точно не будет.

- Если бы вы поменялись ролями, она бы не стала делать то же самое для тебя. Она тебя использует.

- Неважно, что делает она. Важны лишь мои поступки.

Я сказал это ему однажды. Мило. Трудно спорить с собственными словами.

Я собралась с духом и тихо произнесла:

- Ее спасение не воскресит твоих сестер.

Он вздрогнул:

- Тогда я был слаб. Я ничего не мог сделать. Пытался, но... а теперь я стал сильнее.

Верно. Жизнь в ловушке – с отцом-люпусом, который насиловал, пытал и пожирал своих детей одного за другим. В то время Дерек ничего не мог поделать.

Ливи напоминала ему о погибших сестрах.

Он не мог отпустить это все, так же как я не могла отпустить свой кровный долг.

Он будет упрямствовать, пока ракшасы не убьют его.

Наконец парень решил, что он может двигаться, и я подставила ему плечо. Вместе мы доковыляли до кухни, где собралась вся компания. На столе стояла тарелка с шоколадным печеньем.

Дали прихлебывала кофе, сидя рядом с Джимом.

Напротив них Рафаэль баловался с ножом для резки стейка. Док смахивал на спортсмена, который пробежал марафон, а потом ему сказали, что он должен бежать обратно.

При виде Дерека он выпучил глаза:

- Да поможет мне Бог, мне придется самому тебя убить, мальчик. Почему ты не в кровати?

Дерек усмехнулся. Дали поморщилась. Глаза Дулитла превратились в блюдца. Джим остался невозмутимым, а Рафаэль только улыбнулся.

Я усадила Дерека в кресло.

- Почему вы всегда собираетесь на кухне?

Дали пожала плечами:

- Тут полно еды.

Джим посмотрел на меня:

- Мы должны достать «Волчий алмаз».

- Согласна. Камень слишком опасен для Стаи. Ракшасы намерены использовать его как оружие против вас. – Я взяла себе печенье. – Но нам нужна и голова Цезаря.

Они уставились на меня.

- А зачем голова? – спросил Дулитл.

- Ее легко носить с собой, и я смогу вдоволь поизмываться над ней.

Ой. Я же не проговорила, правда? Увы, у меня что-то развязался язык.

- Как можно мучить голову? – удивилась Дали.

- Воскрешаешь ее и заставляешь вновь и вновь переживать смерть хозяина.

Джим откашлялся:

- Мы не можем ни украсть камень, ни купить его.

- Единственный способ достать его – через Игры, – заметил Рафаэль.

Очевидно, Джим уже его проинформировал.

- Ты что-то придумала? – спросил меня Джим.

- Турнир продолжится послезавтра. Это командное состязание. Мы надавим на Саймана и приступим к своим прямым обязанностям.

- С чего ты взяла, что он согласится? – спросил Джим.

- Вопрос в том, как осколки камня попали к ракшасам? Кто-то им помогает. Кто-то, у кого есть камешек. Сайман ненавидит «Жнецов». Они угрожали ему, напали на него и поставили в неловкое положение, убив его минотавра.

Дали оживилась:

- У него был минотавр?

- Ага. Он тащил его сюда всю дорогу из Греции, и Март уделал его ровно за десять секунд. Короче, Сайман терпеть не может «Жнецов». – Я рассмеялась. – Но вообще-то ему кое-что требуется. Едва он узнает, что кто-то снабдил его врагов осколками, то придет в ярость. Мы предложим ему две вещи: шанс пойти против «Жнецов» в «Яме» и возможность выяснить, кто из Совета им помогает и почему. Он такое не упустит!

- Ладно, – медленно произнес Джим.

Я поняла, что он давно раздумывал над этой идеей. Зачем он использовал меня в качестве рупора?

- Что насчет Ливи? – спросил Дерек.

- Они высокомерны. – Я покосилась на Дали, ожидая подтверждения. Она кивнула. – Когда они увидят тебя, то, конечно, сообразят, что ты участвуешь в турнире ради спасения девушки и выведут Ливи из игры, чтобы поиздеваться над нами. Это наш единственный шанс добраться до нее, потому что у нас нет другого способа. Сами подумайте, как нам штурмовать летающий сарай и выжить?

- Если они такие самоуверенные, в этом их слабость.

- Как только мы войдем внутрь, пути назад уже не будет, – сказал Джим. – «Жнецы» – внутри, Кэрран снаружи. Если вы собираетесь пойти на попятную, сейчас самое время.

В кухне воцарилась тишина. Оборотни задумались.

Джим потянулся к столешнице и протянул мне телефон. Я набрала номер Саймана. Он сразу взял трубку. Мне понадобилось меньше минуты, чтобы изложить мое предложение.

На другом конце провода воцарилось зловещее молчание.

- Насколько ты в этом уверена? – спросил он наконец.

- У меня есть пять осколков и два трупа, - ответила я. - Если хочешь, можешь их осмотреть. Ты можешь сделать так, чтобы мы опять соревновались?

- Времени мало, - произнес Сайман. - Но да. Я могу. При условии, что я буду хотя бы... Скалой.

- Договорились, - сказала я.

- Вам понадобится семь бойцов.

Я нарисовала в воздухе закорючку. Все, кроме дока, бросились на поиски карандаша.

- Никогда в жизни не видел такого сборища идиотов, - покачал головой Дулитл. - Если вы примете участие в этом безумии, вас наверняка убьют. И не приходите ко мне плакаться.

Дали протянула мне карандаш. Бумага не материализовалась, и я нацарапала на скатерти.

- Стратег, Скала, Стрела, Секира, Стена, Стиллет и Сглаз. Участники должны быть на турнире сегодня в девять вечера. На время Игр мы будем изолированы. Решайся, Кейт. Ты не сможешь передумать и вернуться домой. Ты будешь драться до победного или нет, но до конца.

- Поняла.

- Вам нужно название.

Я на мгновение прикрыла трубку рукой:

- Название команды.

- «Охотники», - предложил Рафаэль.

- «Доблестные рыцари меха», - заявила Дали.

- «Отряд справедливости», - вставил Джим. - Раз уж «Лига справедливости» занята.

- Ну вы и болваны, - покачал головой Дулитл.

- «Болваны», - сказала я в трубку.

- «Болваны»? - переспросил Сайман.

- Ага.

- Понял. Дежурная бригада?

- У нас будет врач, - ответила я.

- Нет, не будет! - возразил док.

- Очень хорошо, - отозвался Сайман бодрым тоном. - Помни, члены команды должны быть там к девяти. Не опаздывайте.

Я повесила трубку.

Джим посмотрел на список.

- Этот фрик - Скала. Кейт, ты - Секира. Дерек?

- Стена, - бросил Дерек. - Боец защиты.

- Сможешь сразаться через два дня?

Он улынулся. Дали поморщилась:

- Прекрати так делать.

- Ты должен быть Стратегом, - обратилась я к Джиму. - У тебя больше опыта, чем у остальных.

- Значит, еще трое.

Нож Рафаэля коснулся конца списка.

- Стиллет, - выпалил он. - Быстрый и ловкий.

- Ты уверен? - Я взглянула на него.

- Вы - дураки. Если даже вы уцелеете, Кэрран сдерет с вас шкуру, - заметил Дулитл.

- Вот что мне всегда нравилось в вас, док, - усмехнулся Рафаэль. - У вас всегда стакан наполовину полон. Только цветочки и солнышко.

- Он не шутит, Рафаэль. Ты не обязан это делать, - произнесла я.

Рафаэль расплылся в улыбке.

- Я - буда, Кейт. У меня нет ни принципов, ни чести, но если кто-то поцарапает одного из наших, я его в порошок сотру.

- Я тронут, - съязвил Дерек. - Я и не знал, что ты обо мне беспокоишься.

- О тебе? Мне плевать. - Рафаэль выглядел сбитым с толка. - Нет, я забочусь о ней. Они пытались убить ее на парковке.

- С каких пор меня обожают буды?

- С тех пор, как ты протащила одну из наших через Вспышку и спасла ей жизнь, - ответил Рафаэль. - Никто бы для нас так не расщедрился. Даже другие кланы. Спроси у котяры.

Джим промолчал.

- Я буду Стиллетом. - Рафаэль снова постучал пальцем по списку. - Андреа - Стрела. Не спорь, Кейт. Она застрелит нас обоих, если мы будем держать ее в стороне.

- Андреа - рыцарь ордена, - проговорила я. - Не думаю, что она имеет право участвовать.

- Как и все мы, - возразил Рафаэль и потянулся к телефону.

- Остается Сглаз, - встрял Джим.

Мы уставились на него. Сглаз. Очевидно, тот, кто владеет магией.

- Кто-то из твоей команды?

Джим покачал головой.

- Тебе следует спросить, где его команда. - Док скривился от отвращения. - Давай. Расскажи ей.

Но Джим стиснул зубы.

- Где Бренна?

- На крыше, в дозоре, - нехотя протянул Джим.

- А остальные? - Если подумать, то я не видела никого из них с тех пор, как мы вернулись с Юникорн-лейн.

- Неподалеку от Огасты обнаружена стая люпусов. - Дулитл бросил на Джима возмущенный взгляд. - Я слышал по радио. Город на грани паники, да и весь штат Мэн тоже. И они какие-то странные. У них явно нетипичное поведение. Да, они нанесли

увечья скоту, принадлежащему хозяевам фермы, но не тронули ни единого члена семьи. Любопытно, что никто из людей не пострадал, правда?

Я подавила нервный смех.

Люпусы не нападут на домашний скот, если будет возможность поохотиться на людей! Они всегда жаждали отведать человеческой плоти.

– Они устраивают диверсию, – предположил Джим.

Рафаэль прервал свою беседу с Андреа по телефону, чтобы издать короткий, отчетливый смешок гиены:

– Это самое лучшее, что ты мог придумать?

– Вероятно, он и впрямь считает, что Кэрран – идиот, – покачал головой Дулитл.

– Я – Сглаз, – внезапно произнесла Дали.

И на кухне воцарилась тишина.

– Я справлюсь. Меня учили.

– Нет, – прорычал Джим.

– У тебя больше никого нет. – Челюсти Дали упрямо сжались. – Я – не хрупкий цветок!

– А что ты сделаешь? – спросила я.

Она выпрямилась во весь рост.

– Я проклинаяю.

– Это не игра. Ты можешь умереть в «Яме»! – рявкнул Джим.

– Я не играю, – огрызнулась в ответ Дали.

Бренна ворвалась на кухню.

– Кэрран!

Вот дерьмо.

Оборотни вскочили.

– Насколько близко? – уточнил Джим.

– Два квартала, быстро уходим! Он направляется сюда.

– Задняя дверь! Сейчас же! – приказал Джим. – Кейт...

Я помотала головой:

– Бери Дерека и беги. Он не сможет вытащить вас с «Арены». Я задержу его! Давай!

Он схватил Дерека на руки, как ребенка, и помчался к черному входу. Остальные перевертыши последовали за ним. Док не отставал. Я вылетела в коридор.

Оборотни галопом промчались вниз по лестнице, мимо Джули, которая, спотыкаясь, вышла из комнаты и зевала.

Я потрясла ее за плечи.

– Беги к задней двери! Спрячься где-нибудь поблизости, пока не увидишь, как я выхожу!

Малышке ничего не надо было повторять. Не вымолвив ни слова, она кинулась за оборотнями.

Я небрежно расстелила одеяло на полу и кинула рядом подушку. Пусть будет похоже на то, что тут кто-то совсем недавно спал.

Затем я отошла в сторону и полюбовалась проделанной работой. Нормально.

Достав Погибель из ножен, я попятилась. Примерно фута до одеяла должно хватить...

Раздался грохот. Дверь сорвалась с петель, на пороге застыл Царь Зверей. Он что-то прорычал, его взгляд стал совершенно диким. На нем были фирменные спортивные штаны Стаи и футболка. Плохо. Такой наряд означал, что вожак намерен принять боевое обличье.

Только этого мне для полного счастья не хватало.

Он обнажил клыки:

– Кейт.

– Долго же ты собирался.

– Где они?

Я выгнула бровь:

– С чего бы мне тебе говорить?

– Кейт, не вынуждай меня на это.

Мышцы его бедер напряглись, натягивая ткань спортивных штанов.

– Что случилось с твоим планом соблазнения? Или ты достаточно мужественен, чтобы приблизиться, только зашвырнув мою саблю под кровать, чтобы у меня не было возможности дотянуться до оружия?

Он одним прыжком пересек комнату. Я подпрыгнула и пнула его прямо в воздухе. Моя нога столкнулась с его грудью. Все равно что бить кирпичную стену.

Однако он упал на импровизированную кровать. Одеяло просело, и он рухнул в клетку для люпусов, спрятанную в углублении в полу.

Я с грохотом захлопнула верхнюю раму. Сложный замок щелкнул, закрываясь, и я сдвинула толстые прутья на место, запирая Кэррана.

Он разорвал одеяло. Его лицо потемнело от ярости. Он вцепился в прутья и отпрянул. Я присела на пол и потерла ногу. Она онемела от удара. Нужно будет поблагодарить Джули – она дважды чуть не угодила в клетку.

Он зарычал и принялся трясти прутья. Мне пришлось отдать Кэррану должное – он продержался целых пять секунд.

Прутья согнулись под давлением, но выдержали. Сделанная для того, чтобы противостоять ярости безумного оборотня, клетка содержала достаточно серебра, чтобы сжечь кожу хищника.

Когда Кэрран отпустил руки, на ладонях появились серые полосы голой плоти.

Царь выругался.

– Это меня не удержит, – добавил он.

Не сомневаюсь. Вот и хорошо. Но клетка все же остановит его на некоторое время.

Я снова потерла ногу, чтобы вернуть ей чувствительность.

Золото вспыхнуло во взоре Кэррана.

В его голосе прорывался звериный рев:

– Отопри ее!

В его глазах полыхала такая ненависть, что мое сердце едва не выскочило из груди.

– Нет.

– Кейт! Отпусти меня!

– Ни малейшего шанса.

– Когда я выйду, то заставлю тебя пожалеть об этом!

Я нахмурилась:

– В тот момент я уже буду на «Арене»! Я принимаю участие в Полночных Играх и буду наверняка на пути к тому, чтобы стать свежим трупом. Я, конечно, пожалею о многих вещах, сделанных мной в жизни, но ты, запертый в клетке, станешь исключением.

Царь сделал шаг назад. Ярость исчезла. Он просто подавил ее, натянув хладнокровное самообладание, будто шлем. Это всегда пугало меня в Кэрране, и я с трудом подавила приступ паники.

– Ладно. – Он сел, скрестив ноги. – Ты не убежала, значит, хочешь поговорить. Я выслушаю твоё объяснение сейчас.

– Правда, Ваше Величество? Как мило с вашей стороны быть столь снисходительным. Я постараюсь говорить медленно и короткими фразами.

– Ты зря тратишь мое время. Я в курсе, что Джим предал меня, а ты покрываешь его, но я дам тебе несколько минут. Можешь поразить меня гениальностью или сбить с толку ерундой. Другого шанса не предвидится. Когда я освобожусь, у меня не будет настроения тебя выслушивать.

– Джим не предавал тебя. Он поклоняется земле, по которой ты ходишь. Как и все они, и я не понимаю почему. Это великая тайна Вселенной. Но никто тебя не предавал. Они так поступили, чтобы избавить тебя от кучи всяких проблем.

И я вывалила ему все. Он молчал. Просто сидел и слушал меня, суровый и бесстрастный.

– Ты закончила? – спросил он наконец.

– Да.

– Тогда позволь мне убедиться, что я тебя правильно понял. Мой начальник службы безопасности преднамеренно не повиновался моему первому закону, поскольку решил, что знает, как поступить, лучше меня. Он втянул в передрагу одного из моих лучших молодых волков, которого в итоге избили чуть ли не до смерти, изуродовав навсегда. Но предатель гнул свою линию... – Львиный рык завибрировал в его горле. – Затем он убедил тебя прикрыть его неповиновение, и вместе вы напали на мифологических монстров, усугубив конфликт между ними и моей Стаей, вместо того чтобы исправить ущерб. И теперь он и его сообщники собираются, чтобы снова преднамеренно нарушить мой закон на глазах у тысяч зрителей «Арены». У меня не будет абсолютно никакой возможности замять дело. Правда, теперь у меня нет ни малейшего желания сделать это. Ну, Кейт, я правильно тебя понял?

– Да, но звучит все не слишком обнадеживающе.

Он откинулся назад и глубоко вдохнул, медленно выдыхая. Если бы в тот момент клетка развалилась, сокрушенная его яростью, я бы не удивилась.

– Кэрран, камень опасен. Думаю, что Роланд – Султан Смерти. Если я права, то это означает, что вы стали слишком могущественными и вас нельзя игнорировать. Он будет продолжать пытаться уничтожить вас. «Волчий алмаз» – проблема в руках ракшасов, но еще хуже будет, если он попадет к Племени или даже к ордену. Ракшасы не особо умны, зато Роланд – гений. И еще. Если рыцари заполучат топаз в свои руки, они начнут

экспериментировать с его магическими свойствами, а затем сделают прививку твоим ребятам. Это ключ к геноциду Стаи, Кэрран.

– И почему ты так переживаешь?

– Потому что не хочу видеть, как любому из вас причиняют боль. Моя лучшая подруга – звереныш. Они за одну секунду воткнут в нее осколок. Андреа может не нравиться ее животная сторона, она способна отказаться от нее, но выбор она должна сделать сама.

Говорить оказалось трудно – все равно что тащить на гору камень размером с дом.

– Мне следовало тебя предупредить. Я бы так и сделала, если бы мы не нашли... ну... лекарство. Во всяком случае, прости. Я пыталась помочь своим друзьям. У меня их немного и... ты бы видел Дерека. Я думала, что он умрет. Даже могла представить, как хороню его труп. Тебе бы пришлось убить его, если бы он превратился в люпуса, и я не хотела, чтобы тебе было больно. – Я отвернулась. – Джули выпустит тебя через час.

Он ничего не сказал, когда я покинула комнату. Сидел не шелохнувшись, с пылающими от гнева глазами.

Я направилась к задней двери и открыла ее. Выйдя наружу, дождалась Джули. Малышка выскочила из тени между двумя зданиями и бросилась ко мне.

– Царь Зверей заперт в клетке люпосов. Держи. – Я протянула ей стальной ключ. – Вставь его в замочную скважину, поверни на четверть оборота, затем опусти верхние прутья, чтобы открыть верхнюю часть. Если что, Кэрран знает, как ее отпереть, он подскажет. Но подожди час, прежде чем выпустить его. Это очень важно, Джули. Не подходи к нему раньше срока, иначе он уболтает тебя. О'кей?

Она кивнула.

– А потом... если он позволит тебе уйти, позвони по этому номеру. – Я протянула ей листок бумаги. – Вот телефон Тетушки Би. Скажи ей, что ты одна. Кто-нибудь приедет и заберет тебя.

– Я хочу пойти с тобой.

– Извини, но тебе нельзя, место нехорошее, и я могу не выбраться оттуда целой и невредимой. – Я обняла ее. – Один час, Джули.

– Один час, – согласилась она.

Я пошла за лошадей, привязанной к столбу на парковке.

Как поздно я поняла, что Кэрран нашел нас раньше, чем истекли три дня!

Ладно. Я очень сомневалась, что он потребует выполнения условий пари. Наше последнее свидание многое изменило. А если и потребует, а я каким-то образом выживу в переделке, то подавать ему ужин голой будет наименьшей из моих проблем.

Я должна была ждать в холле, пока Рене притворялась, что ищет мое имя в списке участников.

– Болваны, – произнесла она, листая страницы. – Это описание уровня вашего интеллекта или вашей потребности развлечься?

– Наш девиз.

– М-м-м. – Она продолжала делать вид, что изучает документы.

– Тебе нравится мучить меня, да?

Она одарила меня едкой улыбкой:

– Я просто выполняю свою работу. Ты ведь со мной не поспоришь, Кейт?

Она заставила меня ждать еще какое-то время.

Почему я не поцеловала Кэррана на прощание? Что я в конце концов теряла?

И ведь это даже не по-настоящему. То, что происходит между мной и Кэрраном. Тут никакими чувствами и не пахнет. Я лгала себе. У меня просто-напросто болезненная потребность быть любимой, которая почти свела меня с ума.

Иногда, когда ты жаждешь определенных чувств, ты обманываешь себя, думая, вот он – тот самый человек, который тебе нужен. Я уже поиграла с Крестом в эту игру и обожглась. А теперь – спасибо, не надо. Для Кэррана я – самка с податливым телом. Он, конечно, хочет испытать удовлетворение от победы. Такова реальность, холодная, уродливая и неминуемая.

Рука Рене потянулась к оружию. Я обернулась.

Темноволосый мужчина, которого я встретила на ВИП-площадке во время моего первого посещения турнира, вошел внутрь. Тот же темный плащ, напомнивший мне воинов-монахов. Та же мягкая грация. Его сопровождали двое – тоже в длинных плащах. Первый спутник был молодым и светловолосым. Длинный шрам пересекал его шею. В глазах светилась настороженность опытного убийцы. Второй мужчина – старше и жестче. Я посмотрела ему в глаза. Его пристальный взор заставил меня сделать шаг в сторону.

Ник. Крестоносец.

Орден ценил отчетность и публичное обличение, но некоторые вещи были слишком уродливы и неразрешимы даже для бывалых рыцарей. Когда одна из таких мрачных проблем оказывалась в поле зрения ордена, для ее устранения требовался как раз крестоносец. Он выполнял задание и исчезал.

Сталкер из Ред-пойнта, убивший моего опекуна, оказался крепким орешком. Участие Ника в деле было необходимо.

Сейчас он глазел на меня так, будто впервые видел. Я приложила все усилия, чтобы сделать то же самое.

Что бы там ни замышлял Ник, он явно работал под прикрытием.

Темноволосый уставился на меня:

– Мы уже встречались, миледи?

Его голос был низким и нежным. Прямо сытый волк в хорошем настроении. Я улыбнулась:

– Если бы мы встречались, вы бы знали, что я – не леди.

Он прищурился:

– Однако вы кого-то мне напоминаете. Не могу избавиться от чувства, что где-то видел вас раньше. Не возражаете, если мы побеседуем наедине?

– Ты не должна с ним разговаривать, – вмешалась Рене.

Она побледнела и судорожно сглотнула. Испугана, поняла я. Она боялась, и ей это было непривычно.

– Помните о нашем договоре. Вам позволено только наблюдать. Тут не площадка для тренировок. Если хотите связаться с бойцами за пределами «Арены», пожалуйста. Но не вербуйте их здесь. Особенно – в моем присутствии.

– Так вы боец, миледи?

Значит, мы снова вернулись к галантности.

– Иногда.

– Она – в команде, и вы нас задерживаете. – Рене пристально посмотрела на него.

Мужчина в свою очередь пробуравил ее взглядом.

Рене побелела как полотно, но не двинулась с места. Он дружелюбно улыбнулся, поклонился нам обеим и проследовал вперед, блондин и Ник – за ним.

Рене смотрела ему вслед с нескрываемой ненавистью.

– Как его зовут? – спросила я.

– Ублюдок, – пробормотала она, просматривая бумаги. – Также известный как Хью Д'Амбре.

Мир развалился на части.

Хью Д'Амбре. Настоятель ордена железных псов. Лучший ученик и преемник Ворона.

И военачальник Роланда.

Это не могло быть совпадением. Все знали, что Роланд в конце концов попытается расширить территорию. Сейчас он занимал участок, который пересекал по диагонали Айову и доходил аж до Северной Дакоты. Ворон объяснил мне: это никому не нужная земля, где Роланд мог спокойно наращивать свои силы и продумывать стратегию для своих будущих завоеваний.

А потом он соберет армию и распространит свою власть на восток или запад.

Я пыталась думать, как Роланд. Черт возьми, меня воспитал Ворон. Я должна уметь проскальзывать в голову его бывшего военачальника.

Итак, что ему нужно в Атланте?

Стая. Конечно. За последний год она выросла. Теперь она – вторая по величине в Северной Америке. На месте Роланда я бы постаралась устранить ее, пока она не стала еще сильнее. Он не хотел вовлекать в это дело Племя, своих соратников, потому что за ними здесь легко проследить. Вот он и нанял ракшасов. Они злые и не особо умные. Он использует их как дубинку, чтобы ударить по Стае. Они не победят, но оборотни будут ослаблены. И его военачальник находился здесь, чтобы убедиться, что все прошло гладко.

Хью Д'Амбре будет наблюдать за мной. Он может узнать мою технику. И доложит об этом Роланду, который сложит два и два и примется за мои поиски.

Двери – прямо за моей спиной. Пятнадцать шагов, и я покину здание. Еще мгновение – и я верхом на коне, и они никогда меня не найдут.

Но тогда я брошу всю нашу маленькую команду – всех тех, кто мне доверял. Уйти легко. Я подняла голову.

– Выглядишь так, будто твой дом сгорел дотла, – заметила Рене.

– Я размышляла о том, что, когда Вселенная бьет тебя по зубам, она никогда не даст тебе просто упасть. Она еще пнет тебя по ребрам и обольет твою голову грязью.

– Если повезет, это и правда будет грязь. Распишись. – Она сунула мне планшет с бланком. – Отказ от ответственности в случае возможной смерти во время боя.

Я поставила свой автограф. Через две минуты я прокладывала себе путь в сопровождении сурового красногвардейца. Внутренности словно сковало от холода.

Мне не составило труда отыскать нужное помещение для участников: вскоре до меня донесся возмущенный возглас Андреа:

– Стрела? Что ты имеешь в виду?

– Это просто речевой оборот, не более того, – услышала я голос Рафаэля.

Я нырнула в раздевалку и увидела подругу, стоящую напротив стола. На нем лежали

огнестрелы: два ее любимых пистолета «ЗИГ Зауэр», пара «кольтов», «беретта», «смит-вессон»... Оружия было столько, что Андреа, пожалуй, могла бы сдержать небольшую армию.

Рафаэль наблюдал за ней со скамьи со странной смесью страха и беспокойства.

Подруга увидела меня и улыбнулась:

- Знаешь, что им лучше сделать со своей жалкой стрелой? Пусть засунут ее себе в...

Я перебила ее, стараясь говорить разумно:

- Технически это превосходное оружие, Андреа. А еще есть праща...

- А пошла ты! Я не собираюсь выходить на поле боя только со стрелами или древней штукой для метания камней!

Рафаэль по-настоящему испугался.

Я пересекла комнату: мне хотелось разложить свои вещи. Двойные двери в спальню оказались распахнуты настежь, и я заметила Дерека, который сидел на одной из коек и читал книгу. Дулитл был рядом. Его озабоченным видом могла бы гордиться даже наседка.

- Он стоит над душой.

- Неправда, - проворчал док.

- Определенно стоишь, - сказала я. - Решил все-таки присоединиться к нам, хотя и считаешь нас дураками...

- Нет большего дурака, чем старый дурак... - пробормотал Дерек.

Док фыркнул, после чего глухо не то заурчал, не то заревел. Звук отдаленно напоминал рев медведя - если тот, конечно, был около фута ростом.

- Барсук! - улыбнулась я.

Ему подходило.

Дерек закатил глаза:

- Ты только что поняла? Ты ведь не могла упустить его мускусный запах...

- Как неуместно, - покачал головой док. - Неблагодарный мерзавец.

Я стащила одеяло и подушку с незанятой койки и отошла к пустому углу.

- Что-то не так с кроватью? - спросил Дерек.

- Я плохо сплю с другими, - заявила я, устраивая себе импровизированную постель на полу. - Нет, беру свои слова обратно. Сплю я хорошо. Просто могу проснуться с мечом в твоих кишках. Хотя... если это был ты, я бы, наверное, перевернулась и возвратилась в страну грез.

Джим вошел в спальню, направился к двухъярусным койкам, напрягся и прыгнул с пола на верхнее место.

Оттуда открывался прекрасный обзор.

- А где Дали? - поинтересовалась я.

- В горячей ванне. - Джим пожал плечами, его лицо исказилось чисто кошачьим отвращением. - Одна из них примыкает к раздевалке. Если где-то поблизости есть хоть дюйм проточной воды, она заползет в него. Тигры.

- Неужто ягуары не любят воду?

Раньше я видела, как он плавал. И ему вроде бы нравилось.

– Я не против поплескаться, если могу найти рыбу или лягушек.

Да. Логика, свойственная ягуарам.

– Все успели?

– Кроме главного фрика.

Еще бы! Сайману, вероятно, пришлось нанять дополнительную прислугу, чтобы перетащить на «Арену» весь свой гардероб.

Дали вошла в спальню, скромно завернувшись в полотенце, которое она тотчас уронила, чтобы помахать мне. Потом она сразу же начала одеваться.

Дерек поднял голову, внезапно насторожившись.

– Идут. Несколько человек.

В дверях появилась Рене.

– Ваш хозяин шлет вам свои извинения. Похоже, ваш приятель Скала не присоединится к вам, но Дюран прислал замену. – Она отступила в сторону. – Не стесняйся.

Знакомая фигура закрыла дверной проем. Мои ноги приклеились к полу.

– Веди себя хорошо, – добавила Рене и удалилась.

В комнате воцарилась гробовая тишина. Никто не пошевелился.

– Ладно, – произнес Кэрран. – Давайте поговорим.

Он схватил Рафаэля за руку и стянул со скамьи, как новорожденного котенка. Другой рукой цапнул обнаженную Дали, затащил обоих в соседнюю комнату и захлопнул за собой дверь.

Андреа сидела на скамье, уставившись на закрытую дверь. Слева и справа от себя она положила по пистолету «ЗИГ Зауэр». На ее лице застыло мрачное выражение.

– Если он ранит Рафаэля, я убью его. Просто сообщаю тебе.

– Ты изменила свое мнение о нем?

– Я еще думаю, – ответила она. – Но я не собираюсь позволять Царю Зверей забирать его у меня. Пусть только попробует его покалечить!

– Целься ниже пояса, – посоветовала я и ушла.

Я брела по коридору к «Золотым воротам». Огромный зал пустовал.

Ничего и никого, кроме меня.

Посмотрев на ограждение из переплетенных цепей, я шагнула в «Яму».

Сплошной песок. В моих снах он всегда забрызган кровью, но здесь он был чистым и желтым. Я присела на корточки, взяла пригоршню и пропустила ее сквозь пальцы.

Он оказался странно холодным.

Песчинки падали легким занавесом. Нахлынули воспоминания. Жара. Вкус крови во рту. Ярко-красная, порезанная плоть. Мертвые глаза, уставившиеся в небо. Слепящее солнце. Рев толпы. Боль: левое плечо – укус ягуара, бок – удар копы, правая икра – острый как бритва хвост рептилоидного чудовища, для которого у меня нет названия...

– Все равно что поприветствовать старого друга, да?

Я обернулась и увидела пожилого мужчину, стоящего по другую сторону ограждения. Жесткие морщины избороздили широкое лицо, обветренное и загорелое за долгие годы, проведенные в местности, где палит солнце. В черных волосах, зачесанных назад и собранных на затылке, поблескивала седина.

Он показался мне знаком.

– Вряд ли это друг, – ответила я.

Из «Полуночных ворот» вышел Март. Он двигался бесшумно, как тень, в своем черном костюме и взмыл в воздух, легко приземлившись на столбик ограждения.

Мужчина его не услышал.

– Ты дралась здесь раньше? – спросил он с легким французским акцентом.

Я отрицательно покачала головой.

– Тогда где же?

Где я этого не делала?

Я выбрала первый пришедший на ум вариант:

– Хойо-де-Сангре. Давным-давно.

Март наблюдал за мной. У него было странное выражение лица. Определенно хищное, но с явным намеком на что-то еще, тревожное и чуть ли не печальное.

– А-а-а, – мужчина кивнул. – Жуткое местечко. Не волнуйся. Песок везде одинаковый.

Я улыбнулась:

– Здесь он холодный.

Он снова кивнул:

– Правда. Но это почти ничего не меняет. Когда услышишь их крики, сразу все вспомнишь. – Он посмотрел на пустой зал. – Давно ты дралась?

– Двенадцать лет назад.

Его брови поползли вверх:

– Двенадцать? Конечно нет. Ты слишком молода и красива... – Его голос дрогнул. – Mon Dieu, je me souviens de toi. Petite tueuse.

Он отшатнулся, будто ограждение между нами раскалилось, и слинял.

Я посмотрела на Марта.

– Привет, Златовласка. Где твой татуированный друг? У нас с ним намечается свидание.

Он продолжал пялиться на меня.

– Ты не очень-то разговорчивый. – Я вытащила Погибель из ножен и покрутила ее между пальцами.

Он посмотрел на саблю.

Я смерила Марта взглядом. Он занял выгодную позицию, даже если я прыгну с разбега, он запросто переберется куда-нибудь еще. Лучше и не пытаться.

– Пугаешь конкурентов?

Услышав Кэррана, я подскочила, наверное, на шесть дюймов вверх.

Царь Зверей стоял возле ограждения.

Пригоршня песка ему в глаза, приструнила бы жожака. Но я вообще не слышала, как он подошел. Подкрадывается как привидение, хотя, по-моему, должен топтать как слон.

Сколько он там простоял, можно было только гадать.

– Я тебя пугаю или ты от рождения дерганая?

Я рассердилась:

– Пожалуй, меня отталкивает звук твоего голоса. Это инстинктивная реакция.

– А он не раздражает твои инстинкты?

Март усмехнулся.

– У нас с ним randevu. До тех пор я не должна его трогать.

Кэрран внимательно посмотрел на Марта.

– Не могу понять, он хочет тебя убить или трахнуть.

– Буду рада сделать выбор за него.

Кэрран оглянулся на меня:

– Почему ты всегда притягиваешь к себе всяких мерзавцев?

– Это ты мне скажи.

Ха! Да, сам напросился. Март спрыгнул со столба и исчез в «Полуночных воротах».

Я направилась в противоположную сторону, к «Золотым». Кэрран распахнул передо мной двери. Я застыла. Как-то неожиданно.

Я к такому не привыкла.

– В чем дело?

– Пытаюсь решить, не ловушку ли ты мне приготовил?

– Убирайся! – прорычал он.

– Ты собираешься наброситься на меня?

– А ты хочешь?

Я благоразумно решила не размышлять над вопросом. Ответ может меня ужаснуть и ввести в ступор.

Я проскользнула в «Золотые ворота».

Кэрран захлопнул двери и догнал меня.

– Мы попались? Ты заставил их упаковать вещи и пойти домой?

– Вот ты – определенно попалась. Но все остаются. И я тоже буду драться.

Я посмотрела на него:

– С нами? В «Яме»?

– Да. Недостаточно хорош для тебя? Ты бы предпочла Саймана?

Дай-ка подумать. Царь Зверей против истеричного Ледяного Великана.

Тут вообще есть выбор?

– А что насчет Андорфа и твоего первого закона?

- А что? - спросил он.

- Неужели ты убил его - в пятнадцать-то лет? - вырвалось у меня.

- Убил.

Никакого умного продолжения не приходило в голову.

Мы свернули за угол, и в конце коридора я увидела Цезаря.

Я стиснула зубы. Мне так сильно хотелось добраться до него, что я буквально чувствовала на губах вкус его крови.

Кэрран посмотрел на меня.

- Он контролировал избиение Дерека, - прошептала я.

Глаза оборотня вспыхнули золотом.

Если мы сейчас бросимся на «Жнеца», нас дисквалифицируют. Но мы оба решили уничтожить его. Мы об этом мечтали.

Цезарь обернулся, заметил нас и споткнулся. На мгновение замер, как олень в свете фар, а затем нырнул в помещение для «Жнецов».

Я повернулась и пошла в наши «апартаменты». Кэрран не последовал за мной.

Андреа поприветствовала меня, помахав рукой. Она сидела на скамье, перед ней на белом полотенце было разложено множество самых разнообразных деталей, которые, без сомнения, собирались в очередной смертоносный огнестрел.

Я села рядом с подругой.

- А где остальные?

- Прячутся, - ответила она. - За исключением Дулитла. Его Кэрран простил, потому что пока похитили. Но я слышала еще много чего интересного через дверь.

- Давай.

Она лукаво улыбнулась мне.

- Сначала оправдывался Джим. Он толкнул речь в стиле «это целиком и полностью моя вина» и так далее. Потом пришла очередь Дерека - и он твердил то же самое. Тогда Кэрран пообещал, что следующий желающий стать мучеником им станет. Затем Рафаэль начал говорить, точнее, рычать о том, что он здесь - только из-за долга крови. Дескать, он имеет право на возмещение ущерба, нанесенного другу буды, и это записано в проклятом Кодексе на такой-то странице. А если Царь Зверей не согласен, то можно продолжить обсуждение на улице в более агрессивной форме. Как драматично и нелепо! Но мне понравилось.

Я могла представить, как Кэрран сидит, положив руку себе на лоб, закрыв глаза и оскалившись.

- Ну а Дали заявила, что ей надоело, когда с ней обращаются, будто она сделана из стекла, и она тоже хочет драться.

Это его добило.

- А Кэрран?

- С минуту он молчал, после чего устроил им разнос. Он сказал Дереку, что тот вел себя безответственно по отношению к Ливи. А если он собирается кого-то реально спасти, то он должен заранее придумать хороший план, а не устраивать жуткий беспредел, который имеет неприятные последствия. Кроме того, Дерек нарушил практически все законы Стаи и сам напоролся на неприятности. Потом он перешел к Дали. Если она хочет, чтобы ее воспринимали всерьез, пусть научится брать на себя ответственность и

перестанет притворяться слабой и беспомощной каждый раз, когда попадает в беду. А «Яма» определенно не то место, где стоит доказывать свою твердость духа. По-моему, он не считал ее поведение милым, когда ей стукнуло пятнадцать, и не склонен считать его таковым и теперь, когда ей уже исполнилось двадцать восемь.

Я была в шоке.

– Он сказал Рафаэлю, что долг крови превосходит законы Стаи только в случае убийства или опасного для жизни ранения. Он даже процитировал страницу Кодекса и номер раздела! И добавил, что легкомысленные оборотни, в том числе и альфы, также нарушают закон Стаи и караются изоляцией. В общем, Кэрран задал им потрясающую взбучку. Когда он закончил, они все хвосты поджали.

Андреа принялась полировать какую-то деталь пока еще не собранного пистолета.

– В итоге он приговорил всех троих – и себя – к восьми неделям исправительных работ на постройке северного крыла крепости и отпустил их. Они выскочили вон. Бежали с такой скоростью, словно там начался пожар.

– Он осудил и себя?

– Он нарушил закон Стаи, приняв участие в нашей глупой затее.

Царь Зверей во всей красе.

– А Джим?

– Он получил отдельный нагоняй. У него с Кэрраном состоялся тихий и сердитый разговор, я почти ничего не расслышала. Но я кое-что уловила – ягуар должен будет вкалывать три месяца, достраивая крыло крепости. Напоследок Царь очень небрежно сказал, что если Джим захочет затеять драку – мало ли что? – с его, Кэррана, будущей подругой, он может это сделать. Однако он должен иметь в виду, что вожак Стаи не придет спасать его пеструю шкуру. Видела бы ты физиономию Джима!

– Его – кто?

– Его подруга. ПО-ДРУ-ГА.

Я выругалась.

Андреа усмехнулась:

– Я думала, что сделаю твой день лучше. А теперь ты застряла с ним здесь на три дня, и вы будете вместе сражаться. Романтично. Прямо как медовый месяц.

И снова мне пригодилась моя психологическая подготовка. Я не задушила Андреа на месте.

Именно в этот момент в комнату вошел Рафаэль:

– Поединок «Жнецов» вот-вот начнется. Кэрран велел передать, что твой мерзавец будет сражаться.

Зал, пустующий еще час назад, был заполнен до отказа.

В жизни – отдельные личности – здесь зрители смешались в единое целое, в шумного, яростного, азартного зверя с тысячью глоток. Ночь только началась, а он уже ревел и жаждал крови.

Кто-то (вероятно, Джим или Дерек) обнаружил узкую лестницу, соединяющую этажи. Утопленная в стене слева от «Золотых ворот», она находилась в тени и была практически невидима для толпы, сосредоточенной на ярко освещенной «Яме». С нее открывался отличный обзор.

Я протиснулась через Рафаэля и Андреа, которые сидели рядышком, и посмотрела на наше сборище.

Тут были все, кроме дока. Вскрабавшись на лестницу, я уселась на верхнюю ступеньку. Бетон охлаждал мою спину.

«Жнецы» выставили двух бойцов против четырех из команды соперника. Первым оказался Март. Второй – женщина: маленькая, соблазнительная, чувственная, с водопадом темных волос, ниспадающих на спину. Она смахивала на Оливию и могла бы сойти за ее сестру.

Дерек увидел ее и напрягся.

Я принялась изучать четверку из другой команды. Первым был огромный азиат, крепкий и толстый, как кирпич. Наверное, Скала. Позади него маячил боец Стрела, худощавый темнокожий мужчина, вооруженный луком и поясом, набитым ножами и дротиками. По меньшей мере тридцать стрел торчали из песка, «готовые» к тому, чтобы их схватили и использовали.

Слева находился Секира, юноша со светлыми волосами, который, наверное, думал, что он – японец: на нем было традиционное темно-синее кимоно и штаны хакама голубого цвета – плиссированные и широкие, словно юбка. Он вооружился мечом катана. Ничего удивительного.

Последней оказалась женщина: маг, судя по ее позиции в команде.

Мудрый выбор, учитывая, что магия была на подъеме.

Прозвучал гонг.

Лучник выстрелил. Стрела рассекла воздух и, не причинив никому вреда, упала на песок, Март стремительно увернулся.

Лучник вытащил вторую и выстрелил снова со сверхъестественной быстротой. Март уворачивался влево, вправо, влево, пассивно держа меч у бока. Они думали, что сразу поймают его. Ни черта подобного.

Скала двинулся вперед, на удивление легко ступая. Позади него женщина-маг начала делать какие-то сложные пассы. Секира бросился на женщину из «Жнецов».

Она откинулась назад, раскинув руки, будто готовая взлететь птица – крылья. Март не сделал ничего, чтобы помочь ей. В десяти футах от нее Секира обнажил клинок.

Что дальше?

Нижняя челюсть женщины отвисла. Магия хлестала по моим обостренным чувствам, жесткая и обжигающе горячая.

Женщина напряглась, и ее вырвало темным облаком в лицо мечнику. Облако роилось и цеплялось за мужчину. Он пошатнулся, прервав атаку на полпути. Ровное жужжание эхом разнеслось по «Яме».

– Пчелы? – предположила я.

– Осы, – ответил Дерек.

Мечник вскрикнул и завертелся на месте.

Следующая стрела пригвоздил тень Марта к песку, когда он рванул вперед. «Жнец» влетел прямо в живот Скале и вспорол его брюхо мечом. Мужчина рухнул навзничь и скрючился от боли.

Рой, преследующий мечника, разделся пополам. Отделившаяся часть метнулась к лучнику, как черное лассо. Он побежал.

Скала продолжал корчиться. Женщина-маг щелкнула пальцами. Огненный конус вырвался из их кончиков, закручиваясь торнадо. Март подпрыгнул. Она направила к нему конус, но опоздала. «Жнец» приземлился на нее, сильно пнув ногой по шее. Удар сбил ее с ног, но я успела заметить, как ее голова резко дернулась в сторону.

- Сломана шея, – догадалась Андреа.

Рой насекомых поймал лучника. Он свернул налево и налетел на меч Марта. «Жнец» рубанул его двумя точными, короткими ударами и ринулся к Секире, который визжал как недорезанная свинья.

Словно изумляясь, «Жнец» долго смотрел, как он бьется, после чего прикончил противника одним ударом.

Осы исчезли. Голова мечника покатилась по песку.

Толпа заревела от восторга.

Оборотни рядом со мной не издали ни единого звука.

- Вот как это работает, – негромко сказал Джим, пока служащие укладывали трупы на носилки и ворошили песок в поисках частей тела. – Всего – четыре боя. Сначала – квалификация, затем – второй эшелон, третий и чемпионский. Только на последний можно выставить команду целиком. Кроме того, по правилам мы можем сами выбрать от одного до четырех участников на каждую драку. Если мы выставим четверых и всех потеряем, то будем автоматически дисквалифицированы как «неспособные продолжать».

Он сделал паузу, чтобы мы могли это осознать. Очевидно, Джим занимался сбором информации. Он не расставался с папкой-планшетом и строчил заметки в блокноте с линованной бумагой, как будто тренировал бейсбольную команду.

- Кстати, многие как раз выставляют четверых. Отправлять троих – слишком рискованно. – Он посмотрел на Кэррана, сидящего на ступеньках.

Царь Зверей пожал плечами:

- Это твоя игра.

Итак, Джим остался Стратегом. Как великодушно со стороны Его Величества.

- Разобьемся на две команды, – решил Джим. – По трое и четверо.

Ну и ладно.

- Так мы сведем к минимуму риск выбывания и отдохнем между боями.

Вполне разумно.

- Рафаэль, Андреа, Дерек и я – мы будем в первой группе. А Кэрран, Кейт и Дали – во второй.

Полный провал.

- Ты хочешь, чтобы я дралась вместе с *ним*? То есть с ним и в одной команде?

- Да.

Внезапно у меня возникла острая необходимость с криками убежать прочь.

- Почему?

- У Дерека, Рафаэля и меня схожий стиль. Мы знаем, как правильно распределиться на поле боя. Андреа – очень мобильна. К тому же она будет нас прикрывать. Она может стрелять и одновременно перебежать с участка на участок. Дали – нет, – произнес Джим.

- Я владею магией сёдо, – добавила Дали. – Проклинаю каллиграфией. Мне нужно написать проклятие на листе бумаги, но в тот момент я не смогу двигаться. Один иероглиф – и запросто убью кучу народа.

Отлично.

– Но не волнуйся. – Дали замахала руками. – Проклятие настолько чувствительно, что обычно вообще не работает.

Все лучше и лучше.

– Рафаэль и я – не самые хорошие защитники, – сказал Джим. – И Дерек еще не совсем в форме. Я должен поставить Дали в тыл – за спину Кэррана. Он – самый опытный из нас. Но ему понадобится напарник-нападающий, а ты – мой лучший боец атаки, Кейт.

Для меня это прозвучало совсем не как комплимент.

– Мы втроем прошли одинаковую подготовку, – продолжил наш Стратег. – Мы знаем, чего ожидать друг от друга, и хорошо работаем как команда.

Он предположил – я не сработаюсь с их командой. Справедливо.

– Вторая группа возьмет на себя квалификацию и драку третьего эшелона. Квалификация не должна доставить вам особых проблем, а участники третьего эшелона уже должны быть вымотанными. Первая группа примет бой второго эшелона. Вместе сражаемся за звание чемпионов.

Джим перевернул страницу в блокноте.

– Сегодня днем вы идете против «Красных демонов». Они вроде бы выставят зубра-оборотня, мечника и кого-то еще в качестве мага. Видите, как получается? Они стараются запланировать поединки во время магических волн, чтобы обеспечить толпе лучшее шоу. Старайтесь казаться небрежными и некомпетентными. Чем слабее вы выглядите, тем больше наши соперники будут недооценивать нашу команду и тем легче будет всем нам. Милорд, никаких когтей. Кейт, никакой магии. Вам нужно победить, но еле-еле.

Он снова заглянул в свои записи и добавил:

– Насчет закона об убийстве. Не распространяется на Игры в «Яме».

Кэрран ничего не сказал. Значит, Джим дал оборотням разрешение на убийство без привлечения к ответственности с молчаливого согласия Кэррана. Гладиаторы погибают. Такова реальность. Мы должны быть там. Мы вызвались добровольцами. И, имея шанс, каждый из членов противоположной команды убил бы любого из нас не задумываясь.

Песок скрипел под моими ногами. Я практически ощущала его вкус у себя на языке. Воспоминания принесли тепло и солнечный свет. Я стряхнула их и посмотрела через всю «Яму».

В дальнем конце маячили трое. Мечник – высокий здоровяк с огромным мечом. Зубр, лохматый, с темно-коричневым мехом, огромный и злой. Он оказался невероятно широкий, плечи бугрились от твердых мышц, грудь походила на бочонок. Он был одет в кольчугу, но без штанов. Ноги оканчивались черными копытами. Густая грива жестких волос венчала затылок. Он выглядел как смесь быка и человека, но там, где лицо минотавра было единым целым, череп оборотня представлял собой месиво разнородных частей.

Позади них возвышалась кошмарная тварь. Нижняя часть была темным туловищем питона с кремовыми завитками чешуек. В районе живота они истончались и становились блестящими, плотно обтягивая верхнюю часть человеческого тела, с парой крошечных грудей и женским лицом, которое выглядело так, будто принадлежало пятнадцатилетней девочке.

Она смотрела на нас изумрудно-зелеными глазами. Череп был лысый, и капюшон плоти спадал с ее головы, как у королевской кобры.

Ламия. Отлично.

Девушка-змея мягко покачивалась, будто прислушивалась к музыке, доступной только ей. От нее исходила старая магия, древняя и ледяная. Песок скручивался вокруг длинного хвоста в перистые изгибы, поглаживал чешую и скатывался обратно.

Дали вздрогнула. Она была с планшетом, чернильной ручкой и листами тонкой рисовой бумаги, нарезанной на полоски шириной в дюйм.

Я посмотрела на мечника. Слабо и расхлябанно. О'кей, я смогу.

Толпа над нами ждала. Гул разговоров и звуки тысячи одновременных вдохов смешались в низкий гул. Я осмотрела зал и заметила на балконе Саймана. Тетушка Би сидела слева от него, а Мэхон, медведь Атланты и палач Стаи, занимал кресло справа. Сидеть между альфами клана – это что-то. Неудивительно, что Саймана убедили уступить свое место Кэррану.

За Тетушкой Би я заметила знакомую светлую головку. Не может быть.

Малышка Джули!

Ну и дела.

– Ты подкупил моего ребенка!

– Мы пришли к деловому соглашению, – сказал Кэрран. – Она хотела посмотреть, как ты дерешься, а я хотел знать, когда, где и как ты участвуешь в Играх.

Джули одарила меня нервной улыбкой и слегка помахала рукой.

– Подожди, пока я отсюда не выберусь, – одними губами произнесла я.

Мы еще поговорим о выполнении приказов.

– Я знаю, в чем проблема. – Кэрран отвел плечи назад и наклонился, разогреваясь.

Я украдкой взглянула на него. Он решил драться в джинсах и старой черной футболке, от которой оторвал рукава. Наверно, в ней он тренируется.

Его бицепсы были вырезаны, мускулы четко очерчены и сформированы бесчисленными усилиями – не слишком объемные и не слишком худые. Идеальные. Целовать его... да, сам поцелуй мог сделать меня виноватой в катастрофической ошибке, но, по крайней мере, никто не смог бы обвинить меня в плохом вкусе. Фокус в том, чтобы не повторить этого снова. Один раз еще может сойти за случайность, но второй – уже беда.

– Ты что-то сказал? – Я выгнула бровь, посмотрев на него.

Беспечность – лучший камуфляж. И зубр, и мечник выглядели готовыми к атаке: оба напряглись и набычились.

Они казались чересчур самоуверенными, наверное, мысленно уже расправились с нами.

Кэрран посмотрел на зубра и мечника. Похоже, они ждали, когда ламия отвлечет от них внимание. Она сидела, окутанная магией, хватаясь за нее двумя руками, будто держала ее на привязи.

– Я сказал, что знаю, почему ты боишься драться со мной.

– И почему?

Если он наклонится еще раз, мне придется принять экстренные меры. Может, мне пнуть песок в его сторону или сделать что-то в этом роде? Сложно выглядеть горячим парнем, вычищая песчинки из глаз.

– Ты меня хочешь.

Боже.

– Ты не способна устоять перед моим неуловимым обаянием и боишься, что выставишь

себя на посмешище.

– Эй, не разговаривай со мной так!

Прогудел гонг.

Воспоминания врезались в меня: жара, солнце, страх.

Магия ламии хлестнула, как атакующая кобра. Я подпрыгнула и потому умудрилась не свалиться в яму, образовавшуюся под моими ногами.

Секира не сводил с меня глаз. Он бросился вперед и нанес удар, прямо как по учебнику, по диагонали: справа налево и вниз. Я отпрянула. Клинок просвистел рядом со мной, я схватила противника за ремень и долбанула его своим лбом. Понял?

Вот так. Небрежно.

Кровь залила мое лицо. Глаза Секиры закатились, и он рухнул на песок.

Ой. Я поторопилась.

Я обернулась и заметила приближение зубра. Ему потребовалось время, чтобы разогнаться, но теперь, когда он бежал, огромный, тяжелый, выдыхающий воздух из уродливых ноздрей, казалось, что его уже не остановить.

Кэрран наблюдал за ним со скучающим видом. В последний момент он отошел в сторону и выставил ногу. Оборотень споткнулся, и Царь Зверей помог ему, не особо мягко толкнув его в шею.

Зубр упал на песок, словно опрокинувшийся небоскреб. Он вздрогнул и затих, шея повернулась под неестественным углом.

Должно быть, он сломал ее при падении. Его грудь вздымалась. По крайней мере, он не умер.

Кэрран недоуменно уставился на него.

Дали резко выкрикнула команду на непонятном языке и подбросила в воздух лист рисовой бумаги. Мы выжидающе смотрели на ламию. Ничего. Она опять замахала руками, собирая магию для чего-то скверного.

Вероятно, заклинание Дали оказалось полной чепухой.

Над головой ламии сверкнула яркая пурпурная искра. Она превратилась в пылающую красную пасть с демоническими игольчатыми зубами. Челюсти впились в женщину-змею – в шею, локти, талию – и исчезли. Раздался громкий хруст, и ламия изогнулась: голова откинулась назад, хрустнули шейные позвонки, вывернулись локти.

Она резко наклонилась в сторону, как цветок со сломанным стеблем.

Я уставилась на нее.

– Получилось.

Толпа пришла в неистовство.

Джим ждал нас у «Золотых ворот» и скалил зубы.

– Что случилось с победой еле-еле?

– Ты сказал – небрежно! Я даже не воспользовалась саблей, а ударила головой, как идиотка.

– На тебя напал мечник, а ты обезоружила и вырубил его за две секунды. – Он повернулся к Кэррану.

Царь Зверей пожал плечами:

– Я не виноват, что он не умеет правильно падать.

Джим перевел взгляд на Дали:

– Что ты устроила?

– Алые челюсти смерти.

– А ты собиралась мне рассказать, что умеешь выворачивать локти задом наперед?

– Я же говорила тебе, что проклинаяю.

– Ты утверждала, что твоя магия не работает!

– Она не всегда работает. Но сейчас мне повезло. – Дали наморщила лоб. – И я могу больше не использовать магию против... живых противников. А это был несчастный случай.

Джим сузил глаза. Планшет хрустнул в его руках. Он повернулся и демонстративно ушел.

– Мы ранили его чувства. – Дали посмотрела на его удаляющуюся спину, вздохнула и отправилась за ним.

– Что, черт возьми, я должен был сделать: поймать зубра, когда он падал, и покачать его на руках? – прорычал Кэрран.

Очутившись в раздевалке, я схватила сменную одежду и отправилась в душ.

Когда я вышла, красногвардеец принес ужин: тушеную говядину со свежееиспеченным хлебом.

Рафаэль исчез сразу после трапезы, а оборотни пригласили меня поиграть в покер.

Лучше бы я этого не делала. По-моему, перевертыши слышали мое сердцебиение, чуяли изменения в запахе моего пота, считали, сколько раз я моргнула, и знали, какие карты у меня были, прежде чем я на них успевала посмотреть. Если бы мы играли на раздевание, мне пришлось бы содрать кожу с собственной спины.

В итоге я сдалась и прилегла на койку, чтобы почитать одну из книг Дулитла в мягкой обложке, раз он был так занят: добрый док превратился в карточного дьявола.

Время от времени я смотрела на них. Шестеро оборотней сидели, застывшие, будто статуи, с ничего не выражающими лицами, они едва поднимали карты, чтобы бросить на них сверхъестественно быстрый взгляд.

Странно, но вскоре у меня стали слипаться глаза: в их неподвижности было нечто убаюкивающее.

Мне снилось, что мы с Кэрраном убили динозавра, а потом занялись сексом в грязи.

Около девяти часов вожак, Дали и я направились к «Золотым воротам», чтобы посмотреть, как Андреа, Рафаэль, Джим и Дерек разберутся с командой «Убийц».

Магия вновь забурлила в Атланте.

Андреа ухмыльнулась, проходя мимо меня. Пистолеты «ЗИГ Зауэр» были в набедренных кобурах, а в руках моя подруга несла арбалет.

Во время магического прилива пушки не стреляли, но Андреа хотела быть готовой ко всему.

Я перевела взгляд на Джима и Дерек. Они оба облачились в одинаковые серые спортивные штаны. Рафаэль взял боевые оксидированные ножи тефлоново-черного цвета.

Ножик в его левой руке напоминал самурайский клинок танто. А тот, что в правой руке, был обоюдоострым и листовидным: узкое у рукояти лезвие слегка расширялось, прежде чем перейти в острие.

На Рафаэле были черные сапоги и черные кожаные штаны, облегающие его так, что при взгляде на парня учащалось сердцебиение.

По пути он наклонился к Кэррану и протянул ему бумажный веер, сложенный из какого-то флаера.

– Это что еще такое? – спросил Царь Зверей.

– Меры предосторожности, Ваше Величество. На случай, если леди упадет в обморок.

Кэрран просто уставился на веер.

Рафаэль шагнул к «Яме», обернулся, поклонился и подмигнул мне.

– Дай мне веер, – сказала я Кэррану. – Мне нужно обмахнуться.

– Нет, не нужно.

Мы поднялись на лестницу для лучшего обзора.

Когда мы расположились на ступеньках, Андреа уже деловито заряжала арбалет.

Трое оборотней выстроились перед ней.

По ту сторону песчаной равнины их ожидали противники, встав в шеренгу по двое.

Азиатский колорит был снова в действии. Их Скала – огромное, возвышающееся чудовище – наверняка весил около четырехсот фунтов. Темно-синий, он достигал восемь футов в высоту, а его ручищи смахивали на стволы деревьев. Круглый живот выступал над килтом, будто он проглотил пушечное ядро. Из шевелюры жестких волос, стекавших с черепа, торчали два изогнутых рога, а из нижней челюсти – два одинаковых клыка, как у саблезубого тигра. На грубой морде с глуповатыми глазами, по-моему, могло быть только одно-единственное выражение: примитивная ярость. Здоровенная железная дубина явно свидетельствовала о готовности обрушить ее на соперника.

Японский людоед.

Рядом сидел зверь, поразительно похожий на каменные статуи, охраняющие входы в китайские храмы. Толстый и мускулистый, он таранился на толпу выпученными глазами, в которых, однако, светился ум. Бока у него были темно-красными, грива завивалась в рубиновые локоны. Он понюхал воздух и покачал непропорционально большой головой. Он открывал пасть все шире и шире, пока башка чуть не раскололась. Лев Фу.

Позади него тонкогубая рыжеволосая женщина в белой рубашке и расклешенных черных брюках держала юми – двухметровый тонкий традиционный японский лук. Рядом вытянулся в струну азиат с поразительными нефритовыми глазами.

Лучница начала натягивать юми. Она расставила ноги, повернувшись к цели – к Рафаэлю.

Вот она подняла лук над головой и медленно опустила, одновременно натягивая тетиву – все сильнее и сильнее, – пока стрела не оказалась на уроне ее скулы.

Серебряная искра вспыхнула на наконечнике и побежала по древку, полыхнув белой молнией.

На другой стороне «Ямы» Андреа сохраняла спокойствие, прижав арбалет к боку. Рафаэль изящно покрутил нож правой рукой, превратив клинок в круг с металлическим отблеском.

Я наклонилась, оперев локти в колена. Руки сплелись в один кулак.

- Они - не дети, - проговорил Кэрран. - Они знают, что делать.

Для меня это не имело никакого значения. Лучше я сто раз сама зайду в «Яму», чем буду наблюдать за их гибелью.

Раскатисто прогудел гонг.

Лучница выпустила стрелу.

Андреа подняла арбалет и, не целясь, выстрелила. В тот же миг Рафаэль выскользнул с пути огненной стрелы так плавно, будто его суставы были сделаны из воды, и ударил по ней ножом.

Кусочки стрелы упали на песок, обжигая все вокруг магией.

Голова женщины дернулась. Арбалетный болт вонзился ей точно между глаз. Ее рот распахнулся черной «О», и она повалилась назад, как бревно.

Мужчина возле нее зажмурился и упал навзничь. Но его тело не коснулось песка. Нити магии поймали и опутали его, сплетаясь в тонкую паутину, обвивающую его, как кокон. Лицо бойца стало безмятежным. Он казался спящим.

Лев Фу заревел. Теперь он походил на разъяренную росомаху, а вовсе не на кота. Из пасти вырывались клубы красноватого дыма.

Он разогнался, тремя огромными прыжками преодолев расстояние до линии наших. Каждый удар когтистых лап сотрясал песок, как удары гигантской кувалды. Дерек бросился ему навстречу, срывая с себя спортивные штаны. Кожа на спине лопнула, высвободив мех. Мускулы и кости забурили, и семифутовый оборотень схватил льва за голову. Кошмар и Фу столкнулись, подняв в воздух брызги песка. От удара Дерек поскользнулся, но быстро уперся волчьими лапами в песок, заставив льва резко затормозить. Мышцы так и перекачивались под шкурой.

Лев Фу дернул башкой, пытаясь стряхнуть с себя полузверя-получеловека. Дерек вонзил когти в массивную шею чудовища. Слева от них Джим обратился в ягуара во взрыве плоти и золотистого меха.

Лев Фу встал на дыбы, пытаясь вцепиться в противника когтями. В тот момент, когда он обнажил свой живот, Рафаэль и ягуар бросились к нему. Сверкнули ножи и когти, скользкие комки внутренностей зверя вывалились наружу, хлынула кровь.

Дерек выдернул когти из шеи твари и отпрыгнул в сторону. Лев Фу покачнулся и упал.

Оборотни молча поднялись. Глаза Дерека были сияющим янтарем, а Джима - зелеными озерами.

- Джим улучшил свой боевой облик, - заметил Кэрран. - Интересно.

Позади оборотней Андреа зарядила арбалет и выстрелила. Оружие выплевывало болты один за другим. Три из них пронзили грудь громадного монстра в килте, но тот только взревел и смахнул их с широкого щита своей плоти.

Андреа выстрелила ему в лоб. Болт отскочил от черепа великана.

Тем временем позади противников разрасталась магия, будто цветок распускаясь вокруг «отдыхающего» мужчины. Полупрозрачные нити змеились у ног, как бледные ленты.

- Плохо, - забормотала Дали. - Плохо, плохо, плохо.

Нити сплелись в единое целое. Вспыхнул яркий свет, и мы увидели новую тварь. Десяти футов ростом, она напоминала человека, по-лягушачьи присевшего. Монстр опустился на корточки, опершись на длиннющие нижние конечности. Магические ленты связывали его с магом, который давно пребывал в трансе.

Второй набор предплечий вырос из локтей твари: они оканчивались гибкими пальцами с узкими когтями. Лица не было - вместо него зияла черная воронка пасти.

Зверюга переливалась металлическим блеском, словно была соткана из серебряной шерсти.

Толпа затихла.

Оборотни попятились. Андреа перезарядила арбалет и послала болт в пасть твари: тот прошел ее насквозь и вылетел наружу.

Перевертыши замерли.

Монстр приподнялся. Его впалая желтоватая грудь внезапно набухла, а из черной пасти изрыгнулось сверкающее серебристое облако.

Металлические иглы дождем посыпались на песок. Одна из них задела Джима, и он зарычал. Серебро.

Оборотни отступили. Чудовище, продолжая извергать поток металлической рвоты, неуклюже поползло вперед, загоня противников к ограждению.

Облако настигло Дерека, полоснув его торс. Он дернулся, как от ожога, и отпрыгнул в сторону.

– Уберите спящего, – проговорила я.

Джим гаркнул короткий приказ, едва слышный за свистом игл, рассекающих воздух.

Дерек нырнул налево, а Рафаэль бросился направо, пытаясь обойти тварь.

На ее грудной клетке уже расцветала вторая пасть, и новый поток игл преградил путь Рафаэлю.

Я проверила Погибель. Кэрран смотрел на поле боя безо всякого выражения на окаменевшем лице.

Джим что-то прокричал. Рафаэль отступил, Дерек последовал его примеру, отбежав на безопасное расстояние от твари.

А потом наши оборотни схватили Андреа и подбросили ее. Она взмыла вверх, сделав единственный выстрел.

Болт вонзился в грудь мага. Он очнулся с испуганным возгласом и вцепился в древко.

Полупрозрачные магические ленты порвались, и он рухнул на песок.

Ленты истончились. Они съеживались и выскакивали из туловища твари: на их месте чернели дыры, которые увеличивались в размере.

Монстр тоже начал таять. Развернувшись, он слепо пополз к магу, но потом сменил направление. Еще секунду, и скотина врезалась в ограждение. Затем тварь повернула и двинулась к магу. Брюхо волочилось по песку. Его спина и нижние конечности превратились в ничто, однако тварь не останавливалась. Мгновение спустя она нависла над бьющимся в конвульсиях мужсиной – и проглотила его.

Вопли мага затихли, а чудовище испарилось.

Толпа взорвалась. Сотни ртов закричали одновременно.

– Го-о-о-о-о-о-л! – заорал какой-то хриплый мужской голос во всю силу своих легких.

Зато великан не дремал. Он вскочил на ноги, но тут же натолкнулся на трех оборотней.

Все было проделано быстро и жестоко.

Я живо слезла с лестницы и помчалась к «Золотым воротам». Кэрран и Дали догнали меня. Через несколько секунд четверка рысцой подбежала к нам. Все были с головы до ног обляпаны кровью и песком. Андреа крепко обняла меня:

- Ты видела?

- Да! Чертовски хороший выстрел, Андреа!

- В лазарет, - быстро приказал док. - Скорее! Пока серебро не распространилось по организму.

Андреа послушалась.

Джим взглянул на Кэррана. Царь Зверей кивнул.

Дерек и Рафаэль покинули «Яму» последними.

Вундеркинд сильно хромал. Он пристально посмотрел на Кэррана.

- Хорошо, - сказал альфа.

Дерек горделиво выпрямился. Искорки заиграли в его глазах. Он похромал мимо нас, стараясь не опираться на Рафаэля.

В пяти футах от двери, ведущей в наши «апартаменты», Андреа упала. Только что она улыбалась и вдруг рухнула, как бревно.

Рафаэль отпустил Дерека, и я поймала его, когда буда поднимал Андреа с пола.

- Отравление серебром! - рявкнул Дулитл. - Затащи ее внутрь.

Андреа ахнула:

- Горит.

Мне уже приходилось иметь дело с оборотнями, травмированными серебром. Такого никому не пожелаешь. И я втянула в это Андреа. Рафаэль отнес ее в комнатку, где Дулитл устроил лазарет, и усадил на металлический стол.

Она содрогнулась. На ее коже появились пятна, как на проявленной фотографии.

Пальцы вытянулись в длину, когти выросли.

- Держись. - Рафаэль потянулся к ее кожаному жилету.

- Нет.

- Не сходи с ума, - прорычал он.

Она сжала его руки.

- Нет! - крикнула она с диким взглядом.

- А теперь юная леди... - успокаивающе произнес док.

- Нет!

Ее спина выгнулась дугой. Она забилась в конвульсиях и взвизгнула, голос дрожал от боли. Она трансформировалась, но не хотела, чтобы кто-то это видел.

- Нам нужна приватность, - попросила я. - Пожалуйста.

- Пойдем.

Внезапно я перестала чувствовать вес Дерека. Я оглянулась: оказывается, Кэрран забрал его и отвел в спальню.

Дали и Джим последовали за ними. Бледный как полотно Рафаэль остался, держа Андреа на руках.

Девушка хрипло зарычала.

- Все в порядке, - сказала я ей. - Только я, доктор и Рафаэль. Остальные убрались отсюда.

- Я хочу, чтобы он ушел, - выдохнула она. - Прошу тебя.

- У тебя конвульсии. Я не смогу долго сдерживать тебя. Ты слишком сильная, а док будет занят.

- Срежь с нее одежду, - приказал Дулитл.

- Нет. Нет-нет... - заплакала Андреа.

Рафаэль притянул ее к себе, обнял и прижал спиной к своей груди.

- Не бойся, - прошептал он. - Все будет хорошо.

Не прошло и минуты, как она была полностью обнажена. Уродливые серые пятна покрывали ее торс. Должно быть, она получила сильнейший удар. Андреа снова вздрогнула, задрожала и вскрикнула от боли.

- Не борись с изменениями, - тихо сказал Дулитл, открывая кожаный саквояж. - Пусть они поглотят тебя.

- Я не могу.

- Конечно, можешь, - возразила я.

- Нет! - прорычала она сквозь стиснутые зубы.

- Ты не умрешь из-за того, что стесняешься пятнышек гиены. Я уже видела первоначальную форму, а Дулитлу вообще все равно. Верно, док?

- У меня накопилась куча историй, которые я мог бы рассказать, - усмехнулся он. - Это пустяк. Ничего значительного.

Выражение лица дока свидетельствовало об обратном, но Андреа его, к счастью, не видела.

- Мы поставим тебя на ноги в кратчайшие сроки, - продолжил он.

- А Рафаэль думает, что ты сексуальна в первоначальной форме. Он извращенец, помнишь? Давай, Андреа. Ты можешь это сделать.

Рафаэль обнял ее:

- Обращайся, милая. Ты можешь. Просто позволь телу взять верх.

Серые пятна увеличились. Она стиснула мою ладонь, чуть не раздавив пальцы.

- Меняйся, Андреа. И, по-моему, ты задолжала мне десерт.

- Разве? - выдавила она.

- Да. Вы с Рафаэлем сбежали, и мне пришлось заплатить по счету. Если ты умрешь у меня на руках, мне будет трудно вернуть деньги, а я слишком скупа, чтобы залипнуть со счетом. Давай.

Голова Андреа дернулась, ударившись о грудь Рафаэля. Она вскрикнула. Ее плоть растекалась, трансформируясь и превращаясь - еще мгновение, и я увидела худое, длинноногое существо, покрытое короткой шерстью.

В лице новой Андреа было что-то и от человека, и от гиены.

Правда, в отличие от буд, чей облик зачастую представлял собой ужасающую мешанину несогласованных частей, Андреа была пропорциональна, красива и элегантна. Жаль, она не видела себя такой.

Док ощупал ее живот пальцами левой руки, держа скальпель в правой.

– Теперь я сделаю надрез, а ты будешь выталкивать. Просто и легко, как ты тренировалась.

– Тренировалась? – выдохнула Андреа.

– Обучение на извлечения серебра, – пояснил Дулитл.

– Я не тренировалась!

Конечно нет. Она же долго притворялась, что не была оборотнем.

– Она ничего не знает, – сообщила я.

Андреа опять содрогнулась. Рафаэль еще крепче прижал ее к себе. Кровь отхлынула от его лица.

– Серебро жжет. Твоя плоть пытается отторгнуть его, но оно впивается все глубже. Ты должна бороться, – растолковал Док. – Это идет вразрез с твоими инстинктами, но, когда я начну, ты должна напрячься и надавить на серебро, чтобы помочь мне и в первую очередь себе.

– Не могу, – простонала Андреа.

– Можешь, – возразил Рафаэль. – Все наши учатся. Мы тренируемся с раннего детства. Ты вдобавок и рыцарь ордена. Ты вытолкнешь чертову иглу. Перестань плакать и жалеть себя.

– Ненавижу тебя, – прорычала она.

Дулитл расположил скальпель над самым большим серым пятном.

– Готова?

Он сделал надрез, не дожидаясь ответа. Черная кровь хлынула из раны. Андреа раздавила мою руку, закричала, напрягаясь, и серебряная игла выскользнула ей на живот.

Док промокнул кожу Андреа марлей.

– Хорошая девочка. Молодец. Ты справилась. А теперь – повторим.

Потом Рафаэль отнес Андреа в душ, шепча ей на ухо что-то ласковое и успокаивающее. Моя роль на этом была окончена. Я направилась в спальню и увидела, как Дали делает надрезы на спине Дерека, чтобы вытащить иглы.

В отличие от Андреа, он давным-давно тренировался, и дело продвигалось быстро.

Дерек шутил, щелкал челюстями и рычал с притворной яростью.

– Я теб-р-р-я пр-р-р-риконтчу! – наконец театрально взревел он, коверкая слова.

Кэрран фыркнул от смеха. Дали захихикала. Даже Джим улыбнулся, задержавшись в комнате и перестав таращиться в свой блокнот.

Я вздохнула. Хотелось побыть одной, в полном одиночестве. Нельзя – надо быть начеку. Может, посмотреть на бой? Наверняка кто-то сейчас умирает на потеху кровожадной публике. Так я сразу соберусь и возьму себя в руки.

Нельзя расклеиваться.

Правда, когда я вышла в коридор, меня охватил запоздалый шок. Болезненные искорки магии электрически заплесали по коже и растаяли, принеся облегчение, а затем и беспокойство.

В дальнем конце коридора показалась молодая женщина в сари. Она направлялась ко мне, сопровождаемая красногвардейцами. В руках она несла украшенную орнаментами металлическую шкатулку.

Я вернулась к нашим «апартаментам» и загородила собой дверь.

Процессия остановилась передо мной.

– Подарок, – проговорила женщина и улыбнулась. – Для юноши с разбитым лицом.

Я взяла шкатулку.

– Я позабочусь о том, чтобы он его получил.

Ее улыбка стала еще шире.

– Какую красивую кожу ты на себя нацепила, – сказала я. – Уверена, ее владелица очень громко кричала, прежде чем ты убила ее, чтобы присовить себе такое богатство.

Красногвардейцы потянулись за оружием.

– Ты тоже будешь кричать, когда я сдеру с тебя шкуру, – пообещала она.

Я улыбнулась ей в ответ:

– Я вырежу твое сердце и заставлю тебя его съесть. Или ты можешь избавить меня от хлопот и проглотить язык, как сделал твой чешуйчатый дружок.

Ее улыбка превратилась в оскал.

Она наклонила голову и ушла прочь. Охранники с облегчением за ней последовали.

Я принесла шкатулку в спальню и объяснила, откуда она взялась.

Дерек молча протянул руку и открыл крышку. Внутри лежали человеческие волосы. Он подхватил копну ногтями и вытащил. Крови на них не было. Обычные темные пряди, собранные в конский хвост.

Верхняя губа Дерек поднялась, обнажая клыки.

Волосы Ливи.

– Это сделали, чтобы изуродовать ее? – спросила я.

Дали покачала головой:

– Вдовы отрезают себе волосы. Ракшасы насмеются над ним. Если Ливи его невеста, то он – покойник.

Я проснулась около пяти.

Утро начала с легкой тренировки. После растяжки последовал душ, а потом завтрак. Все по шаблону.

Оборотни уже сгрудились вокруг стола. Перевертыши любят поесть. Удивительно, как стол не сломался под тяжестью блюд, которые они заказали.

– Овсянка просто ужасна, – поморщился Дулитл и кинул очередной кусок масла в свою миску.

Дали облизнула ложку:

– Наверняка повар слепой, да еще и с двумя левыми руками.

– Как можно облажаться с кашей – вот что мне интересно? – проворчал Рафаэль. – Она едва съедобна и вообще не приготовлена как следует. Вот у нас дома такого никогда не бывает.

- Я передам эти слова твоей матери, - сказал ему Дулитл.

- Кукурузный хлеб - кирпич! - Джим взял желтый брусок и постучал им по столу. - А сосиски бумажные.

- Наверное, они надеются уморить нас голодом, - предположила Андреа.

- Больше похоже на то, что они планируют устроить нам адскую боль в животе. - Кэрран положил себе на тарелку еще бекона.

Для людей, которые постоянно превращаются в зверей и рвут зубами добычу, эти оказались весьма привередливы.

- Кейт неплохо справляется с колбасками, - заявил Джим.

Шесть пар глаз уставились на меня. *Спасибо, Мистер Превосходство.* Как раз то, что нужно.

- Точно! - Андреа щелкнула пальцами. - Те, которые у нас были в начале месяца, да? Не знала, что их приготовила ты. Я думала, они покупные. Они были хороши!

Ее улыбка получилась просто ангельской.

Из всех случаев, когда я хотела стрелять лазерами из глаз, этот был бы самым подходящим...

- Что ты кладешь в фарш? - поинтересовался Рафаэль, бросив на меня совершенно невинный взгляд.

Ха! Я начинаю колбасу болтливыми ягуарами и для пикантности добавляю мясо гиены.

- Оленина и кролик.

- У меня прямо слюнки потекли, - произнес Дулитл. - Поделишься рецептом?

- Конечно.

- Понятия не имел, что ты эксперт по колбасам, - невозмутимо проговорил Кэрран.

Умри, умри, умри, умри...

Даже Дерек усмехнулся.

Рафаэль опустил голову и дернулся.

- Он задыхается? - спросила Дали, наморщив нос.

- Нет, ему просто требуется немного времени, - ответил Кэрран. - Молодой буда. Легко возбуждим.

- С кем мы сегодня боремся? - поинтересовалась я, желая проломить ему голову чем-то тяжелым.

- «Багровые бестии», - сказал Джим.

- Ты шутишь? - приподняла брови Андреа.

- Нет. Во главе с французом. Он называет себя Циклон. Жестокая группа.

- Француз, говоришь? Он меня знает, - вставила я.

Джим встрепнулся:

- Насколько хорошо?

- Достаточно, - ответил за меня Кэрран. - Он ее боится.

- Он видел, как ты сражаешься? - спросила Андреа.

- Да. Но очень давно.

- Когда? - продолжил выпытывать Джим. - Он знает, как ты дерешься?

Если он попытается исключить меня из команды, я порву его в клочья.

- Двенадцать лет назад в Перу. Я сильно сомневаюсь, что он помнит все тонкости моего обращения с холодным оружием.

- Что ты делала в Перу? - удивился Рафаэль.

- Дралась в *Хойо-де-Сангре*.

У него глаза едва не вылезли из орбит.

Да, мне было тринадцать. Нет, я не хотела об этом говорить.

- Ладно. Он - профессиональный гладиатор. Путешествует с одной арены на другую, привлеченный призами. Да, чуть не забыла, он крутой стихийный маг. Специализируется на воздухе и предпочитает мощные заклинания. Вероятно, он попробует шлюз или трюм. Кто еще в его команде?

Джим скорчил кислую мину, будто прожевал лимон целиком.

- Скорее всего, они возьмут опытных бойцов. У них есть тролль Скала, голем Секира и вампир Стиллет.

- Упырь старый? - уточнила я.

- Как у Олейте, - ответил ягуар.

Я поехала. Олейте, бывшая наложница Роланда, использовала настолько древних кровососов, что чисто технически они должны были стать нежитью еще до Большого Сдвига, первой магической волны, когда таких тварей даже не существовало. Такой вот парадокс.

Упырь - прогрессирующая мерзость. Чем старше он становится, тем сильнее делаются его изменения. Immortuus - патоген, уродующий живое существо, - никогда никого не щадит и превращает разумного человека в монстра.

- Голем - серебряный, - продолжил наш Стратег. - Отрацивает клинки в невообразимых местах. Со сверхъестественной скоростью. Ни порезать, ни проколоть. Шкуру тролля тоже почти невозможно пробить. Я видел, как отскочило копье. Вот что меня беспокоит.

Да, это любого бы обеспокоило. Один вампир, даже если бы остальные «Бестии» были бумажными обрезками, заставил бы меня повременить.

Значит, нам предстоит жаркая драка.

А упырь может развить сногшибательную скорость. С еще двумя бойцами и магом удержать вампира от Дали будет практически нереально.

Олейте сбежала от Роланда, прихватив его нежить в придачу.

Откуда у Циклона взялся древний упырь, особенно с учетом того, что Племя своими вампирами не разбрасывается?

Но вернемся к сражению. Я могла бы подавить разум кровососа, но тогда я сразу себя выдам.

- Я могу заняться вампиром, - заявила Дали. - Если магия уже на подъеме.

Джим поморщился:

- Упырь-то не совсем обычный. Ты никогда не видела ничего подобного. Он *жутко старый*.

Она пожала плечами:

– Чем старше, тем лучше. Но я потрачу на него все мои силы. Я могу сделать это только раз. А потом мне нужно будет вздремнуть.

Я посмотрела на Дали. Если она уберет упыря, то остальные «Бестии» тут же переключатся на нее. Начнется настоящее побоище, шансы на победу будут паршивыми, а ведь не стоит еще забывать и про стихийного мага с его заклинаниями.

Правда, имелся способ обезопасить Дали. В обычных обстоятельствах это был бы глупый и безрассудный поступок. А в присутствии Д'Амбре его можно охарактеризовать просто – катастрофическая тупость.

Если Дали не справится, у нее не будет защиты от кровососа. Он набросится на нее, я услышу ее предсмертный крик и...

– Если уберешь тварь, я смогу тебя прикрывать, но при условии, что магия будет в активной стадии.

– Как?

– Кровавая защита. Блокирует магию, включая твою собственную. Ты накладываешь проклятие и вроде как прыгаешь внутрь. Как только войдешь, окажешься взаперти. Без моей помощи не выйдешь. Зато никто не сможет до тебя добраться.

Дали закусила губу.

– Ты должна мне доверять.

– А если не сработает?

Она надолго задумалась.

– Хорошо.

Джим покачал головой:

– Подумайте о четвертом.

– Нет, – выпалили мы с Кэрраном одновременно.

Все, с меня хватит. Джим имей совесть.

Док вздохнул.

Я поднялась.

– А сейчас нам надо попрактиковаться.

Вампир скорчился рядом с Циклоном, источая некромантическую силу.

Джим прав. Упирь был жутко старый. Не осталось никаких признаков, что раньше он был прямоходящим. Он ждал, сидя как собака, у которой каким-то образом выросли длиннющие ноги с когтями-стилетами. Даже последние отголоски человечности давным-давно исчезли. Он стал чем-то настолько иным, отвратительно чуждым и пугающим, что по спине пробежала дрожь.

На теле упыря не было ни грамма жира. Кожа так плотно прилегала к стальным тросам мускулов, что напоминала воск, который какой-то безумный скульптор вылил на анатомическую модель. Вдоль позвоночника бугрились острые кости, образовав зубчатый гребень. От носа не осталось даже щелки. Массивные, безгубые челюсти выступали на омерзительной личине, демонстрируя лес клыков в обрамлении багрово-красных десен. Толстый рог торчал из деформированного черепа. Глаза светились алым, как два рубина, воткнутые в башку демона.

Я напрягла свои магические способности и нащупала тусклый свет его разума, после чего затаилась в тени. Если Дали потерпит неудачу, то я раздавлю его, независимо от того, выдаст это меня или нет.

Рядом с ним возвышался тролль. Неуклюжее чудовище ростом в девять футов. Кожа была бурой, неровной и узловатой, испещренной крупными пятнами. На ум приходило только одно слово: толстый. Громадные ножищи оканчивались круглыми слоноподобными обрубками. Живот казался настолько массивным, что его нельзя было назвать простым брюхом. Грудь отвисала. Тяжеловесно широкие плечи бугрились мускулами-канатами. Шея в обхвате была значительно больше моего бедра. Голова смахивала на пень и медленно поворачивалась из стороны в стороны. Морда тоже была не слишком симпатичной. Глубоко запавшие глазенки, сплюснутый нос, как у персидской кошки, кривой рот. Два клыка торчали из нижней челюсти, растягивая губы в ухмылке. Он выглядел так, словно был вырезан из гигантского дерева, которому позволили окаменеть. Какое, к черту, копьё, об него и цепная пила сломается.

В дальнем левом углу стоял молодой смуглый мужчина с гладковыбритым черепом. Телосложение гимнаста, абсолютно ничего из одежды и два одинаковых меча в руках. Никогда таких не видела. Внебрачные дети ятагана и катаны, они обладали узкой гладкостью японского клинка и легким изгибом среза у кончика, унаследованным от арабского меча. Три фута в длину и полтора дюйма в самом узком месте, с практически смертоносными лезвиями.

Когда мы очутились в «Яме», боец трансформировался. Черты лица укрупнились, кожа заблестела, а фигура стала массивной. На плечах появилась броня: на левом – рельефный наплечник, на правом – потоньше. Огромные щитки сжали запястья. Тяжелый металлический пояс обвил чресла, стекая узкой полосой, чтобы защитить яички. Через секунду кожа посерела.

Теперь все, кроме его глаз, сияло металлом.

Серебряный голем.

Мечи были направлены в мою сторону. Как раз то, что нужно – Железный человек на стероидах.

Похоже, блуждания по стране в поисках второй половинки и веселые песенки уже не заводят молодых и амбициозных металлических парней.

Этот чужак хотел заполучить мое сердце, все еще бьющееся и окровавленное и только что вырезанное из моей груди.

Мы замерли. Магия была в самом разгаре. Дали сглотнула.

У меня были Погибель и боевой меч, который я стащила из арсенала Стаи во время Вспышки. Я передала его Кэррану.

– Подержи секунду, пожалуйста. – Он взял его, и я порезала тыльную сторону ладони Погибелью.

Хорошо: кровь набухла красными каплями. Дали поморщилась и отвернулась.

Я позволила крови стечь по лезвию сабли. Наверное, отец и Грег закричали в своих могилах. Я нарисовала на песке круг шириной в два фута, оставив его незаконченным, вытащила из кармана кусок марли и сжала ее в руке, пропитывая кровью, пока та не закапала.

Я протянула марлю Дали. Она положила ее на свой планшет и встала перед незавершенной линией круга. Чтобы спрятаться под защитой крови, ей понадобятся всего секунда и один шаг назад.

Я заклеила порез пластырем.

– Как мы тренировались. Делай с вампиром то, что должна. Вне зависимости от того, сработает или нет, встаешь в круг и с помощью марли запечатываешь его. Поняла?

– Да.

– Слушайся ее, – проговорил Кэрран вполголоса.

Дали кивнула:

– Да, мой лорд.

Мы направились вперед.

Свежая кровь привлечет упыря. Особенно моя. Погонщик почувствует тягу и отправит тварь на охоту.

Придется схлестнуться с троллем и големом. Пока они живы, Циклон – в безопасности.

– Кого бы выбрать? Кого? – бормотала я.

Мы стояли бок о бок.

– Возьмем тролля, – сказал Кэрран.

– Ладно

Как только вампир почует магию Дали, но, надеюсь, не ее саму, голем бросится к ней, в попытке убить противника.

Если она все сделает правильно, то он облажается, что даст нам некоторую фору на тет-а-тет с троллем.

Который как раз ухмыльнулся.

– Продолжай улыбаться, милашка.

Я взмахнула саблей и мечом, разогревая запястья. Кэрран пялился на голема. Чертова штука из серебра.

– Он – мой. Не связывайся с дерьмом.

– Все в «Яме» уже мое, – возразил он.

Гул гонга едва не разорвал мое сердце.

Магия вырвалась из Циклона. Воздух сгустился и укрыл меня, как мокрое одеяло, становясь все тяжелее, стискивая, сдавливая...

Воздушная ловушка. Я застыла как вкопанная. Кэрран напротив меня стоял неподвижно, словно статуя, и криво улыбался. Он тоже узнал заклинание.

Упырь поскакал по песку. Голем кинулся ко мне.

Жесткое, холодное лезвие магии прошло сквозь нашу команду.

Где-то на трибунах хриплый крик оповестил нас, что мастер мертвых теряет вампира. Давай, Дали.

Воздух сковал меня, как кандалы, и замер, удерживая в смертельном захвате. Неплохо.

Кэрран взорвался, принимая боевое обличье. Вот он, кошмар наяву: громадина с буграми мускулов, облитыми бархатисто-дымчатой шерстью. На сей раз вместо ужасающего слияния человека и льва на плечах Кэррана сидела голова льва со здоровенными челюстями. Только Царь Зверей мог сохранять большую часть своего тела в одной форме, трансформируя другую.

Я сосредоточилась и подпрыгнула вверх. Воздушная ловушка треснула со звуком рвущейся бумаги. Ее, вообще, придумали, чтобы сковать паникующую жертву. Если начинаешь дергаться, она может придушить тебя. Но стоит успокоиться, как ее можно разбить простым резким движением.

Голем свернул налево, сейчас он направлялся к Дали. Циклон споткнулся, на миг растерявшись из-за того, что его заклинание разрушено.

Тролль был уже близко. Я метнулась под его брюхо. Деревянный или нет, но он шел, а значит, сгибал ноги. Я воткнула меч между его конечностей, а затем рассекла ему колени сзади. Он не упал, но ухватился за меня.

Что ж, полюбуюсь на меня, бревно-переросток.

Тошнотворная вонь разложения разлилась по «Яме». Мои глаза заслезились. Кэрран во всей красе своего боевого обличья приземлился на спину тролля. Мощные львиные челюсти клацнули и впились в толстую шею противника. Сверкнувшие белые зубы укусили, скользнув между шейными позвонками, и разрезали спинной мозг, как ножницы.

Голова тролля склонилась набок, темная кровь мягко пузырилась, окрашивая гигантские плечи. Кэрран схватил его за башку и оторвал ее от шеи.

Его лицо превратилось в чудовищную личину химеры, получеловека-полульва, и он отшвырнул голову тролля в Циклона.

Маг и не пошевелился, чтобы увернуться. Он молча смотрел, ошеломленный.

Башка врезалась в него, сбив с ног. Он обмяк и упал. Я обернулась.

Дали опустилась на песок в зачарованном круге и скрестила руки в защитном жесте. Ее лицо и плечи были в крови, след которой начинался от прорехи на рубашке. Но рана уже затянулась.

Голем бросился в атаку. Лезвия, превратившиеся в металлический вихрь, отскочили от магической границы. Каждый удар посылал импульс бордового цвета, окрашивающий круг в ярко-алый.

Рядом с Дали лежала гряда гнилой плоти, к верхушке которой был прилеплен прямоугольник рисовой бумаги. Одинокий иероглиф светился на ней бледно-голубым светом.

Она справилась. Уничтожила вампира.

– Ты в порядке? – крикнула я ей, слишком поздно вспомнив, что она меня не слышит.

Она подняла голову, увидела меня и показала большой палец.

– Эй, мальчик-консерва! – рявкнула я. – Давай!

Голем повернулся, взметнув в воздух облако песка, и затопал напрямик ко мне.

Я ждала с поднятым мечом и Погибелью.

Он сделал выпад. Лезвие скользнуло по моей щеке, обдувая кожу, словно веер.

Он был невероятно быстр. Но и мне не впервой. Я сравнялась с ним в скорости.

Удар, удар, удар.

Каждый раз я блокировала его, позволяя клинкам противника соскользнуть с моих. Знакомое приветливое тепло разливалось по телу. Мышцы стали податливыми, а движения – легкими. Голем оказался хорошо тренирован, но я – лучше.

Лезвия превратились в вихрь. Я засмеялась и продолжила блокировать его.

Ты к этому готов? Тогда еще немного потанцуем.

Моим единственным шансом было измотать его. Трудно всадить лезвие в глаз человека. К сожалению, только этот орган голема не изменился и оставался вполне человеческим.

Пролетели минуты, рассеченные в клочья каскадом сверкающих лезвий. Толпа

настолько затихла, что тишину нарушал лишь звон мечей.

Я надеялась, что противник не сможет продолжать поединок до бесконечности (кстати, для меня это была обычная разминка).

Кэрран маячил позади голема. Взгляд на него дорого мне обошелся, точный удар рассек мое левое плечо.

– Нет! – рявкнула я.

Кэрран стиснул моего противника в медвежьих объятьях, пытаюсь сломать ему шею.

Серебро заструилось рекой, острые шипы вырвались из спины голема и пронзили грудь альфы.

Кэрран заревел от боли.

Этот звук потряс «Яму». Боль и гром прокатились по ней. Я едва не рухнула на колени. Зрители закричали, закрывали уши ладонями.

Серые полосы скользили по Кэррану, пожирая его мех. Но он не отпускал голема, наверное, совсем свихнулся в пылу драки.

Великан неторопливо развернулся. Шипы все еще торчали из спины Царя Зверей...

Вселенная сжалась до размеров Кэррана и его боли. Я должна его освободить. Остальное не имело значения.

Я атаковала, немного открывшись слева. И голем допустил ошибку. Он сделал выпад. Я не пыталась заблокировать его. Тонкий клинок скользнул между моих ребер. Лед пронзил меня, а затем его сменил сухой и колкий жар.

Я вонзила лезвие Погибели в левый глаз голема.

Сабля идеально вошла в ножны из плоти. Я погрузила ее поглубже, вложив в это всю силу. Удар – один из ста.

У голема отвисла челюсть. Серебристая кожа задрожала, стекая с тела, и по мере того, как это происходило, в глубине его горла зарождался вопль, сначала слабый, но постепенно усиливающийся.

Наконец он перерос в вой боли и удивления.

Кэрран «отсоединился», сломав шипы.

Последние капли серебра скатились с голема. Он упал на колени. Я поставила ногу ему на плечо и вытащила клинок. Противник распростерся на песке. Я пошла прочь и просунула руку сквозь защитный круг, ограждающий Дали.

Магия завихрилась вокруг моего запястья, вспыхнув красным светом. На мгновение Дали окружил багряный столб, который тут же разлетелся вдребезги, растворившись в ничто.

Я схватила Дали и вытащила ее.

Тем временем Кэрран с трудом поднялся на ноги.

Толпа ликовала. Чертовы гарпии. Я крутанулась на одной ноге, уставилась на них и заорала:

– Да пошли вы все!

Они только громко зааплодировали.

Я покинула «Яму».

Джим, ждущий нас, взглянул на мое лицо и отошел в сторону.

Я направилась в наши «апартаменты», прямо в импровизированный госпиталь Дулитла. Кэрран последовал за мной, хлопнув дверью. Я обернулась. Зверь растворился, и вожак стоял передо мной в человеческом обличье. Черные пятна усеяли его грудь там, где шипы пронзили плоть.

Я пристально посмотрела на него и ударила кулаком в живот, прямо над солнечным сплетением. Он хмыкнул. Док быстро ретировался.

– Что с тобой сегодня, а?

Я пошарила вокруг взглядом. Найти бы что-нибудь тяжелое, чтобы ударить его! Жаль, что комната была практически пустая. Имелись, конечно, хирургические инструменты, но никаких крупных предметов, способных причинить ему такую боль, какую хотела я.

Оборотень выпрямился.

– Он же из серебра! – прорычала я, глядя на него в упор. – У меня все было под контролем! Что у тебя в голове? Вот ядовитый голем, прыгну-ка я ему на спину! Классная идея!

Он сгреб меня в объятия, и внезапно я оказалась прижатой к его груди.

– Ты беспокоилась обо мне?

– Нет, я возмущаюсь ради забавы, потому что я сварливая сука!

Он улыбнулся.

– Ты идиот! – крикнула я.

Он продолжал смотреть на меня. В его глазах плясали счастливые золотые искорки. Я точно знала, что они означают. Ярость улетучилась, сменившись тревогой.

– Поцелуй меня – и я убью тебя, – предупредила я.

– Может, оно того стоит, – тихо сказал он.

Если бы держал меня еще хоть мгновение, я бы не выдержала и поцеловала бы его первой. Я была так счастлива, что он жив.

Когда тонешь, хватайся за что угодно. Даже за соломинку.

– Мой бок кровоточит, Ваше Величество.

Он отпустил меня и позвал Дулитла.

Док нараспев заговаривал мои раны, чтобы они зарубцевались. Он суетился, исколот мои ноги иглами и наконец объявил, что мои реакции абсолютно нормальны.

– Скользящая рана. Тебе больно?

– Нет, – соврала я.

Он вздохнул с терпеливым выражением мученика на лице.

– А почему я, по-твоему, так тревожусь?

– Понятия не имею. Если я заплачу как маленькая, это поможет?

Он покачал головой:

– Если подумать, лучше не теряй самообладания.

Пятна на груди Кэррана разрастались. Я указала на Царя.

Дулитл вручил мне скальпель.

- Мне нужно осмотреть Дали. У нее шок.

Странно. Кажется, никакого шока у нее не было, когда я видела ее последний раз.

Но док решительно вышел из комнаты. Я уставилась на скальпель.

Кэрран плюхнулся на пол, демонстрируя мне огромную мускулистую спину.

Боже мой.

- Давай, приступай, - произнес он. - Или ты собираешься упасть в обморок? Успокойся, принцесса. Мне не впервой.

Я положила пальцы на первое пятно. Мышцы были горячими и опухшими. Я надавила, определяя пораженный участок, и сделала надрез. Он напрягся. Черная кровь хлынула из раны, и на поверхность вынырнул кусок серебра. Я подцепила его щипцами и выдернула из плоти. Три четверти дюйма в ширину и два - в длину. Достаточно для того, чтобы причинить среднестатистическому оборотню чудовищную боль.

А сколько шипов у него внутри?

Я швырнула серебро на металлический поднос, вытерла кровь со спины Кэррана и, как можно быстрее, перешла к следующему пятну. Надрезать, вытащить, вытереть. Снова и снова. Один раз он тихо зарычал.

- Почти закончила, - пробормотала я.

- Кто научил тебя этому? - спросил он.

- Крыса-оборотень.

- Я знаю этого самца?

- Ее. Она умерла очень давно. Ей нравился мой отец.

Девять шипов.

Раны затягивались, мышцы и кожа срастались. Я встала, намочила полотенце и вытерла ему спину. Мне захотелось провести по ней рукой. Но я заставила себя подняться, прополоскала полотенце и выбросила его в мусорное ведро, которое накануне принес док.

- Ты свободен, - объявила я и пошла прочь, пока не наделала серьезных глупостей.

Было уже поздно. Я полулежала в большущей горячей ванне, которая стояла в глубине помещения без окон. (Удивительно, но хозяева «Арены» расщедрились на стоящую ванную комнату!) Влага бисером покрывала потолок, а слабые электрические лампы давали тусклое освещение. Гидромассаж не работал как с магией, так и без нее.

Все мое тело ныло. Бок, руки, спина. Голем у меня еще поплатится.

Я подумала, что пора выбираться наружу. Моя кожа покраснела, но мне было так хорошо и тепло! Зачем вылезать? Это означало возвращение в спальню. Мы добрались до финала, и теперь красногвардейцы глаз с нас не спускали.

Выйти можно было только через одну дверь. Еще секунду, и тебе устроят первоклассный допрос с кучей эскорта.

Даже сейчас пара охранников караулила меня за стеной.

Вдруг запотевшая бутылка светлого пива «Корона» вторглась в поле моего зрения.

Ее держала крепкая мускулистая рука, покрытая бледными волосками.

- Предлагаю перемирие, - произнес Кэрран.

Слышала ли я, как он вошел? Нет.

Я взяла бутылку. Царь Зверей скользнул к противоположному концу ванной. Из одежды на нем было белое полотенце.

– Сейчас я скину его и залезу к тебе, – сказал он. – Я предупредил.

В жизни бывают моменты, когда даже пожатие плечами отнимает всю твою силу волю.

– Я видела тебя голым.

– Не хотел, чтобы ты убежала с криками или еще что-нибудь в таком духе.

– Ты себе льстишь.

Он снял с себя полотенце.

Не то чтобы я забыла, как он выглядит без одежды. Просто не помнила, чтобы это было настолько соблазнительно. Кэррана создали с мыслью о выживании: сильный, гибкий, стройный, но едва ли худой. От его пресса можно отскочить на сотню футов.

Кэрран шагнул в ванну. Он явно никуда не спешил.

Это как идти по высокогорному мосту, главное – не смотреть вниз. Уж точно не ниже пояса... Боже мой!

Он опустился в горячую воду рядом со мной. Я вспомнила, что нужно дышать.

– Как твоя спина?

– Отлично, – ответил он. – Спасибо.

– Не стоит благодарности.

Наверняка она у него до сих пор болит.

– Как твой бок?

– Нормально.

Его улыбка сказала мне, что он знал, что мы оба несем чушь.

Я отхлебнула пива, почти не почувствовав его вкуса. Видеть его напротив – все равно что стоять лицом к лицу с голодным тигром – никаких преград между нами – и все. Или, скорее, с голодным львом с очень большими зубами.

– Ты собираешься уволить Джима? – Я старалась говорить небрежно.

– Нет, – ответил он.

О том, чтобы выдохнуть с облегчением, не могло быть и речи – он бы услышал.

Кэрран потянулся, широко расправив массивные плечи у стенки ванны.

– Признаю, что если бы я был внимательней, то присек бы это в зародыше. Ситуация не должна доходить до такого.

– Правда?

– Джим стал главным в службе охраны за восемь месяцев до появления сталкера из Редпойнта. Упырь был его первым серьезным испытанием. И он облажался. Как и все мы. А потом появился Бран, который воровал наши карты, вальсировал по крепости, напал на тебя, пока ты была под нашей защитой, и облапошил нашу разведочную группу, включая Джима. Ягуар считает это своим личным провалом.

– Тот парень телепортировался. Как, черт возьми, вы должны защитить себя от того, кто появляется из ниоткуда и исчезает?

Кэрран чуть глубже погрузился в воду.

– Если бы я знал, как тяжело воспринял это Джим, то указал бы ему. Помнишь, он пытался использовать тебя как приманку?

– Помню, как же хотелось врезать ему по зубам.

– Продолжу про Джима. Его приоритеты сместились в сторону победы любой ценой. Я предположил, что он ведет себя странно, но безумие никуда не делось, и я выбросил догадки из головы. А он стал параноиком. Все начальники службы безопасности такие, но Джим превзошел большинство из них. Он зациклился на предотвращении будущих угроз, и когда Дерек облажался и получил по морде, это только подтолкнуло ягуара к краю пропасти. Он не мог взять на себя ответственность за смерть Дерек и за то, что мне пришлось бы убить парня. Он хотел исправить ошибку любой ценой. В общем, появилась проблема, а я проигнорировал ее. Ну а Джим, конечно, помалкивал.

Дорогой Царь Зверей, как представитель ордена, должна предупредить вас, что у меня давно возникли серьезные проблемы с адекватностью...

Как же. Сперва ад заледенеет.

– Я не могу уследить за всем, – добавил Кэрран. – А Джим не тот, кто был вечно мной недоволен. Думаю, настало его время. Поэтому, отвечая на твой вопрос, скажу, что нет никакой причины понижать его в должности. Он – талантливый парень и делает свою работу неплохо, учитывая, с чем ему приходится иметь дело. Если я его уволю, мне придется заменить его кем-то, у кого меньше опыта и кто облажается еще больше. Мы оба получили хороший урок. Исправительные работы в крепости помогут ему снять стресс.

Мы помолчали. Я потягивала пиво, чувствуя себя немного не в своей тарелке. Забавно, как полгода трезвости превратили меня в слабачку.

Кэрран положил голову на край ванны и зажмурился. Я уставилась на лицо альфы. А он и впрямь красивый ублюдок. Хотя, будучи таким спокойным и уверенным, он выглядел совсем по-человечески. Не на кого производить впечатление. Некем командовать. Только он, усталый, раненый, выкроивший несколько драгоценных минут отдыха и такой невыразимо сексуальный. Нежится в горячей воде.

Что-то и я расслабилась. Пожалуй, все дело в пиве. Наверное.

Я задумалась. Несмотря на львиное рычание, угрозы и высокомерие Кэррана, мне нравилось быть рядом с ним, и я чувствовала себя в безопасности. Странно. Я никогда не была в безопасности.

Я закрыла глаза. В сложившейся ситуации это казалось мне единственным разумным выходом. Если я его не вижу, то не буду пускать слюни.

– Значит, ты не хотела, чтобы мне было больно? – произнес он.

Его голос был обманчиво спокойный и мягкий, с утробным мурлыканьем хитрого гигантского кота, который явно чего-то хочет.

Признаться, что я принимала во внимание его благополучие, стало бы роковой ошибкой для меня.

– Я не хотела, чтобы ты убивал Дерек.

– А если бы он стал люпусом?

– Я бы об этом позаботилась.

– Как именно ты собиралась устранить Джима? Он был там главным.

– Я смогла бы воспользоваться служебным положением, – ответила я. – Я заявила, что с того момента, как ты принял помощь ордена, я выше всех по рангу.

Он рассмеялся:

– И он тебе поверил?

– Да. К тому же для дополнительного эффекта я угрожающе на него уставилась. К сожалению, мои глаза не могут светиться, как твои.

– Вот так? – выдохнул он мне в ухо.

Мои глаза резко распахнулись. Кэрран находился в нескольких дюймах от меня, упершись руками о бортик ванны. Его глаза мерцали расплавленным золотом, но не жестким, смертельным блеском альфы, а теплым и манящим, с легким оттенком тоски.

– Не заставляй меня разбить бутылку о твою голову, – прошептала я.

– Ты этого не сделаешь, – усмехнулся он. – Ты ведь не хочешь причинять мне боль.

Мы одновременно бросились друг к другу и столкнулись, обезумев от желания, изголодавшись по вкусу. В моей голове взвыли системы оповещения и сигнализации, но я отключила их. К черту все. Я хотела его.

Он нашел мой рот. От прикосновения его языка к моему у меня закружилась голова. На вкус он был как рай. Я поцеловала его в ответ, покусывая, облизывая, тая в его объятиях. Это было так приятно... Его губы прочертили огненную линию от моего рта к уголку подбородка и скользнули по моей шее. Мое тело запело, купаясь в обволакивающем триумфе.

Его голос превратился в прерывистый шепот.

– Только если ты сама хочешь... Скажи «нет», и я остановлюсь.

– Нет, – шепнула я, украдкой посмотрев на него.

Кэрран отстранился. В его глазах была неприкрытая похоть, грубая и едва контролируемая. Он судорожно сглотнул:

– Ладно.

Это была самая эротичная вещь, которую я когда-либо видела. Я потянулась к нему и скользнула рукой по его груди, чувствуя напряженные мышцы.

Он поймал мою ладонь и нежно поцеловал пальцы. Горячее, жестко сдерживаемое желание горело в его глазах. Я высвободила пальцы, оттолкнулась от стенки ванны и поцеловала его горло прямо под челюстью. Блаженство. Абсолютно безнадежно для меня.

Он зарычал, смежив веки.

– Что ты делаешь?

– Дергаю смерть за усы, – пробормотала я, позволяя языку играть на его коже, грубой от щетины.

От него исходил потрясающий запах чистоты и мужчины. Мои руки гладили его бицепсы. Мышцы напряглись под легким давлением моих пальцев. Он очень старался оставаться спокойным, и я чуть не рассмеялась. Вот тебе – за все те разы, когда он называл меня малышкой. Месть сладка.

– Это значит «да» или «нет»? – спросил он.

Я изловчилась и слегка укусила его нижнюю губу.

– Я восприму это как «да».

Он схватил меня, я чувствовала сталь его мышц под своими ладонями, посадил на себя сверху и поцеловал, проникая в мой рот языком в горячем, искусном ритме, жадном и нетерпеливом. Я обвила руками его шею. Правой рукой он схватил меня за волосы, левую положил на мои ягодицы и прижал ближе к себе. Колени я чувствовала его эрекцию, его твердый, горячий член.

Наконец-то...

- Впустите меня, – рявкнул за дверью Дерек.

Уходи.

Охранник что-то сказал ему. Ладонь Кэррана нашла мою грудь и погладила сосок, посылая электрический разряд по коже, угрожая расплавить меня.

- Да! – прорычал Дерек. – Я член этой чертовой команды! Спросите их!

- Кэрран, – прошептала я. – Кэрран!

Он зарычал, но не остановился. Дверь распахнулась настежь.

Я ударила его сзади по шее.

Он погрузился в воду. Помогите. Я утопила Царя Зверей.

Дерек подошел к краю ванны. Кэрран вынырнул с другой стороны. На его лице появилось недовольное выражение.

- Что случилось?

- Женщина из команды «Жнецов» принесла здоровую шкатулку. Там лежала отрезанная человеческая рука. Не Ливи, она пахнет иначе, а какой-то другой девушки. Запах примерно двухдневной давности... Должно быть, они заморозили ее.

Я закрыла глаза и позволила реальности вторгнуться в мою жизнь.

Кого-то лишили руки. Остальное тело жертвы, вероятно, уже съели. Меня охватило отвращение, которое сменилось негодующей яростью.

- Передай руку красногвардейцам. До завтра мы ничего не сможем сделать, – сказал Кэрран.

Дерек ушел.

Кэрран наблюдал за мной. Вода, словно поле битвы, разделяла нас. Его глаза еще сияли, как светящийся расплавленный мед. Нужно взять себя в руки. Для него это было состязание воли. Он сказал, что добьется меня, я заявила, что нет, и теперь он хотел выиграть любой ценой.

- Ты упустил свой шанс. Я к тебе и близко не подойду, так что можешь вырубить свои прожекторы.

Он двинулся ко мне.

- Нет, – произнесла я стальным голосом.

Он замер.

- Ты хотела меня, – сказал он.

Ложь принесла бы ему только большее удовлетворение. Кроме того, мне надо удержать его на другом конце ванны, иначе я снова на него наброшусь.

- Да.

- А что случилось потом?

- Я вспомнила, кто ты и кто я.

- И кто же? Просвети меня.

- Ты – парень, который любит играть и ненавидит проигрывать. А я – идиотка, которая постоянно об этом забывает. Отвернись, чтобы я могла вылезти, пожалуйста.

Он почти смог заполнить меня.

Он неторопливо растянулся у стенки ванны, не выказывая никаких признаков беспокойства.

– Отлично.

Вот и все. Я резко встала и выпрямилась. Вода доходила до середины бедер.

Кэрран издал тяжелый, похожий на стон вздох.

Я выбралась наружу, схватила полотенце, обернула его вокруг себя и ушла.

Хватит с меня горячих ванн. Их в моей жизни не будет еще очень-очень долго.

Я проснулась слишком рано. Часы на стене показывали половину четвертого утра.

Я лежала с открытыми глазами несколько минут. Наконец я встала, взяла Погибель и выскользнула из спальни в раздевалку.

Дерек сидел на стуле. Он посмотрел на меня желтыми глазами.

– Где гвардейцы? – спросила я.

Он пожал плечами:

– Должно быть, смена караула. Последние шесть часов они дежурили у двери, а потом встали и убрались восвояси.

– Давно?

– Минуты три назад.

Наверняка это смена караула. Вряд ли «Жнецы» попытаются сейчас выкинуть что-нибудь еще.

Проклятие «Волчьего алмаза» гарантировало, что они попытаются его именно выиграть. Целью Марта был камень: только с ним он сможет напасть на Стаю. Похоже, ракшасы не любили бороться на равных. Они предпочитали иметь преимущество, а без топаза оборотни вытерли бы ими пол.

Я была уверена в будущем сражении в «Яме». Да, скорость Марта поражала воображение, и с магией «Жнецов» ничто не могло сравниться, но наша команда была отлично сбалансирована, и перевертыши дрались как хорошо смазанный механизм.

Даже если бы ракшасы вваливались в «Яму» всем скопом, оборотни разбивали бы бой на отдельные поединки.

– Скоро вернусь.

– Куда ты собралась?

Я сказала ему правду:

– Хочу увидеть поле боя.

Он кивнул.

Прокравшись по коридору, я направилась к «Яме». Мне просто хотелось провести рукой по песку и умирить воспоминания. Тогда я усну.

Быстрее всего добраться до «Ямы» можно было через тренировочный зал.

Нужно пересечь его, и тогда я окажусь возле «Золотых ворот».

Я нырнула в помещение и пробежала босиком по прохладному полу. Еще мгновение, и я достигла цели.

Заглушки, скрывающие огромные световые люки на крыше, были подняты на время подготовки боя за первенство. Лунный свет падал на песок.

Хью Д'Амбре, залитый марлевым саваном бледных лучей и сопровождаемый Ником и молодым бойцом, протянул какой-то сверток Марту и Цезарю.

Моя спина заледенела. Судя по очертаниям, это был меч, завернутый в холст. Вот куда отправились охранники. Он откупился от них, чтобы совершить обмен. Хью – не дурак. Он наблюдал за сражениями в «Яме» и понял, что у нас хорошие шансы на победу. Он решил их уравнивать.

Вряд ли это обычный меч.

Верхняя губа Цезаря сморщилась в гримасе. Март ухмыльнулся, глядя на меня, сверкнули белые зубы, и двое «Жнецов» растворились в полумраке.

Хью Д'Амбре посмотрел на меня, а я на него.

– Неудивительно, что Роланд вступил в союз с ракшасами. Они – древняя раса, зависящая от магии. Они уважают его силу, – произнесла я. – Конечно, он использует их, чтобы ослабить Стаю. Ракшасы – злобные и хитрые, но не слишком умные. Если они победят, то станут куда более слабым противником, чем оборотни. Если проиграют, то Стая все равно будет обескровлена. Однако то, что Хью Д'Амбре подкупил охранников и крадется в ночи, будто вор, чтобы снабдить «Жнецов» оружием прямо перед финальным боем, вот это я нахожу удивительным. Смахивает на мошенничество. Как же все отвратительно.

Он подошел ко мне, коротко кивнув.

– Прогуляйся со мной.

Я должна выяснить, что он им дал. От этого зависело наше выживание. Я шла рядом с ним. Ник и второй мужчина отстали от нас на несколько шагов. Мы пошли по кругу вдоль ограждения.

– Мне нравится, как ты двигаешься. Где мы раньше встречались?

– Просто из любопытства, что ты им отдал?

– Меч, – ответил он.

Кто бы сомневался.

– Должно быть, он очень ценный. Оружие для них – как игрушки. Они расплавили твой драгоценный электрум, чтобы вылить его на лицо одного оборотня.

Уголки губ Хью дрогнули. Он тут же взял себя в руки, прежде чем выражение его лица превратилось в гримасу, но я успела все заметить. Очко в мою пользу.

– Значит, меч должен быть особенным. Нечто такое, что, скорее всего, не стоит никому доверять, но ты отдал оружие «Жнецам». Это склонит завтра чашу весов в их пользу. Личный клинок Роланда?

– Мне понравилось, что ты сделала с големом, – сказал он. – Быстро, точно, эффектно. Отличная техника.

– Ты дал им Бич?

У меча, которым он их вооружил, широкое лезвие. Это мог быть Бич, хоть я и надеялась на обратное.

Бич высвобождал такую магию, которая была способна уничтожать армии. Нет, конечно, в свертке что-то другое. Холодное оружие, которое можно использовать прицельно с близкого расстояния.

– Если бы ты не заключила союз с неправильной стороной, мы бы поладили, – произнес он. – Я бы тебе кое-что предложил.

– Спасибо, что не оскорбил меня своим предложением.

- Пожалуйста. И я весьма сожалею, что завтра ты умрешь.

- И почему этот факт имеет для тебя значение?

Он пожал плечами:

- Получается, что ты впустую растратила свой дар.

Я промолчала. Отец обучал его, как и меня, хоть и не с самого рождения.

Хью уже исполнилось десять, когда Ворон взял его под свое крыло.

Парень прекрасно владел мечом. Отец сказал мне, что никогда не встречал настолько талантливого воина.

В конце концов я решила, что признание им моего мастерства – явный комплимент.

- Почему ты ему служишь? – спросила я.

На его лице мелькнула легкая тень недоумения.

Я сгорала от любопытства. Ворон обучил его и сделал его тем, кем он стал. Магия Роланда только поддерживала его физический облик – он выглядел молодо, хотя в действительности ему было около пятидесяти. Он не постареет.

Никто из лучших людей Роланда не чувствовал течения времени. Таков его подарок тем, кто служит ему. Но, конечно, одного этого недостаточно.

- Он – сильнее меня. Я еще не нашел никого, кто мог бы превзойти меня. – Хью внимательно посмотрел на меня. – Часто ты подчиняешься приказам тех, кто слабее, глупее и беспомощнее тебя?

Он уязвил мою гордость.

- Я делаю это, потому что сама так решила.

- Почему бы тебе не выбрать сильного хозяина?

- Я не верю в его идеологию, она искажена.

- Его идеология – идеология лучшего мира.

- Лучший мир, купленный жестокостью, будет гнить на корню.

- Возможно, – ответил Хью.

Я посмотрела ему в глаза:

- Над Атлантой не будет башни, пока я жива.

- Как же повезло нашему делу, хорошо, что во время боя тебя настигнет смерть, – улыбнулся Хью.

Он считал меня глупой, но так он и должен был думать.

- Сразишься со мной? – спросил он. – У нас еще есть время. Я щедр с гвардейцами.

Какой соблазн. Хью – прирожденный мечник, боец – один на миллион. Если бы я приняла вызов, я бы смогла ощутить невидимое присутствие Ворона.

Нет. Я должна думать о турнире. Если Хью меня ранит, это сыграет ему на руку.

- У меня нет ни минуты давать тебе уроки.

Выкуси.

И я пошла прочь.

– Интересно, насколько ты быстрая, – бросил он мне вслед.

Светловолосый мечник взмахнул клинком и ринулся ко мне. Я сгруппировалась и упала, а затем сделала выпад, вогнав Погибель прямо в кишки противника.

Лезвие разрезало его бок снизу-вверх. Сабля с громким сочным звуком пронзила живот и глубоко скользнула, достигнув аорты. Потребовалось все мое мастерство, чтобы проверить такой маневр.

Значит, Хью все-таки вывел меня из себя.

Я оттолкнула блондина. Показалось ставшее алым лезвие Погибели. Парень грузно осел на пол. Из его плоти вырывались гейзеры крови. Нормальный человек был бы уже мертв. Но светловолосый тоже пользовался магией Роланда. Ему потребуется еще пара минут, чтобы сыграть в ящик.

Я посмотрела на Хью. Его лицо ничего не выражало, но глаза расширились. Я знала, что творится у него в голове. Он наверняка думал о том же, что и я, при виде столь искусного владения холодным оружием: могу ли я так сделать?

Наши взгляды встретились. Одна-единственная мысль пронеслась между нами, будто электрический заряд: однажды нам придется встретиться на поле брани. Но не сегодня: завтра мне предстояло драться со «Жнецами».

Ладно. Мне пора идти.

– А теперь ты избавился от того, кто тебе уже не нужен. Выбросил его. Чужими руками. Легко и небрежно, Хью.

Он сделал шаг назад. Слишком поздно я поняла, что использовала любимый упрек Ворона. Он просто соскользнул у меня с языка.

И я удалилась. Хью не последовал за мной.

Следующее утро оборотней началось с медитации. Потом мы разминались в тренировочном зале. Джим провел для нас краткий инструктаж.

– «Жнецы» теперь сражаются как самураи: один на один. Никакой тактики. Просто разбиваются на отдельные бои. Может, копируют нас? Так или иначе, им нравится внезапность, но они знают свое дело.

Но и у нас было свое дело.

Я собиралась устранить Марта. Я не хотела его. Я рассчитывала на Цезаря. Но в стратегии Джима был смысл, и я не собиралась перечить нашему Стратегу.

Я бы с удовольствием схлестнулась с Цезарем. Я прямо жаждала его смерти и не могла этого отрицать.

Тем не менее никакая стратегия или тактика не имели значения, пока я не узнаю, какой клинок Хью отдал «Жнецам». Что он все-таки задумал? Он понимал, что они не устоят и воспользуются подарком, но хотел, чтобы все раскрылось именно сегодня. Готовил нам сюрприз, так сказать.

Роланд создал несколько видов оружия разрушительной силы. Я стиснула зубы и задумалась. Вероятно, он приказал Хью обеспечить ракшасам победу любой ценой.

Любопытно, не бесит ли это Хью.

За две минуты до полудня мы выстроились в шеренгу и вошли в «Яму». Солнечный свет падал на песок через окна в крыше. Оборотни, включая Рафаэля, приняли боевое обличье. Андреа захватила арбалет и целый арсенал в придачу, пожалуй, с таким запасом можно было завоевать маленькую страну. Не удовлетворенная собственной грузоподъемностью, она вручила Дали кучу патронов.

Мы ступили на песок.

Напротив нас в два ряда выстроились семь «Жнецов». Мой взгляд скользнул по ним и остановился на Марте. Значит, ты сегодня центровой? Его меч был вложен в ножны.

Что это? Что он тебе дал?

Я оглядела остальных. Цезарь слева от Марта. Огромный ракшас, упакованный в человеческую оболочку, держал в каждой руке кханду – индийский обоюдоострый меч.

Такой клинок не в моем вкусе: слишком неподъемный и странно заточенный. Справа от Марта возвышался Скала – толстый и высокий. У него была голова слона с широкими веерными ушами, но вместо темной шкуры его кожа имела болезненно-желтый оттенок человека, страдающего желтухой. С плеч свисала кольчуга из яркого металла, подозрительно напоминающего золото. Я поняла, что даже слоны предпочитают сражаться в определенной цветовой гамме.

На его плече скорчилась тощая тварь размером с небольшого человека: безволосая, багровая, как сырая печень, с костлявыми конечностями, увенчанными черными когтями. Он смахивал на лемура. Два огромных крыла внезапно раскинулись у нее за спиной. В ручонках монстр стискивал пару коротких, широких сабель. Индийские тальвары.

Теперь надо изучить второй ряд «Жнецов». Ясно – вот женщина, которая дала мне шкатулку с волосами. Рядом с ней замерло человекоподобное нечто с четырьмя руками и в пятнистой зелено-коричневой коже рептилии.

А третий «Жнец»... Ливи.

Рептилоид оказался невероятно стройным, вооруженным двумя луками. У Ливи был прямой меч, она выглядела до смерти испуганной. Ее голову обрили. Меня охватила обжигающая ярость.

Конечно, то, что она сделала, чудовищно глупо. Но она не воин. Они не имели права втягивать ее в побоище.

Ливи встретила мой взгляд. Ее глаза наполнились слезами.

Они охотились на нас и видели в нас добычу: пока еще живое мясо. Они причинили боль Дереку. Сломали ему кости, вылили расплавленный электрум на лицо, пытали его и смеялись. Они убивали оборотней и заставляли юных девушек спускаться в «Яму». Их существование на Земле просто-напросто несправедливо. Они заслуживали смерти.

И я была не прочь с ними расправиться.

Господи, а мне это понравится.

Магия струилась по залу. Толпа ждала, дрожа от нетерпения. Март хищно улыбнулся. Его клинок покоился в ножнах.

Кэрран рядом со мной потоптался когтистыми лапами по песку.

На балконе над нами – София, продюсер, держала в руках крупный желтый камень. Мерцающий, лимонного цвета, в форме слезы, он сиял и переливался в ее ладонях подобно жидкому золоту, ловил свет и отбрасывал его обратно ослепительной огненной вспышкой.

София с трудом подняла приз над головой и провозгласила:

– Да начнутся Игры!

Женщина – маг ракшасов – взмахнула руками в воздухе.

Я в свою очередь взмахнула Погибелью, зажатой в правой руке, и моим «тактическим» клинком – в левой.

Март потянулся к ножнам, вытащил меч, отбросил ножны на песок.

На меня смотрел широкий клинок, красный, как самый прекрасный рубин в мире.

Все замедлилось, и в наступившей тишине мое сердцебиение невероятно громко стучало в груди. Алая звезда. Один из адских личных мечей Роланда. Он выковывал его пять лет из собственной затвердевшей крови. Алая звезда выстреливала тринадцать вспышками магии. Подобно заколдованным пилам, она нацеливалась на свою мишень, рассекала все на своем пути и разрубала цель пополам. От такого оружия невозможно увернуться. Его нельзя заблокировать или сломать.

Даже Кэрран не справился бы с Алой звездой.

Наша смерть наступит мгновенно. Разве что Царь Зверей проживет еще столько, чтобы ракшасы разорвали его на части.

Я не могла позволить ему умереть.

Медленно, словно я находилась под водой, я повернулась. Серые глаза Кэррана смотрели на меня.

Что мне делать? Как сохранить ему жизнь?

– *Все будет хорошо*, – произнес он.

Я прочитала его слова по губам. Я не слышала звука его голоса. Паника заглушала все звуки.

Я уставилась на Марта. «Жнец» сжал меч обеими руками. Алое лезвие блестело, будто его уже обагрили кровью.

Я должна что-то предпринять: если Март опередит меня, мы точно умрем.

Кровь. Он выкован из крови Роланда, той самой, которая текла и по моим венам.

Я приняла решение. Я должна, и я смогу это сделать.

Прогудел гонг. Мир снова завертелся. Я бросилась в атаку.

Март занес Звезду над головой.

Никогда в жизни я не бегала с такой скоростью. Песок взвихрился под моими ногами. Острые клинка маячили передо мной. Я схватила багровое лезвие и вонзила его себе в живот.

Как больно! Моя кровь пропитала зачарованное лезвие. Март ошеломленно уставился на меня. Я схватила его за руку и вонзила лезвие еще глубже в себя.

Острые пронзило мою спину. Еще глубже. До самой рукоятки.

Он сидел внутри меня, предвестник агонии. Моя кровь испятнала металл, создавая связь с кровью Роланда. Оборотни вокруг меня влетели в ракшасов.

Я прошептала слово силы:

– *Хезаад*.

Мое.

Магия хлынула внутрь меня, поглотив мое тело, и сомкнулась на мече. У меня появилось такое чувство, будто через мой живот протянули кусок колючей проволоки. Я цеплялась за реальность, стараясь не потерять сознание. Реальность пошатнулась, вращаясь в красочном водовороте, и сквозь размазанные лица я увидела вскочившего Хью Д'Амбре. Он смотрел на меня так, будто увидел демона.

Кровь биологического отца вступила в реакцию с моей – и узнала ее. Алая звезда принадлежала мне. Клинок подчинится. *Сейчас*.

– *Адд*, – прошептала я.

Умри. Слово силы, которое никогда не срабатывало.

Чтобы заставить что-то умереть, нужно сначала полностью этим овладеть. Магия вырвалась из меня. Меч вонзился в тело, как живое существо, вибрирующее, стремящееся вырваться на свободу. Агония ослепительным взрывом затопила меня. Я закричала.

Алая звезда разлетелась вдребезги. Куски лезвия превратились в красный порошок и спикировали на песок «Ямы». Часть клинка, оставшаяся во мне, уже была пылью, которая смешалась с моей кровью, распространяясь по телу с головы до пят.

Кровь Роланда обжигала меня, мои внутренности как будто варились в кипящем масле.

Так много силы...

Огонь расплавил мои ноги. Я рухнула навзничь. Пламя поджаривало меня живьем, из глаз полились слезы. Я пыталась пошевелиться, но мышцы отказывались мне повиноваться. Каждая клеточка моей плоти горела.

Все это заняло секунд пять или шесть, достаточно времени, чтобы пронзить себя лезвием и произнести два слова. Хью прав: сегодня я умру. Но несокрушимый меч разбит вдребезги, и Кэрран будет жить. Как и все остальные.

Неплохо для пятисекундной работы.

Чудовищный рев потряс «Яму» до самого основания. Я как-то сумела повернуть голову...

Я увидела, что Кэрран рвется ко мне. Слон бросился ему наперерез, и лев одним ударом вспорол ему брюхо, промчавшись рядом с ним.

Не стоит торопиться, Ваше Величество, для меня все равно уже слишком поздно.

Март отшвырнул бесполезную рукоять в сторону и вцепился в меня. В его глазах вспыхнула злоба.

Кэрран вновь зарычал. Он почти добрался до «Жнеца», но вдруг Март взмыл в воздух подобно выпущенной стреле.

Когтистая рука льва поймала пустой песок. Он опоздал на полсекунды.

Когда Март взлетел, ветер дунул мне в лицо. Наверное, происходящее было похоже на загробную жизнь, но ведь я-то еще не умерла. В ином мире никто не чувствует боли, а мне было больно.

Боже мой, как же мне больно.

Мы парили над «Ямой», освещенной золотыми лучами солнца, проникающими сквозь окна на крыше.

Я увидела, что только трое ракшасов живыми выбрались с поля боя: Март, Цезарь и Ливи, зажатая в стальной хватке последнего.

Крошечные кусочки кожи оторвались от щеки Марта и зависли вокруг головы «Жнеца». Он выдохнул и внезапно раскололся на тысячу частиц. Они устремились вверх, как мириады бабочек, взлетающих, чтобы исчезнуть в сиянии.

Я увидела нового Марта. Высокого, широкоплечего, с тонкой талией и узкими бедрами. Кожа цвета янтаря натянулась поверх рельефных мускулов. Черные волосы струились до пояса. Его глаза были пронзительно-синими, как кобальт. Два острых сапфира на красивом лице, испорченном высокомерием и хищным ликованием.

Март явно не нуждался в человеческой оболочке.

Он прижал меня к себе, и я увидела на балконе Софию с сияющим топазом в руках. Мы помчались к ней и замерли на уровне ее глаз.

Цезарь не отставал от Марта и очутился рядом с нами.

- Подари мне камень! – приказал Цезарь и протянул руку.

Проклятие «Волчьего алмаза» против «Болванов». Но ведь «Болваны» победят, правда? Да и Март рискует навлечь на себя гнев камня, а не сгрудившихся внизу оборотней.

София судорожно сглотнула.

- Нет, – сказала я.

Толпа под нами возмущенно ревела.

- Подари мне камень, женщина. – Вытатуированные змеи взвились с кожи Цезаря и зашипели.

Она разжала пальцы. Огромная золотая слеза скатилась и упала в лапу Цезаря.

- Он твой, – произнесла София.

Ну и дура.

Ракшасы взлетели выше. Люк в крыше преградил нам путь. Март вытянул руку по направлению к ближайшему окну, и тяжелое оконное стекло разлетелось вдребезги. Каскад переливающихся осколков осыпался на песок.

А мы уже мчались над городом.

Я лежала в золотой клетке в луже собственной крови. Она насквозь пропитала мои волосы, щеку, одежду. Я сделала глубокий вдох, и магия окутала меня. Я чувствовала ее вокруг себя. Она витала надо мной. Она покинула мое тело, но мы были связаны.

Я всегда ощущала магию в своей крови, но никогда так, как в тот момент.

В моем животе еще тлели крошечные искорки, остатки меча Роланда. Они медленно растворялись в моем теле. Его кровь смешалась с моей, высвободив всю мощь: я выжила, но изнывала от боли. Я не шевелилась, сберегая остатки собственных сил. Монотонно бормоча, едва двигая губами, я пыталась подтолкнуть свою плоть к регенерации. Пока мало что получалось, но я продолжала и продолжала. Я не сдамся и так просто не умру.

По крайней мере, постепенно боль притупилась настолько, что глаза перестали слезиться.

Надо мной простирался золотой потолок, окутанный тенями. Величественные стены с полированными резными панелями плавно изгибались, и потому зал, в котором находилась клетка, напоминал пещеру. На гладком плиточном полу были раскиданы яркие бархатные и шелковые подушки. Натараджа, главный представитель Племени в Атланте, попытался обустроить свои апартаменты именно таким образом. Но его покой в «Казино» поблекли по сравнению с роскошью ракшасов.

Всего богатства Натараджи не хватило бы, чтобы купить хотя бы одну деревянную панель со стены этого зала.

Интересно, он набрался идей по украшению интерьера после посещения летающего дворца? В таком случае Племя и ракшасы заключили союз давным-давно. Прямо за моей спиной на узком металлическом пьедестале сверкал «Волчий алмаз».

Два трофея ракшасов: я и камень.

Ну и где твое проклятие, тупой булыжник?

Ровный гул сопровождал мои мысли. Двигатели работали. Пушпака Вимана в действии.

Я постаралась вспомнить недавние события. Похоже, во время полета я потеряла сознание. Когда я очнулась, «Жнецы» уже спланировали на балкон своего дворца, который стоял в пышных джунглях, и Март бросил меня в мою нынешнюю тюрьму.

Теперь я лежала, ни живая, ни мертвая, в клетке, подвешенной в трех футах от пола. Прямо канарейка. Внизу на подушках устроился Март. Он сменил свой костюм вора-домушника на бирюзовые струящиеся одежды, которые оставили его плечи и руки обнаженными. Будто яркие колибри над ним порхали три женщины. Одна омывала его ноги. Вторая расчесывала волосы. Третья держала кубок с напитком. Другие раکشасы расположились вдоль стен, на почтительном расстоянии от Марта, пестрая компания монстров в богатых одеяниях. Некоторые приняли человеческий облик. Кто-то приходил, кто-то покидал зал через арки в стенах.

Март пристально посмотрел на меня своими голубыми глазами – не знающие жалости драгоценные сапфиры, – поднялся, оттолкнул прислужниц и зашагал к клетке. Я перестала бормотать и лежала как тряпичная кукла. Я накопила силы для удара. Едва он откроет дверцу, я сломаю «Жнецу» шею. Его палец дернулся, и в поле моего зрения появилась Ливи. Ее лицо было бледным пятном рядом с янтарной физиономией Марта.

Он заговорил на совершенно незнакомом языке. Напевные гласные мешались с резкими согласными.

– Если ты выживешь, то будешь ему служить, – перевела Ливи. – Если умрешь, они обглодают мясо с твоих костей.

И тогда они станут еще сильнее. Я понятия не имела, как предотвратить приговор. Жаль, я не знаю слова силы для самосожжения...

Март продолжал свою трескотню, сверля меня взглядом.

– Он хочет знать, понимаешь ли ты, что он сказал.

Я должна выжить. Он не оставил мне выбора.

– Ты понимаешь?

Высокомерный урод.

Едва заметная рябь пульсировала в луже моей крови. Никто не обратил на это внимания.

Мой голос оказался хриплым шепотом. Вот и все, на что я была способна.

– Сперва я убью Цезаря. Затем его.

Ливи запнулась.

– Скажи ему.

Гортанный возглас с губ Марта. Ливи дернулась, будто ее хлестнули плетью, и перевела.

Он улыбнулся, обнажив идеальные зубы, и направился обратно к подушкам.

Я лежала неподвижно, вдыхая пары собственной крови. Мое зрение расплылось, на несколько мгновений прояснившись, и снова затуманилось.

Теперь реальной была постоянная ноющая боль в животе, кровь, которая растеклась по клетке, и мое бормотание.

Громадная фигура возникла в арочном проходе. Цезарь. В человеческом обличье. Змеи поднялись с его тела, шипя и переплетаясь. В руках «Жнец» сжимал золотой кубок.

Он подошел к моей тюрьме и что-то произнес, обратившись к Марту.

Он собирался выпить мою кровь. Она сделает его сильнее, она будет питать тварь, которая хотела убить Дерека. Нет уж.

Цезарь просунул руку сквозь прутья и зачерпнул кубком мою кровь. Ублюдок. Гнев нарастал во мне. Мои пальцы задрожали. Тонкая нить магии протянулась между мной и кровью в кубке. Я чувствовала ее: она по-прежнему была частью меня.

Он поднес кубок к губам.

Нет. Мое.

Ярость забурилась во мне, и я направила ее в кровь, приказывая той двигаться, будто она оставалась частью моего тела. И она послушалась.

Цезарь выпучил глаза. Он вцепился когтями в красную струю, которая внезапно затвердела у него во рту, и застонал так, будто ему отрезали язык. Получай, сукин сын! Я послала еще больше энергии в кровь. Меня пронзило резкой болью, но мне уже все равно.

Острые красные иглы вырвались из морды Цезаря, проколов его левый глаз, губы, нос и горло. Он завыл, поврежденный глаз вытек.

Расплата за Дерека. Наслаждайся, *zaraza*.

Я разжижила кровь. Еще раз. Иглы исчезли и опять вырвались из его физиономии.

Цезарь корчился, ревел и отрывал куски мяса от своих щек. Ракшасы завопили и кинулись врассыпную.

Мне не хотелось делать перерыв. Меня охватила жажда мести. Пусть помучается еще и сполна расплатится за Дерека. Однако я понимала, что скоро все может закончиться. Надо действовать побыстрее. Я снова разжижила кровь и тотчас сгустила, пронзая Цезаря новыми шипами. Я позволяла жидкости растечься и собирала ее в острые лезвия, вкручивая их в плоть «Жнеца». Я под завязку накачала кровь своей магией.

Очередное алое лезвие вырвалось из горла Цезаря и повернулось, аккуратно нарисовав багровый рот на шее твари. Я разорвала незримую связь с кровью, и она обернулась черной пылью: магия истощала себя.

Роланд умел сгущать и контролировать кровь, я – тоже. Я не знала, почему так произошло: возможно, из-за того, что его меч растворился в моей плоти, или причиной стал мой гнев... Так или иначе теперь я обрела новый дар, и я тратила его, каждую его каплю на то, чтобы Цезарь страдал все сильнее и сильнее.

Голова ракшаса скатилась с плеч. Струйка крови булькнула у основания его позвоночника. Тело рухнуло на спину. Он упал с оглушительным грохотом, и за его спиной я увидела Марта. Он что-то сказал Ливи и рассмеялся. Она облизнула губы и перевела:

– Он говорит, что ты доказала свою пользу.

Время текло еле-еле. Ракшасы вернулись и бесцельно слонялись по залу. Я возобновила бормотание. Я призывала свое тело исцелиться. Потрескавшиеся, окровавленные губы вновь и вновь шептали слова, но поток магии уменьшился до едва ощутимого ручейка. Он еще бился во мне, но был слабый и бесполезный, как мокрый платок, и он не отзывался. Но я пыталась до него достучаться.

Холодные пальцы коснулись моей руки. Я сосредоточилась и разглядела Ливи, увидела ее огромные глаза, когда она наклонилась ко мне. По ее щекам струились слезы.

– Мне очень жаль, – прошептала она. – Прости меня, я втянула вас всех в это дело.

– Не стоит. Ты не виновата.

Ее лицо исказилось. Она вложила в мою ладонь какой-то металлический предмет.

Кто-то зарычал. Ливи отскочила от клетки. Я посмотрела на то, что она мне дала. Нож.

Она хотела мне помочь. Когда я сделаю то, что должна, я не останусь одна.

Тьма вторглась на край моего сознания. Она росла медленно, но неудержимо, обступая меня со всех сторон. Боль отступила за стену оцепенения. Она никуда не делась, но

ощущалась уже не так убийственно остро. Я умирала.

Я ждала, что вся моя жизнь пронесется перед моими глазами, но ничего подобного не произошло. И я просто таращилась на резные деревянные полированные панели и наблюдала, как огонь вспыхивает и гаснет в глубине «Волчьего алмаза». Мои губы шевелились, произнося заклинание регенерации.

Вообще-то я должна была уже быть мертва. Мое упрямство и кровь Роланда помогли мне продержаться. Но в конце концов моя воля угаснет, и я вместе с ней.

Я всегда думала, что моя жизнь закончится в битве или после поединка на темной улице. Но не так, как сейчас. Не в золотой клетке, чтобы потом стать пищей для кучки монстров.

Но Кэрран будет жить, и Дерек, и Андреа, и Джим... Если бы у меня был выбор, я бы ничего не изменила. Просто жаль, что мне не хватило времени.

Темнота снова сгустилась. Наверное, пора сдаваться. Я так измучилась от боли.

Но вдруг ракшасы заволновались. Они заметались туда-сюда. Март поднялся с подушек и принялся выкрикивать приказы.

Несколько ракшасов ворвались в зал. Они размахивали причудливым оружием. Мое ослабевшее сердце забилось быстрее.

Что-то происходит.

Очередные ракшасы вбежали в зал, и тогда я услышала низкий, раскатистый рев, похожий на отдаленный гром, пронизанный яростью.

Кэрран.

Нет. У меня начались галлюцинации. Он не может быть во дворце.

Двигатели гудели, значит, мы продолжали лететь.

Ужасающий львиный рык вновь потряс все вокруг, на сей раз ближе.

Ракшасы ошетились оружием. В одну из арок влетело искалеченное тело.

Ливи кинулась ко мне и спряталась за клеткой.

Поток монстров собрался и атаковал выходы. Они принялись сражаться, но внезапно отпрянули назад, окровавленные. В зал влетел Кэрран в боевом облике, огромный. Серый мех был запачкан кровью, он вновь взревел, и ракшасы пошатнулись только от гневного звука львиного голоса.

Он прорвался сквозь них, словно они были игрушечными солдатыками.

Отрывались конечности, ломались кости, а кровь фонтаном хлестала в воздух.

Кэрран рычал.

Он пришел за мной. Я не могла в это поверить.

Он пришел за мной. Здесь тысячи вооруженных демонов, а он каким-то образом пробрался в зачарованный дворец. Ох ты, глупый, глупый лев.

И зачем я, спрашивается, спасла его? Чтобы смотреть, как он погибает у меня на глазах?

За Кэрраном в зал ворвалась чудовищная зверюга. Косматый оборотень с гигантской пастью с ревом протаранил толпу. Он размахивал лапами, отшвыривая головы ракшасов направо и налево.

Мэхон. Медведь Атланты.

Еще один оборотень влетел в зал. Мускулистый, с испещренной коричневыми пятнами

шкурой песочного цвета. Руки были человеческими, но пальцы оканчивались черными когтями. Из рта торчали клыки. Гротескный и невообразимо ужасный облик!

Зверюга разразилась жутким хохотом гиены. У меня волосы встали дыбом на затылке.

Кэрран рванулся ко мне. Порезы и раны усеивали его туловище. Он истекал кровью, но не остановился, неудержимый в своей ярости, продолжая рычать. Его рык бил по чувствам, как раскат грома, потрясая до глубины души. Но ракшасы, конечно, превосходили оборотней численностью. Можно взять их натиском и заставить в панике убежать отсюда. Но рано или поздно туповатые твари подсчитают количество противников и сообразят, что у них довольно-таки неплохие шансы. Правда, пока Кэрран продолжал пугать их ревом и расшвыривать по сторонам, они не смогут все обдумать.

Март протиснулся между клеткой и Кэрраном, держа в руках два меча.

Ракшасы попятились, но едва ли лев что-то заметил: Царь Зверей кинулся на моего тюремщика.

Лезвия замелькали с невероятной скоростью. Альфа развернулся, не обращая внимания на боль, и мазнул по врагу когтями, разрывая одежду «Жнеца».

Хлынула кровь, заливая золотистую кожу Марта.

Но противники снова столкнулись.

Мечи со свистом рассекали воздух, когти рвали, челюсти щелкали.

Ракшас вонзил короткий клинок в бок Кэррана. Тот взвыл, упал и ударил Марта лапой, сбив его с ног.

Ракшас тут же вскочил, сжимая в руках мечи, и на полпути встретил Кэррана.

Не слишком умный поступок. Царь Зверей врезал лапой по лицу Марта.

«Жнец» пролетел почти по всему залу и быстро поднялся на ноги.

Кэрран погнался за ним.

Март крутанулся, как дервиш. Клинки превратились в смертоносный вихрь. Кэрран ворвался в воронку: порезы расплзлись на его шкуре, но он вцепился в ракшаса.

Март подпрыгнул, отбросил один меч и воспарил в воздухе.

Кэрран напрягся. Чудовищные мускулы напоминали стальные пружины. Он метнулся за врагом. Когти цапнули Марта, зацепившись за его ногу. Ракшас попытался отбиться, но альфа повис на нем, вырывая куски из плоти «Жнеца», пока карабкался вверх по его телу.

Перекошенный львиный рот раскрылся, и оборотень укусил Марта за бок. Оба упали как камни, ударившись о плитки пола неподалеку от меня. Ракшас высвободился из хватки Кэррана, скользкий от собственной крови. Его взгляд был прикован к «Волчьему алмазу», стоящему на пьедестале. Он побежал к нему. Окровавленные пальцы вцепились в драгоценность.

А потом Март попятился и врезался в мою клетку.

Я протиснулась сквозь прутья и вонзила нож Ливи в основание его горла, между левым плечом и шеей. Лужа моей крови задрожала, послушная моей воле, и впилась в спину ракшаса сотней шипов. «Волчий алмаз» вылетел из его ладони. Я сомкнула руки на шее Марта, пытаясь задушить его, но у меня не было сил.

Кэрран подхватил с пола камень, положил огромную левую лапу на плечо ракшаса и с размаху врезал «Волчьим алмазом» по янтарной физиономии.

Ракшас заорал.

Кэрран бил его, снова и снова вколачивая камень в противника. Кровь фонтанами

разбрызгивалась по залу. Удары превратили идеальные черты лица Марта в багровое месиво. Меч выпал из его пальцев.

Кэрран вмазал ему в последний раз, оторвал его от клетки, сломав мои кровавые шипы, которые рассеялись черной пылью.

А затем альфа свернул Марту шею, сломав тому позвоночник, и с оглушительным ревом потряс безжизненным телом перед толпой ракшасов.

Они бежали. Хлынули прочь, в спешке сметая друг друга, стремясь убраться подальше.

Кэрран разогнул прутья клетки.

– Ты – суицидальный урод, – прохрипела я. – Что ты здесь делаешь?

– Возвращаю долг, – прорычал он.

Он вытащил меня наружу и увидел рану в моем животе. Морда химеры дернулась. Он прижал меня к своей груди.

– Останься со мной.

– Куда же я... уйду, Ваше Величество? – У меня кружилась голова.

Раздался треск. Я сумела оглянуться. Какой-то новый жуткий оборотень вытаскивал оцепеневшую Ливи из ее укрытия за клеткой.

– Все в порядке, – приговаривал монстр. – Тетушка Би с тобой.

В противоположном конце зала кто-то боролся с потоком бегущих ракшасов. Сверкнул меч, и я узнала Хью Д'Амбре с Ником, следующим за ним по пятам.

Он заметил нас и что-то закричал.

– Что он тут делает? – рявкнул Кэрран.

– Он военачальник Роланда. Он здесь из-за меня.

А точнее, из-за женщины, сломавшей клинок его господина.

– Не повезло. Ты моя. – Кэрран повернулся и побежал, унося меня прочь.

Хью заорал, но удирающие ракшасы увлекли его за собой.

Я лежала в объятиях Кэррана, пока он мчался к другому выходу.

К нам присоединились остальные оборотни. Я уже плохо их различала. Просто покоилась у Кэррана на руках (его лапы трансформировались), почти ослепшая. Каждый толчок вызывал все большую боль в позвоночнике. Мягкая тьма поглощала и окутывала меня.

– Останься со мной, детка.

– Останусь.

Во сне ли я или в кошмаре наяву, я уже ничего не могла понять. Однако я оставалась с Кэрраном всю дорогу. Я чувствовала его руки, и когда дворец накренился, и позже, когда оборотни начали выпрыгивать наружу, пикируя на зеленый холм. Я оставалась с ним на протяжении всей безумной гонки по джунглям.

Последнее, что я помнила, были каменные развалины и лицо дока.

Мне приснился Кэрран.

– Вылечи ее! – рычал он.

Дулитл отвечал, что он не Господь Бог и может сделать только то, что в его силах.

Мне снилась Джули, плачущая у моей кровати, Джим, сидящий рядом, Андреа, рассказывающая мне какую-то запутанную историю... Звуки смешивались в моей голове до тех пор, пока я наконец не смогла больше этого выносить.

– Почему бы вам не помолчать? Пожалуйста.

Я моргнула и увидела лицо Кэррана.

– Привет, – сказал он.

– Привет, – улыбнулась я.

Это и впрямь он. Живой.

– Я просила их заткнуться. Всех тех, кто в моей голове.

– У нас есть лекарства. Тебе скоро станет легче.

– Вероятно, я не могу себе этого позволить.

Он погладил меня по щеке.

– Ты пришел за мной, – прошептала я.

– Как всегда, – ответил он.

– Идиот. Пытаешься выбросить свою жизнь на ветер?

– Просто остаюсь начеку. Забота о твоей безопасности держит меня в форме.

Он наклонился и нежно поцеловал меня в губы. Я потянулась к нему, и он крепко обнял меня, не отпуская долгое время. Я закрыла глаза, улыбаясь простому удовольствию от прикосновения его кожи. Но потом мои руки отяжелели.

Он осторожно положил меня обратно на подушку и ушел.

Я свернулась калачиком под одеялом. Мне так тепло и безопасно. И, совершенно счастливая, я снова заснула.

Пытка началась утром, когда док поднес три пальца к моему лицу.

– Сколько пальцев?

– Одиннадцать.

– Слава богу, – сказал он. – Я уже начал беспокоиться.

– А где же Его Нервозность?

– Уехал вчера вечером.

Я боролась с клубком эмоций: сожалением, что не увижу его, облегчением, что он убрался восвояси, счастьем, что он достаточно здоров, чтобы уехать. Я и правда безнадежна.

Дулитл вздохнул:

– Мне нужно говорить тебе то, что принято в таких ситуациях? Где ты, как самочувствие, как ты попала сюда?

Я посмотрела на него:

– Док, мы должны перестать встречаться подобным образом.

Кислая гримаса исказила его лицо.

- Ты убеждаешь того, кто и так согласен.

Джим оказался первым моим посетителем. Он проведal меня сразу после того, как меня истыкали иголками, померили температуру и вообще довели до состояния полубоморока.

Он бесшумно вошел и сел возле кровати: скорее начальник службы безопасности, чем мой угрюмый напарник. Джим очень серьезно на меня взглянул и произнес:

- Мы позаботимся о тебе.

- Спасибо.

Сама я в данный момент этого делать не могла. Док чуть не доконал меня.

Джим как-то странно кивнул и удалился.

Я была сбита с толку.

Затем появилась Джули. Она забралась ко мне в постель и лежала рядом со мной с глубоко скорбным видом, пока я отчитывала ее за то, что она рано выпустила Кэррана из клетки.

Вскоре в комнату ввалился Дерек.

- Как Ливи?

- Ушла, - ответил он. - Поблагодарила меня, но не смогла остаться.

- Мне жаль, - сказала я.

- А мне нет, - жестко вставила малышка.

- Я не ожидал другого, - продолжил Дерек.

Его лицо превратилось в каменную маску, а голос был лишен всяких эмоций. Несмотря на все, что я твердила ему, он наверняка верил, что она его любит.

- Я стал ее билетом на свободу. Меня это вполне устраивает. Кроме того, многое изменилось...

Он указал на свою физиономию.

Джули соскочила с кровати.

- К твоему сведению, мне все равно!

И она убежала. Дерек посмотрел на меня.

- Что она имеет в виду?

Малышка втюрилась в оборотня-подростка. Но почему именно я должна все объяснять? Почему? Что я вообще кому-то сделала?

Я натянула одеяло до подбородка.

- Твое лицо, Дерек. Ей наплевать, как ты выглядишь. Иди, разберись с этим сам.

И я отключилась. Когда я проснулась, то обнаружила дока.

Через минуту в комнату ворвалась Андреа и прогнала Дулитла. Она придвинула стул к постели и посмотрела на меня.

- Где я и как я сюда попала? - спросила я.

Дулитл предлагал ввести меня в курс дела, но я знала, что от нее я получу версию без нравочений.

- Ты в убежище Джима, - начала она. - После того как ракшасы схватили тебя, Кэрран свихнулся. Он позвал всех оборотней, которые находились в «Яме»...

- Их было больше, чем нас, Мэхон и Тетушка Би? - перебила я.

- Да, конечно. Он подумал, что они могут пойти на все, чтобы мы выиграли. Ладно, слушай. Мы последовали за Джимом по Юникорн-лейн в джунгли, гоняясь за летающим дворцом. Проклятая штука приземляется каждые два часа, думаю, для того, чтобы двигатели не перегрелись, или что-то в таком духе. Мы ворвались внутрь. Началась драка. Я в зале не была, находилась с группой, которая сломала один из двигателей. Я увидела Кэррана уже после сражения. Он держал тебя на руках, и выглядела ты дерьмово.

- Ясно. - Примерно так я все себе и представляла.

Андреа пристально посмотрела на меня и понизила голос:

- Ты вдребезги разбила Алую звезду.

Неужели она узнала меч?

- Чего?

- Доверься мне хоть немного! Я близка к тому, чтобы получить должность мастера по оружию. Буду спецом не только по огнестрельному. - Андреа поморщилась. - Я прошла все инструктажи по безопасности. Если бы не Тед, я бы давно стала квалифицированным рыцарем. Я в курсе, на что был способен тот меч.

- А остальным ты не проболталась?

- Я рассказала им про Алую звезду и про то, что, если бы не ты, мы бы лежали на обеденном столе ракшасов, - без капли сожаления ответила она.

- Лучше бы ты помалкивала.

Она взмахнула рукой:

- Проехали. Ты сделала это, Кейт. Меч выкован из крови Роланда, а ты своим харакири уничтожила Алую звезду. Все логично. Я не дура, пожалуйста, никогда не думай, что я глупая.

Она сложила дважды два.

Только кровное родство могло уничтожить меч Роланда.

- Дочь? - спросила подруга.

Не то, о чем я бы могла солгать.

- Да.

Она побледнела.

- Думала, он не хотел заводить детей.

- Для моей матери он сделал исключение.

- Она еще жива?

- Он убил ее.

Андреа потеряла лицо:

- Кэрран знает?

- Никто не знает, - ответила я.

Ты - моя лучшая и единственная подруга. Пожалуйста, не заставляй меня убивать

тебя. Я просто не смогу.

Она глубоко вздохнула.

– Ладно, – произнесла Андреа. – Вот и хорошо. Наверное, будет лучше, если мы все так и оставим.

Я вспомнила, что нужно дышать.

– Это смешно, – проворчала я.

– Тише ты! – Андреа вставила ключ в замок и открыла дверь своей квартиры. – Ты поживешь у меня пару дней. Я обещала доку, что присмотрю за тобой в выходные. Я должна удержать тебя от очередного штурма.

Либо так, либо провести еще сорок восемь часов под присмотром Дулитла. Он – потрясающий медмаг. Другого такого нигде не найдешь в целом мире. Он добрый и заботливый, и он гораздо лучше, чем я сама. Но чем дольше остаешься у него на попечении, тем сильнее проявляются его родительские склонности. Он бы кормил меня с ложечки, если бы я ему позволила.

Пребывание у Андреа являлось меньшим из двух зол.

– Я считаю, что тебе следует взять цветы, – сказала она мимоходом.

– Они от Саймана.

Метаморф, верный своему стилю, прислал мне белые розы с благодарственной карточкой и оставил их на пороге конспиративной квартиры Джима, о местонахождении которой Сайман не должен был знать. У ягуара чуть апоплексический удар не случился, когда он обнаружил букет.

А карточка оказалась еще информативной. Там было написано, что София, продюсер Полуночных Игр, кое в чем призналась. Именно она предоставила ракшасам осколки с «Волчьего алмаза». Вероятно, она наняла несколько подставных игроков и по-крупному ставила на «Жнецов», которых тогда еще не слишком воспринимали всерьез.

Сайман не упомянул о дальнейшей судьбе Софии. Думаю, на приятные сюрпризы ей надеяться не стоило.

Андреа заглянула в гостиную и замерла. Подруга стояла неподвижно, как статуя, с открытым ртом. Сумка соскользнула с ее плеча и упала на пол.

С потолка гостиной свисало нечто огромное. Не совсем люстра, а тонкая, семифутовая, гигантская... штуковина, похожая на искореженную рождественскую елку, сделанную из медной проволоки и увенчанную книгами Лорны Стерлинг. Тома с первого по восьмой расположились веером на самом верху. Под ними были несколько уровней проволочных ветвей, которые расходились под всевозможными углами, на них висели десятки изящных хрустальных украшений. Они покачивались на тонких золотых цепочках и мягко звенели, когда сталкивались между собой.

Каждое украшение оказалось декорировано ленточкой, к которой был привязан кусочек ткани: белой, пастельно-розовой, синей...

Как во сне, Андреа протянула руку и сорвала с «дерева» подвеску. Та раскрылась у нее на ладони.

Она взяла кусок ткани персикового цвета, встряхнула ее, и я увидела стринги.

Я моргнула.

Она уставилась на меня, лишившись дара речи, и потрясла стрингами.

Ее глаза напоминали блюдца.

– Я ухажу, – выдохнула я и выскочила вон.

Дулитл никогда ничего не узнает. По крайней мере, теперь я поняла, куда исчезал Рафаэль во время турнира.

Я поехала на лошади Стаи к себе домой. Даже не упала с нее, что потребовало от меня героического усилия воли. Отсутствие восхищенных толп, готовых встретить меня с цветами и медалями у крыльца, было печально разочаровывающим.

Я зашла к управляющему за новым ключом, поднялась в квартиру и изучила свежий замок. Большой, металлический и блестящий. Ни единой царапины. Даже у ключа был причудливый паз, что сделало всю конструкцию предположительно полностью защищенной от взлома.

Выкуси, Ваше Величество.

Я отперла дверь, вошла и закрыла ее за собой. Сбросив обувь, я поморщилась от боли в животе. Пройдет немало времени, прежде чем рана полностью заживет. По крайней мере, я уже не истекаю кровью.

Ладно. Завтра я стану беспокоиться о Хью Д'Амбре, Роланде, Андреа и прочих персонажах, а сейчас я была просто счастлива.

Я дома. Моя территория с привычными запахами, мой ковер под ногами, моя кухня, мой Кэрран на стуле...

Подождите-ка одну чертову минуту.

– Ты! – Я посмотрела на ключ, потом на Царя Зверей.

Вот тебе и дверь с защитой от взлома.

Кэрран спокойно закончил что-то писать на листке бумаги, встал и подошел ко мне. Мое сердце забилось в бешеном ритме. Золотые искорки плясали в его серых глазах. Он протянул мне листок и улыбнулся:

– Не могу дождаться.

Я продолжала тупо глазеть на него.

Он вдохнул мой запах, открыл дверь и ушел. Я взглянула на записку.

«Я буду занят следующие восемь недель, поэтому давай условимся на 15 ноября.

Меню.

Я хочу стейк из баранины или оленины. Печеный картофель с медовым маслом. Кукурузу в початках. Роллы. И яблочный пирог, как тот, что ты пекла раньше. Я хочу его с мороженым.

Ты должна мне один обнаженный ужин, но я – не законченная скотина, поэтому можешь надеть лифчик и трусики, если хочешь. Голубые с бантиком вполне подойдут.

Кэрран,

Царь Зверей Атланты».

Благодарности

Рассказать эту историю было бы невозможно без моего редактора Энн Соуардс. Как всегда, спасибо тебе за твои советы, руководство и бесконечное терпение. Мне очень повезло работать с тобой, и я глубоко ценю твою помощь и дружбу.

Спасибо моему замечательному агенту Нэнси Йот за то, что она являлась ревностным защитником этой книги и проявляла терпение святой, спасая меня вновь и вновь.

Спасибо Кэм Дафти, помощнику редактора в Асе, за ответы на многочисленные и порой необоснованные просьбы о помощи.

Огромная благодарность Мишель Каспер, производственному редактору, и Андромеде Макри, ее помощнице, – вы позаботились о том, чтобы моя рукопись превратилась в книгу. Спасибо дизайнеру Аннет Фьоре ДеФекс и художнику Чэду Майклу Уорду за эффектную обложку.

Несколько человек уже ознакомились с моей книгой и были чрезвычайно любезны, высказав свое мнение о ней. Это – Бьянка Брэдли, Брайан Келли, Брук Нелиссен, Элизабет Халл, Хизер Фэган, Джанин Фрост (которая угрожала мне полицией), Дженнифер Лэмп и Джилл Майлз, Лесли Шлотман, Мелисса Райан, Мелисса Соумиллер, Мелджейн Брук, Риз Нотли, Шеннон Кроули, Стейси Купер и Вернида Вергала (которая не была в восторге от Дали). Большое вам спасибо, ребята! Вы сделали эту книгу лучше.

И наконец, спасибо моим читателям! Вы придаете всему этому смысл.

Примечания

1

Короткий японский меч. В основном использовался самураями. Этот меч носили в паре с катаной. *(Здесь и далее прим. пер.)*

2

Лиановидное растение. Полностью увивает собой деревья, кустарники, различные сооружения. Произрастает в Азии и на юге-востоке США.

3

Боже мой, я тебя помню. Маленькая убийца (*франц.*).